Бахытжан Канапьянов

ИЗБРАННОЕ

ТОМ ВТОРОЙ

АЛМАТЫ
“ЖИБЕК ЖОЛЫ”
2011

УДК 821.512.122=161.1
ББК 84 (5 Каз-Рус) 7-5
К 19

Издано по программе
«Издание социально-важных видов литературы»
Комитета информации и архивов Министерства связи
и информации Республики Казахстан

Канапьянов Б.
К 19 Избранное: В 2 т. – Алматы: ИД "Жибек жолы", 2011. –
Т. 2. – 536 с.

ISBN 978-601-294-055-8

Во второй том избранных сочинений Бахытжана Канапьянова вошли оригинальные стихотворения поэта (1985–2006 гг.), а также его поэтические переложения произведений «Кер-Оглы» Жамбыла Жабаева, «Тукетай и Маникер» Кенена Азербаева, лиро-эпической поэмы «Кыз Жибек».

УДК 821.512.122=161.1
ББК 84 (5 Каз-Рус) 7-5

Фото на вклейке:
Вечер поэзии Б. Канапьянова.
Лондон. Пушкинский дом на Блумсбери. 1 мая 2007 г.

ISBN 978-601-294-055-8
ISBN 978-601-294-053-4

© Канапьянов Б., 2011
© ИД "Жибек жолы", 2011

РАЗЛОМ ЭПОХИ И СУДЬБЫ

Пятилетие (1986–1991) оказалось для нашей республики судьбоносным. С кровавого декабря 1986-го, грозного Желтоксана, Казахстан начинает выходить на дорогу свободы. Как ни давила и ни устрашала партийно-идеологическая реакция, как бы жестоко ни расправлялся советский тоталитаризм с непокорной Прибалтикой, Азербайджаном, Арменией и другими очагами гражданского возмущения, дни советского крепостничества были сочтены – приближался 1991-й – год обретения национальной независимости, начала новой политической и культурной истории Казахстана.

Предчувствие великих перемен окрыляло, о трудностях и думать не хотелось. В такие эпохи художник испытывается на гражданскую зрелость – честность, мужество, гуманизм. Это было время Бахытжана Канапьянова, никогда не отделявшего себя от судеб своего народа, его культуры и литературы. К концу 80-х годов за плечами Канапьянова были уже Высшие сценарно-режиссерские (1976–1977) и литературные (1981–1983) курсы в Москве, работа на “Мосфильме”, потом в казахском кино в качестве режиссера, автора-сценариста, затем редактора издательства “Жалын”, литературного консультанта Союза писателей Казахстана. Вот когда его художественно-публицистическая и культурно-просветительская деятельность начинает выходить за границы своей страны и литературы, обретает профессиональные формы.

После Чернобыльской катастрофы в апреле 1986 года он добивается разрешения быть на месте события в составе

группы казахстанских спасателей. В 1987 году в Алма-Ате и в 1989-м в Киеве будет опубликован его взволнованный лирический репортажный цикл "Аист над Припятью", безыскусный, горький и сострадательный рассказ очевидца, наполненный гордостью интернационального соучастия в чужой беде, воспринятой как беда всеобщая. В 1988-м он опубликует перевод поэтичнейшего народного эпоса "Кыз-Жибек", многолетний труд во славу своей национальной культуры. В начале 90-х возникает издательский дом "Жибек Жолы", издательскую деятельность Бахытжан совмещает с активностью в области кино, в частности публицистически острой кинодокументалистики ("Балхашская сага", 1990, и "Последняя осень Шакарима", 1992) и "видеопоэзии", как он сам называет свои видеофильмы. В них он находит свои приемы художественного сращения лирического текста, портретно-зрительного и ландшафтного рядов.

Об этой стороне его творчества нужно сказать особо: она органично входит в его художественное мышление. Здесь сам принцип художественного двуязычия, прежде всего сочетания разных художественных языков, обретает некую голографичность – слово и кинокадр как бы "просвечивают" друг друга, получают объемность слово-звуко-живописи. В этом, наверно, нет ничего сверхординарного, но дело не в этом. Так прокладывается своя тропинка к кинолирике, жанру трудному, потому что найти меру соответствия, соположения, сингармонии слова, звука и кадра – задача нелегкая.

Кино и литература у многих наших писателей идут рука об руку, правда, с преимуществом последней, но иногда драматургический, актерский искус (талант?) втягивают автора в игровую стихию фильма. Так, например, прекрасным актером показал себя Сатимжан Санбаев, сыгравший Алиби Джангильдина ("Дорога в тысячу верст"), Тезек-торе в телефильме о Чокане Валиханове, Аблай-хана ("Батыр Баян"). Конечно, задатками художественного синкретизма, скажем, типа

Шукшина и Высоцкого обладают весьма немногие, но это только еще раз доказывает предрасположенность творческого воображения литератора к эстетической трансформации.

У Б. Канапьянова были и есть свои, казахские предшественники – тот же О. Сулейменов, по его сценариям было снято несколько художественных ("Земля отцов", "Синий маршрут") и научно-популярных фильмов. Бахыт Каирбеков тоже давно работает в кино и тоже после московских сценарных курсов снял несколько короткометражных философски глубоких художественных фильмов, а сейчас продолжает свой этнографический сериал о народных традициях. Так что есть и у кого учиться и с кем творчески соревноваться. А казахское профессиональное кино, как известно, добилось уже мирового признания.

В кино Бахытжан верен своим литературно-поэтическим принципам, но это не значит, что он попросту занимается их киноиллюстрацией. Что это за принципы? Они имеют общеэстетический, так сказать, художественно-концентрированный характер. Это острый, внимательный глаз и ассоциативная медитативность всегда движущегося, ко всему любопытного, неравнодушного авиа-авто-вагонокочевника. То же самое в его видеофильмах второй половины 90-х годов. Я сейчас оставляю в стороне более ранние историко-биографические фильмы его, например, об Абае, Шакариме, балхашской лагерной саге. В них гражданский лирико-публицистический пафос выходит на первый план. Но в фильмах последнего времени (правда, созданных после семилетнего перерыва: 1983–1990) прежде всего ощущается сокровенная, но сильная лиризация материала при помощи закадрового текста.

Бахытжан пробует разные варианты кино- и видеопоэзии: "туристские", дневниковые или ностальгические ("Бессонница: Париж", "Вольный город Франкфурт"), фильмы-кинопортреты ("День – Рафаэль" о Б. Ахмадулиной,

“Скрымтымным” об А. Вознесенском, “Фут-боль” об А. Ткаченко) и, наконец, собственно исповедальная кинословолирика, когда автор (поэт) не только смотрит, но и говорит со зрителем при помощи своих стихов (“Ландшафты”). Я отдаю предпочтение последнему, потому что глаз, голос и душа автора здесь находят друг друга, как “части целого”, пользуясь образной формулой Б. Каирбекова.

Думаю, что Бахытжан шел к этому варианту совершенно закономерно: ненасытный поэтический глаз кочевника, конечно же, заставлял вспоминать словесную музыку французской или немецкой лирической классики. А как же иначе? Ведь после распада советской империи стало особенно точным поэтическое предвидение О. Сулейменова (еще советского времени) – “мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом”. Это была не только дань памяти, но и дань уважения – поклон странам и культурам другого, западного мира. В ландшафтах и строфах, которые привлекли кокшетауско-алматинского “кочевника”, так или иначе звучала память Родины: “чувство мира” – это не только опыт завзятого путешественника, это именно узнавание “себя в другом”, т. е. приближение к себе еще неизвестному.

Фильмы, посвященные поэтам-современникам Бахытжана, кому-то могут показаться дружеской видеозаписью на память – знаком особой, сверхнациональной признательности. Что же зазорного в том, что поэт видит и слышит другого поэта, своего друга вместе со всеми (с залом, поклонниками, благодарными читателями)? Видит, как все, но, оказывается, очень по-своему. Вот, вдохновенно задыхаясь, читает Белла, не читает, а уже шаманствует, потому что слова превращаются в музыку голоса, и весь ее облик становится эманацией высшей поэзии. А. Вознесенский, напротив, человечески приближается к нам, с него снят обычный, уже как бы неотделимый от него налет вознесенского артистизма – в манере чтения, в жестах, взоре, даже неизменном шейном платке – и

предстает он в кадре как неутомимый, вечно ищущий, – поэт, озабоченный снисканием доверия и духовного родства со своими читателями. Никакого панибратства, напротив – поэт-друг как бы приподнят над обыденностью, и Бахытжан откровенно, почти по-детски любуется его талантом, всей его человеческой сущностью. Но в этих и других фильмах кинопортретирование – на первом плане. Камера в этих случаях может быть безжалостной – все же возраст, все же обычные, не студийные условия общения операторов и режиссера со своими героями. Однако снято и смонтировано так бережно и в то же время так возвышенно-искренне, без ложной патетики, что читатель-зритель, знающий поэзию Ахмадулиной, Вознесенского еще с эстрадных 60-х годов, верит, что это они, теперь, может быть, уже не те кумиры его молодости, но тем не менее безусловные художники, уже ставшие гордостью русской литературы XX века. А с другой стороны, не так и часто наши кинематографисты создают кинопортреты писателей-современников. Кроме беглой и как бы случайной кинохроники, мы не имеем кинопортретов Л. Толстого, М. Горького, В. Маяковского, М. Ауэзова, Джамбула, Г. Мусрепова, О. Сулейменова и многих других.

Но в “Ландшафтах” Бахытжан создает авторский лирический кинопортрет в интерьере городской и природной современности. Это не означает, что фильм рассказывает о его жизни и творчестве. Отнюдь. Автор просто читает свои любимые стихи и читает их еще как тонкий искусный режиссер, и нам раскрываются тайны его поэтической души, его образное ассоциативное мышление. И тогда оказывается, что канапьяновская “бездомная цыганская муза” – это вечно беспокойная, странствующая мысль о мире и человеке, о его истории, современности и туманном завтрашнем дне. Многие стихотворения (пейзажные, любовные, исторические и т. п.), взаимодействуя с образным зрительным рядом, превращают красивый поэтический фильм прежде всего в

лирическую исповедь. В ней голос поэта – это голос певца за сценой, но в этом-то и заключается вся суть – простая и, как всегда у Бахытжана, очень глубокая – смотри и думай или думай, слушай и смотри: мироздание одухотворено, и поэт насыщает нас этой духовностью во имя более совершенного, более человечного нашего бытия:

И прячась строкою в дискету[1],
Проступит на той стороне
Тот образ, что виден поэту
В небесном предутреннем сне…

Так аукаются друг с другом философская лирика и лирико-философский фильм одного и того же автора…

В трудную эпоху перемен (1986–1991), надежд и разочарований, на изломе времен особенно казалось да кажется еще и сейчас, может быть, – бывшим советским людям, как и бывшим советским писателям, – что наша большая братская история по имени СССР не только канула в вечность, но и унесла с собой навсегда то чудесное "чувство мира" – дружеского локтя и сердца, духовной общности поверх национальных барьеров…

Лирика Бахытжана Канапьянова – чуткий барометр общественного духосознания. Это он, ничтоже сумняшеся, просто и честно выразил смутное чувство потери и растерянности, когда мы еще только начинали осознавать, что распад Союза означал еще и распад гигантского адского ГУЛАГа:

Конечно, винить я не вправе,
Конечно, судить не берусь,
Но к этой сверхмощной державе
Семейная горечь и грусть…

[1] Да простит нас автор за малое своеволие, но в контексте "Ландшафтов" эту строчку можно представить и в таком варианте: "И прячась строкой в киноленту"…

…В степи,
Где останки Карлага,
Свою ли могилу ищу?..

Ностальгические и полемические размышления (“Суд поколений // Витийствует задним умом…”) приводят поэта к проблеме бесконечности наших человеческих усилий стать когда-нибудь свободными людьми:

Раба из себя изгоняем
Всю жизнь изгоняем раба.
Что?..
Заново все начинаем?
Такая ли наша судьба?

Активный возврат поэта в телекино, мобильный и массовый жанр, – еще одно художественное средство более демократичных и действенных контактов художника с современностью, особенно на ее крутых исторических поворотах. Только думающий, гражданski беспокойный художник продолжает великую гуманистическую традицию, или миссию, рабоизгнания вовне и внутри нашего сознания. Безусловно, способствовало тому и включение Бахытжана в рынок с идеей бездоходного издания высокой, заведомо нерыночной литературы. И поэзия его, а также авторитет просветителя-бессребреника, патриота общечеловеческих культурных ценностей открыли ему пути и маршруты масштабного земного кочевья.

Вернемся в то нелегкое время середины 90-х годов, когда мучительно-безнадежно стоял вопрос – как выжить?.. Что делать?

* * *

Наши газеты недаром восторженно отметили выход сразу двух стихотворных книг Бахытжана Канапьянова. Еще бы! Появились они за пределами Казахстана, в разных

концах света – одна в Москве (“Горная окраина”. М., 1995), другая “Время тишины” – в Бостоне (США, издательство “Фар энд Уайд”, 1995). Первая – на русском, языке автора, вторая – на английском (перевод американского поэта Петера Оресика) да еще с добрым напутствием Андрея Вознесенского.

Англо-русская наша газета “Время по Гринвичу” дала сенсационный заголовок – “Время тишины” Бахытжана Канапьянова начинает завоевание США”. Каково? По рыночным временам, в условиях нарушенных культурных связей, особенно книгообмена, даже с ближайшим зарубежьем – это факт, заслуживающий не только радостного удивления, но и серьезного внимания.

Английскую книжку Бахытжана, будем надеяться, заметят в Штатах и критика, и читатель, для нас же главный интерес, уже не экзотический, представляет его московский сборник. Не знаю, появится ли он в наших магазинах при тираже в 1000 экземпляров, но серия, в которой он вышел, “Рекламная библиотечка поэзии”, вероятно, специально рассчитана на внимание читателей, преданных поэзии и духовно, и профессионально. Издатели не поскупились на дорогую бумагу и отличное оформление – портрет автора на обложке, а в качестве иллюстраций – петроглифы Сары-Арки и Мангышлака, заимствованные из известного исследования талантливейшего, к сожалению, уже покойного Алана Медоева “Гравюры на скалах”. Так что уже по чисто внешним признакам в Москве вышла книга именно казахского поэта, восьмая по счету и в определенном смысле итоговая.

За двадцать с лишним лет поэтической работы восемь книг – немало, тем более что среди них и перевод на русский язык прекрасного лирического эпоса “Кыз-Жибек” (“Жалын”, 1988). Жаль, что автор не включил в свой московский сборник хотя бы фрагменты этой поэмы. Русскоязычные казахские поэты (Б. Каирбеков, К. Бакбергенов, О. Жанайдаров, А. Еженова и др.) переводческую работу не

без основания считают творчеством, поэтическим мостом, связующим две культуры и два языка. Думаю, что и Бахытжан здесь не исключение.

В "Горной окраине" всего 42 стихотворения. Почти все они, по-видимому, принципиально датированы и образно воссоздают духовный мир поэта в его самых разных ранних и поздних проявлениях. Возникает впечатление миниатюрного избранного или лирического автодайджеста. Стихотворения последних двух-трех лет, конечно, преобладают, но между ними то и дело являются и стихи конца 70-х – начала 80-х годов, мотивы, которые, как видно, уже вошли в поэтическую кровь и плоть автора.

Это прежде всего мотив сыновнего покаяния, очень характерный для многих русскоязычных казахских писателей, особенно усилившийся в эпоху государственной суверенизации, хотя возникает он еще задолго до нее.

"Позабытый мной с детства язык, // Пресловутое двуязычие, // При котором теряю свой лик // И приобретаю двуличие". В этих строчках 1979 года Бахытжан выразил общее чувство вины предельно емко и остро, вплоть до того, что почувствовал себя "недостойной сменой" своих степных дедов и отцов. В несколько туманном стихотворении 1994 года "Дорога дальняя..." мотив двойничества звучит глухими намеками на ту же боль и вину, как, может быть, и пафос отказа от авторства в другом ("На горной дороге в тумане"). И хотя автор в первом случае надеется подружиться и "без спора разобраться" со своею тенью, вероятно, городской, инокультурной ипостасью, – все же "невидимая ноет рана, // И не проходит стороной", все же – "у меня права иные. // Мои права увез двойник".

Если в юношеской лирике Бахытжана кони, увиденные его сыном впервые только в цирке, были символом утраченного, естественного детства, национальных корней, то теперь – это ностальгия, несколько притупившаяся от времени и знакомства с миром, разными странами, однако до конца не преодоленная. Тут, наверно, даже "чувство мира" не спасает. Можно ощущать себя "частицей Амстердама",

“сверять гекзаметром Афины” и видеть сигналы ангела “где-то над Гудзоном”, но все равно, как самозаклинание, главное – это остаться “придорожной пылью”, “кустом единственным” в родной степи, поклониться праху степной воительницы-амазонки…

Ах, эта маргинальность, это саднящее чувство внутренней чужеродности, или – как это еще можно назвать более деликатно и точно?! – “без вины-виноватость”? Уверения в своей преданности и патриотизме? Не игра же это в самом деле, не кокетство?

Творческое русскоязычие, в советское время очень модное и идеологически санкционированное, стало явлением обычным, как, скажем, за пределами нашей красной Родины англоязычие В. Набокова, Дж. Конрада, а у нас, в СССР, художественное русскоязычие Б. Окуджавы, Ф. Искандера, Ч. Айтматова, В. Быкова, О. Сулейменова и многих других. Как бы ни спорили критики, никто из этих писателей не утрачивал своего национального мироощущения, но являлся художником, сочетающим богатства разных культур. Что же в этом ущербного? Надо бы попросту гордиться, что в народе являются такие таланты космополитического свойства и попутно изживать националистическую подозрительность к ним, подобную советской классовой нетерпимости. Но, видимо, пока не все так просто. Хотя между прочим подобное покаяние, как правило, не свойственно поэтам и писателям, названным выше, в том числе и нашему Олжасу. Словно они вообще не придают значения языку собственного творчества. Но это, конечно, не так. “Все мы, – говорит о своем поколении русскоязычных литераторов О. Сулейменов, – хотели быть писателями национальными и интернациональными, все мы – в одной упряжке, хотя у каждого свои специфические задачи” (“Мы приходим, чтобы действовать”, 1981).

“Чувство мира” Бахытжан культивирует давно и сознательно. Расширяет географию своих творческих связей: до Америки его книги выходили и в Москве, и в Киеве; он отзывался на самые трагические события нашей

современности (Чернобыль) и всегда стремился воочию видеть все, что не похоже на жизнь и быт его народа. Поездить пришлось ему немало, но туристом мира он не стал, потому что всегда ощущал себя, как напишет в стихах 1993 года, "кочевником с авиабилетом", которому "земля мала для... странствий". Вот, казалось бы, естественная эволюция национального сознания в нашу техническую и трагическую эпоху. Сознания именно национального, немыслимого и не мыслящего себя вне фольклорно-эпических истоков. Ведь уже в привычный ряд для самого поэта вошли многие бытовые и бытийные реалии нашего времени: "Заменю электробритву, // Напишу одну из книг, // Вспыхнет в памяти молитва, // Что когда-то пел старик". Казалось бы, и ладно, и хорошо, "консенсус" найден, бытие на свой лад определило сознание. Но как раз в это мгновение случайной гармонии опять, словно тень расплаты, проходит очень блоковский мотив: "Мелькнула цыганкою в шали // Бездомная муза моя!.."

Так, в сердцевине лирического космоса "Горной окраины" все еще жжет своя невидимая рана. Впрочем, "бездомная муза" Бахытжана, его лирика стала теперь духовно более зрелой, умудренной. Как и раньше, она врачует свои и чужие страдания добрым утешением, светом надежды, упованием на согласие и красоту в нашем несовершенном общежитье. Но будучи внимательной и сейсмически чуткой свидетельницей истории, она несет в себе особый нравственный опыт или завет – никакие перемены не отменяют нашего прошлого, напротив, они восстанавливают духовную нравственность разных поколений и эпох. Может быть, с подчеркнуто есенинской интонацией, тоже ностальгически говорится об этом в прекрасном стихотворении "Спой мне песню из времен застоя...", которое и заканчивается уверенностью в том, что залогом устойчивости и полноты нашего бытия являются самые простые и вечные ценности: "Спой мне, друг, одну из наших песен, // Излечи, как двадцать лет назад". Это, пожалуй, самое верное средство преодолеть и чувство

духовной маргинальности, и “разлом эпохи той, // Что, окатив волною, // Становится судьбой”. Средство верное, но, конечно, не единственное.

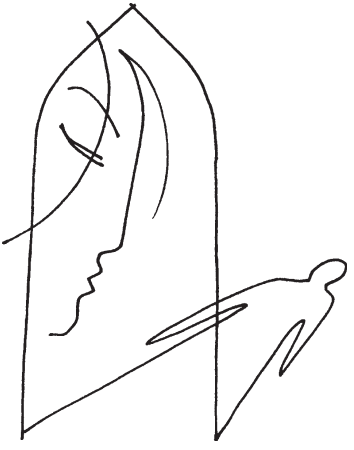
“Разлом” советской эпохи не стал для Бахытжана и его лирики катастрофой, которая выбивает из колеи. Он не был ее присяжным воспевателем, но и публично не отрекался от нее, как не торопился преждевременно радоваться свободе и демократии в обличии перелицованных партократов. Он писал стихотворные репортажи с места события – о трагедии Чернобыля и беззаветном, советском героизме “ликвидаторов”, переводил “Кыз-Жибек” и, может быть, под влиянием этой вечной народной песни о любви проверял нравственный актив, духовные основы своей лирики. На смену восторженному “чувству мира” приходило понимание его трагичности, а в ряду самых надежных и верных средств духовного спасения и выживания ему открывались, кроме песни и дружбы, еще и другие, старые, как мир, идеалы:

В этом мире пустом и безумном
Чист твой образ в оправе окна…
…Только вечны любовь да свобода,
Да под осень земные дары.

Вот так поэт извлекал из своей эпохи, из своей жизни ее “животрепещущую суть, // Разлом судьбы в ней различая”. Так сходились и сходятся в его лирике сдвиги социальные и личные. И не просто сходятся, а как бы естественно вытекают один из другого, роднятся по “несходству сходного”.

Виктор Бадиков,
2002 г.

Пространство циферблата (1985–1986)



СРЕДИ ЛИСТЬЕВ

Я не знаю,
Что за птица,
Птица
Крыльями прошелестела.

Или,
Может, это листья,
Листья
В кроне прячут ее тело.

А она
Не хочет, птица,
Птица,
В кроне лиственной гнездиться.

И крылами
В плену листьев,
Листьев
Машет, машет то и дело.

1985 г.

* * *

Меня увлекает ночами
Весенняя ветка в окне.
Небесными бредит огнями
Душа, что очнулась во мне.

Люблю эти запахи ночи,
Сирени живой аромат.
Судьбы незатейливый почерк,
Вдоль неба кочующий взгляд.

1985 г.

* * *

Грядущее – гряда
В прозрачной дымке гор.
Холодной кромкой льда
Мой беспокоит взор.

Эй, ветерок, развей
Случайную слезу!
Необозримость дней –
Долиною внизу.

1985 г.

ГОД ЧОКАНА

Год Чокана под знаком ЮНЕСКО,
В нем скрещенье эпох и дорог.
Шлет письмо в Сырымбет
Достоевский,
Чтобы поняли мы между строк
Нашей гордости грани таланта
И научных трудов его – суть,
Что лишает погон адъютанта,
Дав нам всем по-иному взглянуть
На начало его академий,
Что и значимо, и велико...
Раз в столетье – рождается гений,
Ну а мы – лишь потомки его!
Год Чокана под знаком ЮНЕСКО –
От Парижа до Алма-Аты.
Вот проходит проспектом
он Невским,
В нашу жизнь воплощает мечты.
И в айтысах,
Где песня струится,
И в анналах библиотек
Год Чокана
Не раз повторится,
Вырастая
В чокановский век.

1985 г.

* * *

Божественную перфокарту
Выдадут по логике Декарта.
И ломаную линию судьбы
Двумя координатами среды.

1985 г.

СПИРАЛЬ ДВИЖЕНИЯ

Тяжелая проза столетий
Спрессована в книжный формат.
А новорожденные дети? –
Из будущего
Их взгляд.

Из полураскрывшихся почек
Глядят удивленно сквозь тьму.
И слогом пришельцев лопочут –
“Откуда?
Зачем?
Почему?”
Раскроют тома они странствий
И, прячась с годами за шрифт,
Убьют в себе
неандертальца
И – прочий
космический
миф.

Страшит ли нас книг изобилье
И вся информация вширь?
И чтобы про это забыл я,
Тайгою поможет Сибирь.

Под белою тайною снега
Корни природы не спят,
Эпоху грядущего века
В недрах, быть может, таят.
Проступят на новой странице
Сквозь набранный судьбами шрифт
Моих современников лица,
Реальность,
поэзия,
миф.

1985 г.

* * *

Не только же тридцать седьмой?
Так было и раньше, и позже,
И это, и это тревожит –
А вдруг не пройдет стороной?
Не только же в тридцать седьмом,
Вина не в одном человеке,
А в чем-то безумно ином,
Что вбито, быть может, навеки
В сознанье под чьим-то углом.
Не только же в тридцать седьмом.

Конечно,
винить я не вправе,
Конечно,
судить не берусь,
Но к этой сверхмощной державе
Семейная горечь и грусть.
В степи,
Где останки Карлага,
Свою ли могилу ищу?
Казенная стынет бумага,
Я в буквы вчитаться спешу.
О господи!.. Суд поколений
Витийствует задним умом.
Там где-то рождается гений.
Все верно, но речь не о том.

Раба из себя изгоняем,
Всю жизнь изгоняем раба.
Что?..
Заново все начинаем?
Такая ли наша судьба?

1985 г.

ДИСКУССИЯ

– Да, мы виновны без вины! –
вскричал в толпе прохожий.
Колючие глаза пусты, но взгляд – мороз по коже.
– Да, я виновен, что молчал громаду лет, быть может,
Поэтому не замечал все то, что нас итожит.
– Пусть в этом есть моя вина, наследие застоя...
– Дай силы мне, моя страна, я не прошу покоя.
– Настало время молодых, хотя судить не вправе,
Но будут ли коней своих менять на переправе?

1985 г.

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Мир распят перекрестьем визира – и обратный
готовится счет,
Никому не угодная лира на руинах свой век отпоет.
Бродит ветер минувшей эпохи, юбилейных лишая наград.
Орудийный не слышится грохот... Слово молвит
по разуму брат:
– Планетарий мой – пролетарий. Во Вселенной
кочевье мое.
Под ногами космический гравий... Дай мне руку,
отбросив копье.

1985 г.

* * *

Для семьи ждут годами жилища современные скифы,
Чтобы на очередь взяли – заявления пишут они.
И по норам квартирным друг друга по городу ищут,
И дыша в телефонную трубку, гортанные песни поют.
Вот и степь подступает к глазам из бездны телеэкрана,
И словно бы ржанье коня – на балкон их ночами влечет.
Сын коровий кумыс принес вечером из гастронома,
Глядя с портрета на внука, в усы усмехается дед.

1985 г.

ПЛЫВУТ ОБЛАКА

О ветер, ветрило, чему, господине,
веешь навстречу?

Плач Ярославны

Выйду из поезда – степь на все стороны света.
И – на земные края облака, облака оседают
И до синевы приподнимают эти земные края,
Стрелочник с сыном, клин журавлиный
и молчаливый сурок,
Связи едины, незаменимы – вместе и в каждом живут.
О ветер, ветрило, чему, господине, веешь навстречу?
Горькую горечь джусана вдыхая, кану я за холмом.
И ветер развеет, как горсточку проса,
мысли в пространстве,
Многовековая странствует стая – крылатые мысли.
– Скифы, спешите видеть того, чье слово было законом!
– Ветер возгласы носит из небытия, пали оковы.
Земля плачет древней травою, рельсы плач
в бездну уводят.
Веселые птицы садятся на шпалы – и умирают.
По левую сторону я ухожу – и слышу стук сердца.
На правую сторону перехожу – спит балбала[1] с чашей.
И птичьим крылом я ладони сложу – и линию жизни
Вижу в ладони – будто с рожденья храню нить Ариадны.

1985 г.

[1] Каменное изваяние.

ПОСЕЩЕНИЕ ДОМА ДЕТСТВА

Памяти няни

Спит няня моя – Исакова Евдокия Михайловна,
Я помню, как в школу меня по утрам она снаряжала:
Три учебника, стопка тетрадей, в пенале ручка с пером –
Это во имя того, чтобы слово в душе преломилось.
Чтобы, как яблоко осенью, я чувствовал слово на вкус,
Как глубину глаз материнских – я чувствовал слово
на взгляд,
Как нянину песнь о России, я чувствовал слово на слух,
Грозою набухшего облака чувствовал слово на вес –
Это во имя того, чтобы слово судьбу продолжало.
Спит моя няня – Исакова Авдотья, дочь Михаила,
Жизни минувшей заботы здоровье ее подорвали.
И я как сиделка сижу у воздушной кровати ее,
Слово из детства буквами горло дерет, воздух глотаю,
Няня откуда-то издали молвит:
– Твой раскрылся портфель.

1985 г.

ТЕЛЕМОСТ

Человека Новых Времен я пою.
Уолт Уитмен

И между державами лег телемост “Сан-Диего – Москва”.
В небо экрана дыша, ветераны войну вспоминали.
Плакал бывший солдат...
“Нет, не прошу я прощенья за слезы”, –
Молвил своим и далеким на той стороне океана,
Но также своим по встрече на Эльбе в году сорок пятом.
Ладони и взгляды тянулись сквозь бездну –
друг друга понять.
“Ай лав...”, “я люблю”, я ловлю, я в мыслях
вхожу в телефразы.
“Вы слышите? – Мы оставляем вам... –
строчка Маклиша[1] плывет. –
...все наши смерти. Дайте значение им. Мы молодыми
были, Земля и земляне, помните нас...” –
строчка над миром.
Вы слышите, слышите, слышите, слышите, слышите вы?
“Темная ночь, – в телецентре поют, – пролегла
между нами”.
Поймет это первым поэт, поймут вслед за ним остальные,
Что значит держать на хрупких плечах
между державами мост.
Атланты уходят. Их дети – земляне – глядят на экран.
Видят друг друга они, уходящие кадры эпохи.
Стоп-кадр. Два сына Земли обнимают друг друга до хруста.
“О кэй! – Будь здоров!” Элегантна небритость
солдатской щеки.

1985 г.

---

[1] Американский поэт-антифашист.

СИРЕНЬ

...За эту ночь она вскипела,
Взрывались гроздья на холмах.
Цветенью не было предела,
Как будто бы морская пена
Плескалась с листьями в садах.

С ограды каменной свисала,
Медуза раскрывалась ей.
Сирени гроздь в себя вбирала
И – нежной слизью пеленала
Средь отражаемых ветвей.

Рыбак ей хмуро улыбнется,
И девушка, томясь, вздохнет.
На солнцепеке дед очнется,
Пройдет без цели и – вернется...
О, как сирень в Крыму цветет!

И – чайки лепестки клевали,
В сирени чуя чешую.
И – корабли свой курс меняли,
Хотя об этом и не знали,
К весеннему стремясь огню.

Я ночь не спал,
Я утром видел,
Как своевольная рука
Сирень ломала без обиды –

Последние кусты Тавриды —
Царапалась она слегка.

На подоконниках,
в киосках,
В троллейбусах
и у кассирш,
Дух забивая,
что в авоськах,
Сирени запах
был душист,
Он стлался к морю
с горных крыш,
Он в ноздри бил,
и в небо стриж —
Ишь!

Желаю я ему,
шальному,
Найти сообщницу судьбы.
Стрижу все это незнакомо,
Стриж рвется из гнезда
у дома
На телеграфные столбы.

* * *

Я вспомню детство с тихим двориком,
Себя почувствую я школьником,
И от толпы отстану в тень.
Гурзуф. Кафе.
Сижу за столиком,
Где дышит
мертвая
сирень.

1985 г.

ДОЛИНА

Сержану Канапьянову

В долине таял образ дня,
Рождались тени.
Куст превращался возле пня
В рога оленя.

Бездонно следом ночь плыла,
Дышала тучей
Сквозь слой воздушного стекла
Над горной кручей.

Войду ли в ночь... Но белый конь
Скачком с кургана
Обронит и в мою ладонь
Росу тумана.

В ней возгорится образ дня
Лучом кристальным...
Все повторится без меня
В долине дальней.

1985 г.

ЛАДОНЬ

Ладонь твоя
раскроется...
Ты не считай столбы –
В одной долине
сходятся
Зигзаги гор,
зигзаги гор
И – линия судьбы.
Давай
друг друга
Вспомним
по линии
Ладони.

Узор на листе
зеленом,
Тропою уходят кони.
Не время сейчас погони,
Ты прячешь лицо в ладони.
А в сердце азарт
угона,
Не выпрыгнуть
Мне с балкона.
Не вскрикнет моя добыча,
Что поперек седла.
Ты скажешь: “Обряд – обычай
Скатился до ремесла”.

Давай
  друг друга
Вспомним
  по линии
Ладони.

И — линией реактивной
Небесный прошит простор.
И — низкие тучи —
                гривами
Ложатся в ущелье гор.
И — брошено в почву семя.
Соприкоснулось время
С линией вдоль ладони.
Посевы не топчут кони,
Посевы не топчут кони.

На ипподроме
          с ладони
Давай мы коня
Покормим.
Давай мы друг друга
Вспомним
  по линии
Ладони.

1985 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поэма-хроника

I

“Мой отец, Ахметов Арыстан, был заживо сожжен фашистами. Помогите мне, дочери погибшего воина, никогда не знавшей отцовской ласки, найти место его захоронения”.

(Из письма
Меруерт Арыстановой,
27 октября 1984 года)

Простите за почерк,
  что так неровен,
Где мой отец,
  где мой отец
        похоронен?
Кто вышел из боя,
  вырвался
        из когтей смерти,
Ответьте
  ответьте,
        ответьте,
Ответьте
  по адресу,
        что на конверте.

Командующий фронтом,
у Волги
ваш фронт пролегал,
Где могила отца,
где могила отца,
генерал?
Штаба начальник,
пехоты стрелковой
комбат,
Где похоронен
отец мой – солдат?
Бойцы и соратники,
однополчане,
Одною шинелью
укрывались
ночами,
Одну самокрутку
по кругу
курили,
Где вы отца
похоронили?..

II

“Сегодня мы вспоминаем Арыстана Ахметова. Кажется, он по-прежнему с нами. Еще звучит его длинная, как степная дорога, и мягкая, как июньский ковыль, песня. Мы знаем эту песню. Он сложил ее сам. Она была не совсем складна, но мы любили ее”.

(П. Н. Кузнецов,
“Неумирающая песня”, 1942 год)

– Эй, Джангалы мои, Джангалы,
Над тобою парят орлы.
Скачут лошади на водопой,
Среди них жеребенок мой.
Джангалы мои, Джангалы,
В небе вольном живут орлы.
Смуглой девушки стройный стан
Вижу я сквозь густой туман.
Степь раздольная, края нет.
В юрте матери брезжит свет.
Джангалы мои, Джангалы,
Бьются насмерть твои орлы.
Аруана вдали плывет,
Знать, по нашим следам бредет.
Джангалы мои, Джангалы,
В дом вернутся твои орлы.
Джангалы мои, Джангалы,
Э-э-эй, Джанга-а-лы!

III

“Джангалинская степь. Он любил ее, он за нее воевал, ради нее он готов был идти на смерть. Западный Казахстан. Джангалинский район. Аул № 8. Родное гнездо вольного человека. Родной аул Арыстана.

Ушел он из блиндажа вот такой же темной ночью. Ушел выполнять боевое задание. Мы никогда не прощаемся. Мы любим жизнь. Мы боремся за жизнь. Мы верим, что друг вернется. Мы хотим, чтоб он обязательно вернулся. В прощании же всегда скрыто что-то печальное. И Арыстан знал фронтовой обычай. Вскинув автомат, он весело присвистнул и сказал: “Ночь наша, и утро будет наше! Э-э, Джангалы, Джангалы...”

(П. Н. Кузнецов,
“Неумирающая песня”, 1942 год)

Ночь и утро будут
нашими,
И Победа,
что вдали.
От имени живых
и павших,
От имени родной земли
Я клянусь,
что буду биться
До последнего врага.
Волчьей стае, нет,
не скрыться,
Буду бить наверняка.
В рукопашной схватке
буду
Духов предков
я достоин.
Арыстан[1] я,
грозен всюду —
Армии Советской воин.
Я вернусь в аул с наградой,
Напою коня у речки.
Только вот
расправлюсь
с гадом,
Мне не страшен
вражий кречет.

[1] Лев.

IV

“И он вернулся к нам. Вернулся наш верный, боевой друг. Вернулся в рассказе, в песне. В неумирающей песне о мужестве, о величии советского человека”.

(Из сборника “От Алма-Аты до Берлина”, 1945 год)

– Эй, Джангалы мои, Джангалы,
Из ночной вы встаете мглы.
Вижу я в глубине родника –
Жизни прошлой плывут облака.
Над Уралом, я вижу, утес,
У которого в детстве я рос,
И с которого прыгал в Урал,
И целебные корни искал.
Джангалы мои, Джангалы,
Выбил надпись на кромке сиялы:
Арыстан я, Ахмет-улы.
Видят надпись твои орлы,
Джангалы мои, Джангалы,
А-а-ай, Джангалы!

V

“Арыстан был в бою. Горстку храбрецов окружил батальон фашистов. Ни один из бойцов не дрогнул. Не отступил ни на шаг и Арыстан. Он был тяжело ранен, но пока в диске оставались патроны, его автомат сеял смерть в гитлеровских цепях. Фашисты пошли в атаку. В ответ им неслось страшное “Ура!” Но бойцы не поднимались. Они не могли подняться. Их было только 19 против батальона. Одиннадцать убитых и восемь тяжело раненных. “Ура” кричали раненые. У них уже не было патронов и иссякли силы. Но они не сдавались. Они ждали минуты, чтобы

зубами вцепиться в горло врагу или ногтями вырвать ему глаза. Так поступают раненые степные орлы и барсы”.

(П. Н. Кузнецов, “Неумирающая песня”, 1942 год)

Из девятнадцати солдат
Осталось восемь.
Не надо никаких наград,
Никто не просит.

Была бы родина жива,
Да семьи живы...
И, вслушиваясь в их слова,
Поникли ивы.

Их восемь раненых бойцов,
Не встать в окопе.
И – окружают степняков
Псы из Европы.

– Ур-а! – поможет клич отцов
И наших предков...
Их восемь раненых бойцов
У Н-отметки.

В неравной схватке – Аруах!–
Деды кричали.
И – убивали в себе страх
И тень печали.
Не знал, наверно, Нибелунг,
Не знали в Риме,
Что жив веками этот дух –
Неистребимый.

И, лежа там спина к спине,
В плен не сдавались.

– Ура! – неслось в сплошном огне,
Бойцы сражались.

VI

“Арыстан был взят в плен. Его допрашивали. Ему обещали жизнь. Он ответил немецкому офицеру:

– Для джигита продолжение жизни есть геройская смерть. Когда лает собака, джигит или убивает ее, или молчит.

Героя пытали долго и ухищренно. Ему отрезали ухо. Ему выбили зубы. Он вместе с кровью выплюнул их в пьяную морду изверга и крикнул:

– Батыры не сдаются и не умирают!

Он был еще жив, когда его, истерзанного сатанинскими пытками, кровавые жрецы свастики облили керосином и подожгли. Страшный костер средневековья!”

(П. Н. Кузнецов, “Неумирающая песня”, 1942 год)

Сжигают заживо бойца,
Облив бензином.
Уходит в небо плоть отца
Зеленым дымом.

И, ярым пламенем дыша,
Над стаей волчьей
Бессмертная парит душа
Глубокой ночью.
Жить! – птицей,
облаком,
звездой,
Чтобы не меркла,
Во имя Родины одной
Восстав из пепла.

Какой ты нации,
солдат,
Сейчас не важно.

Ты – фронтовик,
по крови брат
Живых и павших.
За землю русскую ты пал,
И в слове – “русский”
Сыновний долг свой понимал
В бою под Курском.
И под Москвой, и под Орлом,
И у Смоленска,
И под воронежским холмом
В поселке Н-ском.

Во имя Родины одной,
Во имя жизни
Все встали нации стеной,
Крепя Отчизну.

Пал Арыстан Ахмет-улы,
Сын Казахстана...
Живет в ауле Джангалы
Дочь Арыстана.

VII

“Арыстан Ахметов, наш верный друг, товарищ, вернулся неумирающей песней. Слушай эту песню, родной Казахстан, слушай ее, привольная Джангалинская степь. Эта песня зовет на подвиги во имя нашей Отчизны”.

(Из сборника “По путям-дорогам фронтовым”, 1965 год)

– Эй, Джангалы мои, Джангалы,
В степь вернулись не все орлы.
Стал конем жеребенок мой.
И, быть может, в июльский зной
К водопою ведет табун
Он под звуки печальных струн.
Степь раздольная, края нет.
В доме дочери вспыхнул свет.
Будет имя мое в ней жить,
Доброй памятью ей служить.
Аруана вдали плывет,
И, быть может, мой прах найдет.
Буду облаком и звездой,
Прочитаю я в час ночной
Надпись,
что на краю скалы:
Арыстан я, Ахмет-улы.
Джангалы мои, Джангалы.
Станет взрослою дочь моя,
Станет щедрою степь моя,
Станет житницей Казахстан,
Это я говорю – Арыстан".

VIII

"Сегодня мы печатаем один из многочисленных фактов чудовищного зверства гитлеровских бешеных собак. Они захватили в плен 8 раненых красноармейцев-казахов и, после зверских пыток, заживо сожгли их в огне.

Среди погибших можно было распознать Аминова Утеу, Джубанова Сагибата, Ахметова Арыстана, Дюкешева Аймаша, Бекбулатова Джубана..."

("Отан ушин – за Родину",
красноармейский листок,
3 октября 1942 года)

Вдали от очага родного дома
Степные погибали сыновья.
И шла в аул бумага военкома.
Каракагаз[1] – что острие копья.

Так были им слышны раскаты грома,
Что всполохи далекого огня
Доходят и сквозь время до меня
По карточкам семейного альбома.

И безымянных нет в стране курганов,
Все меньше с каждым годом ветеранов,
И – врезаны их имена в гранит.
И мальчик, что родился в утро мая,
Тропинкою бежит, не понимая,
Что память о войне и он хранит.

ЭПИЛОГ

“...я не знаю, где похоронен мой отец”.
“...помогите найти могилу брата”.
“...мы, внуки, не знаем, где погиб наш дедушка”.
“...вот уже пятьдесят с лишним лет жду
возвращения сына с войны”.

(Из писем)

У Кремлевской стены
спит
Неизвестный солдат.

[1] Похоронка.

Он чей-то — отец,
чей-то — муж,
чей-то — сын,
чей-то — брат.
И сквозь Вечный огонь
я вижу,
как матери ждут,
И сквозь Вечный огонь
я вижу,
как вдовы бредут.
Рядом дети войны,
держа их за локоть,
идут.
Они в городе каждом,
в каждом районе
живут.
Они, дети войны,
старше
своих отцов,
Что пали в бою
неизвестною смертью
бойцов.
И — к сердцу Отчизны
друг друга
они провожают.

Где дед похоронен? —
Не знают.
Где отец похоронен? —
Не знают.

Где брат похоронен? —
Не знают.
Где сын похоронен? —
Не знают.

И – на ЭТУ могилу
Цветы родных мест
Возлагают.

Вечная память!
Вечная память!

1985 г.

В ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ПЕРЕВОДА “КЫЗ ЖИБЕК”

Баба́ Тукты Шашты Азиз,
В моей поэме обернись.
Гаип Иран кырык шелтен[1]...
О, перевода тяжкий плен!

Алкисса[2],
я ставлю точку,
За последней вижу строчкой,
Что кони вновь берут разбег
По следу славной Кыз Жибек.

1985 г.

[1] Баба́ Тукты Шашты Азиз, Гаип Иран кырык шелтен – традиционные персонажи казахского фольклора.

[2] Алкисса – присказка.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

...с первого апреля стрелки часов
переводятся на один час вперед.
Из недавних газет

До сих пор не укладывается в голове, что, вылетев на сверхзвуковом лайнере ТУ-144 из Алма-Аты в Москву, можно было прибыть в белокаменную за один час до вылета. Ибо время лета между столицами на этом супергиганте составляет два часа, а Алма-Ата опережает Москву на три часовых пояса. Быть может, это и послужило первым толчком для написания этой поэмы.

Не так давно у нас в стране стали вводить летнее время. Первоапрельские шутки сменялись неразберихой, вызванной передвижением часовых стрелок. По воле Главного управления точного времени первого апреля пропадал целый час на циферблатах, а наш световой день увеличивался на весь шестимесячный период. Противоречие, но факт. Я попробовал использовать этот мертвый час (все одно, он никому не нужен) в этой поэме, заложив в него несбывшиеся помыслы и желания лирического героя. Как мне кажется, образная пропажа часа адекватна исчезновению той раскованности в реальной жизни нашей, которая присуща детству. И – поэтическому мышлению, ибо в стихах зачастую исчезает время как таковое.

Передвигая стрелки, мы как бы ищем свой двадцать пятый, звездный час в объеме наших суток. И этим

самым совмещаем плоскость циферблата со световым пространством. Перевод стрелок, быть может, впервые в нашей жизни разрушил догму условной необратимости времени.

“Что есть время? – вопрошал Ф. М. Достоевский. – Время не существует, время есть цифры, время есть отношение бытия к небытию”.

Противоречия Декарта, всю жизнь доказывавшего существование внеземного разума, не помешали ему выявить свои начала философии, высказать закон сохранения количества движения, создать пространственную систему координат, которой пользуются и ныне. В нашем пространстве декартовы координаты – икс, игрек, зет, где от причины зависит следствие, или, говоря языком математиков, от переменной икс зависят функции игрек и зет. “Мыслю, следовательно, существую”. Декарт сам, с точки зрения философии, объяснил свои координаты.

От причины зависит следствие. Причина влечет за собою диалоги мышления. Одни воспоминания сменяются другими, обрастая потоком информации не только о прошлом и настоящем, но и воспоминанием будущего.

Декарту вторит Спиноза, этот ярый атеист, по утверждению В. Хлебникова, создавший в своей “Этике” закон ассоциативного мышления: “Если человеческое тело подвергалось однажды воздействию одновременно со стороны двух или нескольких тел, то душа, воображая впоследствии одно из них, тотчас будет вспоминать и о других”.

Спиноза, приписав своей субстанции два атрибута – протяженность и мышление, наделил ими всю природу.

Но вернемся к нашему мертвому часу. Не так уж он мертв, этот час. С наступлением осени, когда стрелки часов отведут назад, нам всем дается возможность прожить его повторно, вспоминая и исправляя ошибки судьбы и частично воплощая, хотя бы в мыслях, невоплощенные мечты.

В поисках нашего “утраченного времени” мы посредством души направляем поток сознания в океан памяти, обретая тем самым бессмертие...

Вспомните то, что дарят нам книжные полки мира. Вспомните то, что дарят нам археологические раскопки и древние памятники человеческого духа. Вспомните себя. Ведь вы прожили не одну жизнь. Во имя этого я дарю вам час своей поэмы.

Когда я описывал свое “летнее время”, то жил на границе города и гор. Справа горные вершины, слева город жил в долине. Или наоборот. В одну из ночей с сердцем происходило что-то неладное. Сердечная недостаточность? Аритмия? Может быть. А не вызвано ли это опережением на один час алма-атинским декретным временем, введенным в 1930 году, конкретного времени? Быть может, мы опережаем свое бытие, установленное нам природой? Как знать...

1985 г.

ПРОСТРАНСТВО ЦИФЕРБЛАТА

I

Вновь исчезает час на циферблате,
Мы переводим стрелки перед сном.
Он звездному пространству незнаком,
Не подчинен движенью звезд на карте.

Рождает тень фантазии кругом,
Доносит лай пса Банга при Пилате,
Пронзает мир невидимым лучом, –
В нем дух больного из шестой палаты.

Поэзии, быть может, этот час,
Что заронила в каждого из нас
Веками не потравленное семя.

Апреля запах бродит в тишине.
Ветвь почками усеяна в окне,
Знать, летнее нагуливает время.

II

На мертвый час в стране
Мы переводим стрелки.
Он оживет в окне
Скачком веселой белки.

В пещере на скале
Не скифами ли выбит
Олень?
Мчась по земле,
Он
в наше время
выйдет.

Китайская стена
Разрушена веками,
Чтоб даль была видна,
Дышала перед нами.

Кочевница моя
Из пятого столетья
На острие копья
Филе подносит детям.

Монголов доля в них
И интеграл арабов
Ваш подсчитают лик –
От прозы и до ямбов.

Заморский гость крылат,
Он пращур дельтаплана.
И – тыщу лет назад
Со мной он строил планы:
Слетать на Дельта-Икс,
Вернуться в наше время...
Поэзия – где риск,
Все остальное – бремя.

Искусство дикаря
Непонято и нами.
Мы по нему не зря

Всю жизнь
сдаем
экзамен.

Маэстро чистый звук
Услышал в вое братьев...
Так разрывают круг
Устоев и понятий.
Так из толпы талант
Опережает время...
С победой,
музыкант,
Все остальное – бремя.

Хаджи, хан, конокрад,
Султан и египтянка...
Кто встрече предков рад
На часовой стоянке?
Каких же духов тени
Перемешали время?
Победа – добрый гений[1],
Все остальное – бремя.

Спасет ли память семя,
Неистребимо всеми,
От Ныне и до Оно?..
О, вечной жизни лоно!

[1] Гений – заимствовано из немецкого языка, где Jenie значит “дух”. Восходит к латинскому genins – ангел-хранитель, образованному от глагола gigno – рождать, производить.

III

Не летнее время,
но летное время,
и вместе со всеми,
кто в час этот ожил,
ремнем пристегнувшись,
в полете, быть может,
мы время в пространство,
мы время в пространство,
мы время в пространство
Заложим...

КООРДИНАТЫ

И в шутку и всерьез

Наша жизнь,
что вдоль абсциссы,
Обновляется в год Крысы.
Ордината всякий раз
Опрокидывает нас.
А мы стремимся к точке “зет”
Свой не один десяток лет.

Наша жизнь, что вдоль абсциссы, –
Будни, труд, судьбы капризы,
Ордината нам нужна,
Но не каждому дана.
Направлен вектор к точке “зет”,
Не в нем ли творчества секрет?

Наша жизнь,
что вдоль абсциссы, –
Ялта, море, кипарисы.
И нам долги в глаза глядят –
Как множество координат.
Мы вновь стремимся к точке “зет”,
Хоть ничего в карманах нет.

Наша жизнь,
что вдоль абсциссы,
Сценой служит для актрисы.

В поисках координат
По телеку стихи звучат.
Нам ни к чему входной билет
На телешоу “Точка зет”.

В нашей жизни
вдоль абсциссы
Струйку слышал биссектрисы.
Нагляднее координат –
Двойной параболою зад.
Соприкоснувшись в точке “зет”,
Поймет ли отрока поэт?

Наша жизнь,
что вдоль абсциссы,–
Кулуарные репризы.
Там детства друг отводит взгляд,
Разрушив связь координат.
Мы дружбы нашей ищем след,
И он ведет нас к точке “зет”.

В нашей жизни
вдоль абсциссы
Жен, детей мы видим лица.
Вот лучшая из всех наград –
Системою координат.
С годами ближе точка “зет”,
Хоть далеко до званья дед.

После жизни вдоль абсциссы
Лента траура ждет визы.
Звездой над памятником – даль,
Где ординатой – вертикаль.
Как точка жизни нашей – свет –
Мерцает где-то в небе “зет”.

IV

Идет прохожий вдоль домов,
И в одночасье
Он с верхних слышит проводов:
Ты – не участник.

Бесцельно прожиты года,
Убиты бытом,
Но в этом малая беда,
От всех событий
На расстоянье был,
вдали,
Был не в ударе.
Страх со страховкой
сберегли
На тротуаре.
Возможность есть за этот час
Поправить что-то.
Будь представителем от нас
Ты в дни полета.
Махни рукой на мнимый страх
И на проблемы.
И – взмах руки,
как крыльев взмах
Для этой темы.

V

Как будто бы в трехгранной призме,
Прозрачной,
чище,
чем слеза,
Координаты организма
Находят гения глаза.

Ты расшифруй тепло ладоней,
Святое наложенье рук.
Что называем биополем,
То поле жизни спит вокруг.
Читал я в детстве “Лаутензаков”,
Но я тогда еще не знал
О хилерах иного знака.
Так что же в жизни идеал?
Когда во имя духа тела,
Под знаком звездного ковша,
Мы жаждем,
чтоб
душа
в нас
пела;
Необъяснимая душа.

VI

Все мечется по клетке атом,
Предвидя времени распад.
Я с внеземным, быть может,
братом
На той орбите встрече рад.
Взгляни потусторонним взглядом,
Сняв маску своего лица.
Твоя любовь – вдали и рядом;
Как цель небесного Стрельца.

VII

Причина, следствие – в итоге
Воссоздается идеал.
Декарт,
Не разуверясь в боге,

Трактат пространства
Начертал.
Иную крайность порождает
Земная крайность бытия,
Что души наши обжигает
Хаосом
древнего
огня.

VIII

Хотят все заново прожить
Судьбы отрезок.
Желанья и мечты сложить –
На недовесок.
Другими были мы вчера,
Другими были.
Какие были вечера,
Как мы любили.
Какие помыслы влекли,
Какие дали.
Какие в море корабли
Во сне видали.
Нас мир из детского двора
Тянул в эпоху.
Другими были мы вчера,
Да не ко сроку.
Вновь приютила до утра
Меня подруга.
Какими были мы вчера,
Какая вьюга!
Советам матери внимал
После расплаты.
И плакал я и обнимал
За шею брата.

Другими были мы вчера,
Другими были.
Такие вышли нам ветра,
Что щеки стыли.
Пусть эти строки я не раз
В народе слышал,
Весна им вторит в этот час
Капелью с крыши:
Другими были вы вчера,
Другими были.
И там, в иные вечера,
Как вы любили.
Смахнем мы наважденье с глаз,
Не время тризны.
Живем,
и дан
нам
этот
час —
Во имя жизни.
Нам жить, что воду родника
Глотать горстями.
Свои грядущие века
Мы наверстаем.
Бежит невидимая нить
От сына к внуку.
И как им заново прожить? —
Пройдут науку.
Иными будем завтра мы,
Другими ль будем?..
Обсудят трезвые умы,
И мы — обсудим!

IX

Так что же этот час,
Он дважды нами прожит?
И в каждого из нас
Свои он дубли вложит?
Завод и комбинат,
Горняк,
работник треста,
Вы этот час в наряд? —
Ведь для него нет места.
И выработку в план
За этот час не вносят.
Вне плана наш талант,
Просвет он — между сосен.
Материя мертва,
Что без пространств
сознанья,
Разумна и трава,
Встает на свет желанья.
Часы я разбирал,
Колесики, пружины,
Вчерашний час искал,
Мне скажут — без причины...
(Причины бес во мне сидел
И двигал стрелки.
Я это время пролетел
В своей тарелке.
И не в своей тарелке я,
Как говорится,
Увидел контур корабля,
Что все мне снится.)
Быть может, двадцать пять
Часов таится в сутках?
Мне где его искать,
Не потеряв рассудка?

X

Я ставлю точку. И – в долгу
Вновь перед всеми,
Что толку изводить строку? –
Так сверим время.
Вам сдвиги эти взад-вперед
Не надоели?
Влияют ли они на ход,
На дни – недели?
Быть может, сдвиги взад-вперед,
Как сдвиг по фазе,
Но верю – мысль не умрет,
Что выйдет к фразе.
Так сверим время на руках,
На башне в сквере,
В метро, на кухне, на углах –
Часы мы сверим.
И часовые пояса
Нам не помеха.
Точны бы были – полюса –
Залог успеха.
Кто право дал менять часы
И двигать стрелки,
Тот на контрольные весы.
На их тарелки
Субстрат, субстанцию кладет,
Как недовесок.
И каждый там из нас найдет
Судьбы отрезок.
Желанья, помыслы свои,
Что в нас погасли,
На точные весы легли
В ячейки-ясли.
Но почему же мы глаза
От них отводим?

Что пала на весы слеза,
Мы не находим,
Слеза,
    а в ней соленый вкус
Невоплощенья,
Все был тяжел,
            стал легким груз
От просветленья.
Слеза оставленных надежд,
Слеза желаний.
И в ней родительный падеж
Ждет расставаний.
И вдоль щеки ей выпал след
В сети морщинок.
Вздохнем,
    глубинный видя свет,
Свет, что в глубинах.
Знать, сдвиги эти взад-вперед
Тому виною,
Что каждый встречный встречи ждет
С самим собою,
Каким ты был вчера, мой друг,
Каким ты будешь?
Устоев и понятий круг,
Как в нем ты кружишь?..

XI

Не исчезает час на циферблате,
Назад отводим стрелки перед сном.
В палате вижу Мастера в халате,
Он рукопись сжигает на потом,
Предвидя рок, размноженный в печати.
Огонь страницы лижет языком,
Тень в пепел превращая над столом,

Не ведая в грядущем о расплате.
Вселенная, в твоих глубинах свет
Не исчезал за миллионы лет.
Быть может, наполнял он строки эти.
На сердце, как в ладони, свет приму,
Впервые в своей жизни я пойму,
Что свет звезды живет и после смерти.

1985 г.

КОСМОСТАНЦИЯ

Космический пророчит рейс
В моих ладонях эдельвейс.

В окне мигала мифическими огоньками космостанция, расположенная на одной из вершин Заилийского Алатау. Там астроном Рашид вникал в вечную поэму звездного неба. Принесенные мною эдельвейсы, что цвели по соседству с лабораторией, несмотря на уютное расположение между томами всемирной истории на книжной полке, не желали в ней – в истории – оставаться. Они направляли крохотные лепестки антенн в сторону своей родины – космостанции. Я это не столько видел, сколько чувствовал. Быть может, это им и помогало перезимовать, не умирая до следующей весны.

Они и сейчас там, на книжной полке, как ценнейший букинистический экземпляр Космоса. Живут, дыша цветами вечности. Лишь вода в стаканчике периодически окрашивается в желтый цвет печали.

Прав поэт, однажды воскликнувший: “И небо – в чашечке цветка”.

...Синусоида экрана,
Волны ледников.
Падает звезда
  вне плана
На чей –
  не знаю –
        зов.

Звездную задачу неба
Астроном Рашид
Во имя
  будущего
        хлеба,
Может быть,
Решит.
Спит недалеко отара.
Ущелье между гор –
Трещина
  земного
        шара
С наидревнейших пор.
Космостанция,
  тень Ноя,
Звезды и Гомер.
Пес на небо ночью воет –
На смещенье сфер.
По легенде, эдельвейсы –
От паденья звезд.
У костра со мной
        погрейся,
Мой чабанский пес.
У костра глотаю главы
Книги бытия.
Кони чувствуют облаву,
Жмутся у ручья.
Над горами звезд отара.
Друг Рашид – чабан.
Этого не знает дара,
Глядя на экран.
Шорох звезд
  сквозь разговоры,
Может, слышит там.
Мы идем продолжить споры
В гости к чабанам.

Утром в город я уеду.
Эдельвейс-цветок
С книжной полки
рвется к свету –
Звездный бродит ток.
Так древние трактуют веды,
Бессмертные в веках...
Зову, Рашид, тебя к обеду,
Ты слышишь зов в горах.

1985 г.

* * *

Я шороху Вселенной внемлю
Среди вершин.
Насквозь пронизывает землю
Поток нейтрин...[1]

1985 г.

[1] "О" – не только недописанное окончание, но и нулевая масса нейтрино.

ПЕРЕКРЕСТОК

На линию судьбы ребенка
Легла снежинки шестеренка.

Снег плыл вертикально. Шестеренки снежинок вращали цветущую, такую привычную майскую весну в Алма-Ате вспять. Они сливались со цветеньем урюка – этого вечного ускорителя весны, ибо расцветает он раньше, чем распускаются его листья.

Снег забивался в зеленые кудри яблонь, и они ломались, как обледенелые крылышки птиц.

Снег ложился на ветви, и те, не выдержав снежной бездны неба, рушились, оставляя на стволах незаживающие шрамы трагедии. Одно дело прогнуться осенью под тяжелыми дарами природы, и совсем другое умирать цветущей ветвью в арыке, утопая в сугробе.

Снег плыл вертикально. Шестеренки превращались в маховики снега и лепились к часам на башне Главпочтамта. Стрелки показывали вечность, ибо они остановились, да их и не было видно под снегом.

Снег плыл вертикально. Все меньше машин спускалось с холмов реальности. Пробивая пелену тумана желтыми фарами, они исчезали за перекрестком в белой мгле, изредка мигая стоп-сигналами тревоги.

Снег плыл вертикально. Среди невидимых стен в квадратах освещенных окон, как на семейных фотографиях, проступали испуганные лица. Портреты-окна смутно

желтели где-то в воздухе и плыли в объятиях снега. Потом и это исчезло, и только – снег, снег, снег...

Я слышал звук падающего снега.

Я протянул ладонь. На ней на мгновенье застыла ювелирно отточенная шестеренка снежинки. Этого мгновенья мне хватило, чтобы поверить в непредсказуемую силу природы.

В снежинку и в стихию.

Утром пятнами живой крови стыли тюльпаны на клумбах. Их высокие чаши были наполнены снегом. Снег умирал, расплавляя с каждым часом все больше своих шестеренок в недрах упругих бутонов.

Что можно противопоставить снежному забвению?
Только цветение жизни.

Хрустит под ногами
рассыпчатый снег,
Так яблоко
летом надкусывают.
И сквозь шорох шагов
я слышу
твой смех:
Это яблоко – самое вкусное!

1985 г.

ЗАКЛИНАНИЕ

I

Над миром плачут бубенцы
В час заклинанья.
Танцует над больной баксы –
Сеанс камланья.
Далекий родственник Чокан,
Чингиса сын,
Вникал в них больше, чем в Коран,
Но был один.
Записывал в аулах он
И на привале.
На равных он входил в салон –
В английском зале.
Все не дождется Петербург
Его дуэли...
Аул Тезека. Варят курт
В Алтын-Эмеле.
Танцует над больной баксы,
Рыдает бубен.
Святые ни к чему отцы –
Здесь лекарь нужен.
Чокан Чингис-улы, пиши.
Поэты встанут.
И – у надгробия в тиши
Твой труд помянут.
Не знаю – вылечит ли он,

Но знаю точно:
В нем дух поэзии зажжен,
Как факел ночью.

II

Бык мой,
бык мой одноглазый,
где ты, где ты, где ты, где?
Сдвигающий вершины
снежный барс,
где ты, где ты, где ты, где?

Кобылица
рыжая моя,
где ты, где ты, где ты, где?

Олениха пестрая,
как весенний склон горы,
где ты, где ты, где ты, где?

Молю я помощи у вас!
Молю я помощи у вас!

О дух сорокоухий,
поднявшийся из пропасти,
спустившийся в ущелье,
о дух дырявоухий!
Где вы,
где вы,
где вы,
где?

Дивы-девы,
где вы,
где вы?

Марту, Марту,
Албасты,
Мои предки,
мои предки,
где вы,
где вы,
где вы,
где?

О предок мой,
святой Коркыт-ата,
где ты,
где ты,
где ты,
где?

Молю я помощи у вас!
Молю я помощи у вас!

Предстаньте все:
от мала до велика.
Я шепчу, я шепчу,
я вашего не слышу крика.

Молю я помощи у вас!
Молю я помощи у вас!
Есть ли,
Есть ли исцеленье
для страдающей недугом?..

Может,
в жертву принести
черно-белого козла,
может, петуха, корову?

Молю я помощи у вас!
Молю я помощи у вас!

Тайну недуга откройте
и об этом мне скажите,
мои духи, мои духи!
О дух дырявоухий,
о дух сорокоухий,
Спустившийся в ущелье,
поднявшийся из пропасти.

О бык мой,
бык мой одноглазый,
о сдвигающий вершины
снежный барс,
о кобылица
рыжая моя,
о олениха
пестрая,
как весенний склон горы!..

Тьфу!
Тень смерти,
вижу, выползает
из чернеющей норы.

О предок мой,
святой Коркыт-ата,
поддержи меня под руки!

А-а-а-а!
О-о-о-о!
У-у-у-у!

Змеи,
змеи,
вы обвили
кереге
нечастной юрты,
жала выставляя,
змеи...

Сжальтесь,
змеи,
ближе-ближе
подползите,
белогорлую
страдалицу,
заклинаю я,
обвейте.

А-а-а-а!
О-о-о-о!
У-у-у-у!

Пусть
прискачет
вслед за вами
на трехгорбом верблюде
шестиголовая змея.

Айналайн,
айналайн.

Я кружусь
вокруг несчастной
и болезнь
принимаю на себя.

А-а-а-а!
О-о-о-о!
У-у-у-у!

И одна, одна змея
извивается
в моей руке,
изгони,
моя змея,
из больного тела
недуг...
Э-эх-хх!!!

Баксы в бешеном ритме танца бьет обрядовым бичом по телу лежащей больной.

1985 г.

КОЧЕВНИЦА

И кюй печальный поплывет
В день изо дня, из года в год.

I

Мой друг по духу археолог,
Раскопками заколдовал.
Достоинства своих находок
Стихами друг мой описал.
Назвал он цикл “Амазонка”
И подарил при встрече мне:
– Ты не откладывай в сторонку,
Включи в поэму
наравне
С фрагментами
для главной темы,
Не говори,
что вне системы,
Не все вмещается в окне.

II

Владычица былых племен,
Ушедших,
Как песок сквозь пальцы,
Историей твоей пленен,
И в ней тавром твоим клеймен.

Ниже ключиц
В две чаши панцирь.
В них билась жизнь под звон мечей.
Твои –
И воля, и отвага –
Легли стихами на бумагу,
Гравюрами глядят с камней.
Пусть этот миф из той страны,
Где остров Лемнос,
дух гречанки,
Увижу я со стороны –
На помощь скачет половчанка!
И там,
Где ныне древний путь,
Все тянет тетиву к заплечью,
Стрелой предвосхищает встречу,
Да правая мешает грудь.
Ах, как желала молоком
Она налиться в ночь покоя.
В нее впивались детским ртом,
Но лишь во сне, и было сном,
Да, сном все было после боя.
Исповедальный шепот твой
Из-под холма выносит ветер:
– Встань, путник жизни, предо мной,
Владычицу
признай в скелете!
Входи же в склеп, в земное лоно,
Степная здесь почиет дщерь,
Не повидавшая, поверь,
Мужского вражьего полона.
Входи же, коль пробита дверь.
В загробный твой вошел шатер,
Последний камень отодвинул.
И черепа безглазый взор
Во мне раба, быть может, видел.

Стрелу,
Лежавшую с тех пор,
Раб из межребрия не вынул.
Вообразив твои черты,
Твой голый череп поцелую.
И – взвоют надо мной кусты,
Споют
степную
аллилуйю.

III

"...самым тяжелым и вместе с тем выразительным зрелищем был шелковый треугольный платок, закрывавший ее лицо.

Глаза вышли из орбит и отпечатались на этом шелковом платке, которым была покрыта ее голова при захоронении.

Женщина лежала в полусогнутом положении на одной из досок помоста около воина. Детей, которые должны были сопровождать родителей "в загробную жизнь", в захоронении не было".

(По следам древних культур)

Как мир трагичен и жесток, не знают гиды.
Она набросила платок, чтобы не выдать,
как давит комьями земля на грудь и плечи,
Застыли в ужасе змея, конь, суслик, кречет.
В объеме, что за кубом куб, она лежала.
И слово, что слетело с губ, земля впитала.
Там, рядом с тем, кто был убит на поле брани,
Рабыня гордая лежит – во имя дани.
Акын о доле ее пел: "За господином –
Завещан предками удел – идти ей с сыном".
Вчера общины был совет: "Коль умер воин,
Кто с ним делил постель и хлеб, там быть достоин".
И рядом с воином жена живой ложится.

Она в сей час обречена переселиться
В загробный мир, в подземный склеп живой рабою...
Старейшина, чтоб ты ослеп, будь проклят мною!
Обычаи вершила в срок, все боль-кручина.
Она набросила платок – во имя сына.
Другие с завистью глядят – в иной мир входит.
А мать, она отводит взгляд, мать взгляд отводит.
Не знает – будет мир иной, быть может, будет.
Но – сын пусть выйдет стороной, так сердце судит.
Ему еще не вышел срок – лежать в могиле.
Набросить на лицо платок – ей дух дал силы.
Хоронят мать, а где сынок? – Никто не знает.
Она набросила платок – сын убегает.
Средь ночи с евнухом она сопроводила.
Была для сына суждена – ее могила.
Она набросила платок на свои очи.
Как мир трагичен и жесток, жесток был очень.
А мальчика в ночь уводил с собою евнух.
Легенду эту нам сложил поэт из древних.
В одной рубашке мальчуган белел, плыл степью.
Густой ли окружал туман и – горы цепью.
И – очи матери живой из тьмы могилы.
Все освещали путь ночной, вселяли силы.
И – свет потусторонних глаз был свет для сына.
И – тайну матери для нас хранит долина.
Как этот мир ни был жесток, придаст ей силы –
Что сын ее уже далек, избег могилы.
Впечатаны в ее платок века иные...
Но – сохранил для нас восток глаза живые.

1985 г.

МЕТРО

I

Туннеля черная дыра
Ведет в далекое вчера.

Окно в окно
Встречаемся
  на станциях
И расстаемся без следа.
Глаза в глаза.
Нас погружая
  в странствия,
Плывут
  безбрежности
        года.
Я за окном себя увижу
И самому себе мигну.
Кто мы такие?
Что нами движет?
Вновь к черному стеклу
Прильну.

II

Мы проносимся ниже могил усопших и, возможно, ниже археологических слоев.

Возможно, вот этот пассажир, который сонно клюет носом, находится по земным пластам истории на уровне татаро-монгольского нашествия. И – как ни в чем не бывало выходит снова на свет, к солнцу, озабоченный буднями, суетой и служебными делами.

Возможно, что все возможно.

III

Странно, что человек сам может остановить
свое движение.
Но жизнь все одно будет толкать его вперед.
И это движение,
этот толчок,
Вначале инерционен,
затем выравнивается в закономерность,
ибо вечен эскалатор жизни.
И если человек встал на него,
то как бы он ни стремился отбежать назад,
ничего из этого не получится.
Все попытки тщетны,
ибо дышат уже ему в затылок,
или, в крайнем случае,
получится обыкновенный бег на месте,
Бег на спортивном тренажере,
но не бег неутомимого марафонца.
По-разному ведут себя люди на эскалаторе –
одни стоят, другие бегут.
Но все они движутся вперед.
Каждый к своему поезду,
каждый до своего пункта назначения.
Вечных пассажиров нет.
Есть вечное движение.
Существа и мысли
во времени
и в пространстве.

А вечный покой возможен лишь
на кладбище паровозов, самолетов и людей.
Покой в жизни – это лишь передышка
для осмысления прошлого
и толчка в будущее,
для образования
новых, свежих красных кровяных телец,
благодаря которым и существует жизнь на земле.
И только один организм
способен быть неутомимым и жизнедеятельным
от первого и до последнего мгновения –
это человеческое сердце.
С первым его стуком
начинается жизнь человека
и с последним кончается.
Различны эти расстояния –
между первым и последним ударом.
Коротки, незначительны, длительны...
Но во всех случаях они наполнены жизнью.
Все расширяющийся экран сознания
в Космосе.

IV

В потоке нет застывших дней,
Ищите в каждом
Среди расставленных сетей
Свое “однажды”.

Однажды в прошлом – как звено
Перед грядущим.
Однажды – в будущем, оно –
Судьба и случай.

Душа меняет иногда
И оболочку,

Паря неведомо куда –
Где днем, где ночью.
Грядет из хаоса огня
Порядок чисел.
Рождаются в нем образ дня
И – образ мыслей.

1985 г.

КРЫМСКАЯ ПРОГУЛКА

Лишь море Черное шумит...
А. С. Пушкин

I

Мне подарил штурвал от шхуны
На берег списанный моряк.
Остались за спиной буруны,
Ласкает он гитары струны
И о судьбе поет не в такт.

– Взамен последнего ли слова
В жилетку плакать ни к чему.
В моем пристанище нет крова,
Зря на двери висит подкова,
Ответь, подкова,
почему
Всю жизнь манила берегами
И все же не радует земля?..

И ищет он за фонарями,
За их холодными огнями
Далекий контур корабля.

– Вот то ли дело на Гаити,
В Австралии,
где кенгуру...

Он не был дальше Ялта-сити,
За это вы его простите,
И я про это ни гу-гу.
Он мыслями по свету бродит
И вечера со мной проводит.

Он вспоминает,
я молчу.
Обман души,
он в нем находит
То,
что обоим по плечу.

Он благодарен за молчанье
И верит в то,
что говорит.
И вера,
Перейдя в отчаянье,
И там, быть может,
паче чаянья,
Волною бьется о гранит.

II

Что я теряюсь у причала
Средь незнакомых мне людей,
Быть может,
чайка замечала,
Взлетала,
Крыльями качала
Над гребнем волн любви своей.
А там ветра расправят плечи.
От брызг соленые ветра
Все заметают место встречи,
И убеждаешься под вечер,
Что встречи не было вчера.

III

Любовь –
Судьбы счастливый случай –
На левый выйдет поворот...
Там дышит море с горной кручи
И без банальнейших созвучий
Ласкает сердце в дни невзгод.
Не знаю,
что сейчас тревожит,
Доходит с моря сквозь туман.
Чьи зовы душу мою гложут?
Влечет меня дельфин,
быть может,
Быть может, чайка Джонатан.
Мир – в воплощении полета,
Он безграничен в твоем “я”.
Висит таинственная нота,
Как будто с полуоборота
В сольфеджио срываясь с ля.

IV

Случайна,
в этом уникальна
Цивилизация земли.
Но все,
что есть в ней,
не случайно.
Зачатие живого – тайна,
Хоть чувства к разуму вели.
Вот бесконечная система,
Что из конечных величин.
Вселенною – зовется тема.
Ее не снимешь пленкой “Свема”
Для вычислительных машин.

V

На берегу каком я выйду,
В чей образ перевоплощусь? –
На это не имею виды.
Так молвил, может быть,
Овидий:
Вы ждите,
все одно вернусь.
Выходит он на берег прозы.
Остались за его спиной
Сбой ритма,
и метаморфозы,
И ураганы,
штормы,
грозы –
За линией береговой.

VI

В саду незримая певунья
Иль в море шлейф от катерка...
Поэзия –
Моя колдунья –
Быть может мифом полнолунья,
Быть может притчей моряка.
Знать,
образы тому виною
И беспредельность мысли той,
Что где-то выйдет стороною
И в небесах сверкнет звездою,
В глубинах – рыбкой золотой.

VII

Я приглашаю прогуляться
Соседа по судьбе,
И он
Подумал,
что идем кататься,
И, право, как тут отказаться,
Когда прогулка вне времен.
Нас ждут веселые дороги,
Спирали жизни,
виражи.
Отринем ложные тревоги,
Да сохранят поэта боги
От безмятежности души.

VIII

Сменяется закат восходом,
Вращается моя земля.
Увы, все меньше с каждым годом
Былых мечтателей,
кто родом
С невидимого корабля.
Зову на борт в свою команду
Поэтов безымянных тех,
Кто с детства уходил
в атланты,
Простуживал на сборах гланды,
Надеясь втайне на успех.
Вы вспомните былые страсти,
Мечты и помыслы свои.
Даю штурвал,
он в вашей власти,
Вы жизнь заплывами украсьте,
Пока нас манят корабли.

IX

Когда реальность
в сновиденье
Перетекает не спеша,
Дарует нам воображенье,
Мираж вдали,
стихов творенье –
Судьбы уставшая душа.
И, размывая очертанья
Древнейших крымских
гор и скал,
Не вопреки слепым желаньям,
Нарушив принцип
расстоянья,
Вторгается Мадагаскар.
И с острова аборигены,
Смеясь,
нам руки тянут,
ждут
Себе очередной замены,
Реальные сметают стены
И в прошлые века влекут.
И под удары барабана
Все бедрами качают в такт,
И в клубах легкого тумана
Бросают вызов с океана:
Кто говорит,
что все не так?!
В небесном море,
в дымке дальней
Перемешав в нас полюса,
Звезда нам дарит луч
кристальный.
Народ столпится у гадальни,
Сняв недоверчивость с лица.

Живая смена декораций
Милей,
чем сбивчивый рассказ.
Иных не надо вариаций,
Цикадами в глуши акаций
Позднейший обозначен час.

X

Штурвал ли старый на балконе
В ночи сомнамбулой кручу,
Пусть линия судьбы в ладони,
Но мы уходим от погони,
Нам эта качка по плечу.
И там к теченью дзен-буддизма
На “измы” рифму нахожу,
Все преломляется,
как в призме,
В несовершенном организме,
Так что ума не приложу.
Прививка Индии к Европе –
Благоухающий сандал.
Я не забыл Константинополь,
Бью в бане веником по...
Так гений бы зарифмовал.

XI

Он жил в Гурзуфе три недели.
“За нею по наклону гор” –
Его строкою гиды пели,
Вели тропинкой не без цели –
Полюбоваться на простор.
Вот – бриг “Мингрелия” под ветром,
Вот – Адалары, Аюдаг.

Вот — век двадцатый
Прошлым веком
Сменяется
(он жив под пеплом):
Поэт гуляет в двух шагах.
Внизу под скалами гудела
Стихия грозная его.
В седло садился с ходу,
смело
И под конем тропинка пела,
Конь нес поэта далеко.
Герой двенадцатого года,
Отец семейства,
генерал
С балкона дачи в час восхода,
Волнуясь не из-за погоды,
Поэта взглядом провожал.
Его отеческая ласка
Предвидела в тот ранний час:
Картечь на площади Сенатской,
Уедет дочь и без подсказки
В Сибирь,
Куда не кажут глаз...

XII

Восточный звук Бахчисарая,
Он сладок, как на вкус халва.
Мне дверь откроет, понимая,
Вахтерша, мелочь принимая,
По-своему она права.
Вот комната Екатерины,
Вот дворик — хауз,
вот — мечеть,
А вот Гирей глядит с картины...

Фонтан все плачет,
там и ныне
Лежат две розы в ее честь.

XIII

Немой упрек уничтоженью
Пещерный град Чуфут-Кале.
Здесь камень
не подвластен тленью,
Кенассы[1] ждут богослуженья,
Ютятся гнездами в скале.
Боярышником,
дерезою,
Шиповником в цветах оброс
Путь,
что тянулся вверх
грядою,
Века сминая под собою,
И — подаривший нам вопрос.
Впечатана здесь в древний камень
Векам раскрытая ладонь.
Я воспою ее стихами,
Гирей меня заточит в яме,
Но не свернет с дороги конь.
Последним стану караимом,
Мне с дервишами по пути.
И навсегда расстанусь с Крымом,
Чтоб очутиться в Третьем Риме,
В нем — линию судьбы найти.

[1] Кенасса — караимский храм.

XIV

Представлю я улыбку мага
И скину не по росту плащ.
И жаждет вымысла бумага,
Как древко жаждет
пламя стяга.
Окину взглядом мертвый пляж.
И оживает берег Понта
Под бормотанье моряка.
Следы культур
проступят с грунта,
Протянутся до горизонта
Античного материка.
Руины греческих колоний,
Хитон, туника на песке,
Рука в руке сидят на троне
И Клеопатра, и Антоний,
И – чья-то тень невдалеке.
Двух государств самоубийцы,
Следы я вижу темных царств,
Где,
Римляне и византийцы,
Где,
Греки и александрийцы,
Величье
ваших
государств?!

XV

Открытию выносит имя,
Курс нарушая корабля,
Забытый господом алхимик,
И прячется он в древнем Крыме
От приговора короля.

XVI

И только несколько смещений
Средь ночи вызвал мой штурвал,
Как пали стены помещений,
Боюсь,
не будет мне прощенья,
Коль вызову девятый вал.
И скажут,
выпустили джина
На свою голову,
а мне
Так тесно жить на дне
кувшина
И — видеть мир на пол-аршина,
Предвидя крылья на спине.
Прошла пора песочных замков,
Прошла пора, прошла пора.
От имени былых подранков
Не заполняйте ложных бланков
Культуры псевдомастера.
На факт накладывали вето,
И он разбился — как кувшин.
От радости,—
что нет запрета,
Не пьяным кораблем поэта
Несется облако души.
От тьмы веков оно очнется,
Из тьмы веков
во тьму веков.
И светлым дождиком
прольется,
И в каждом смертном отзовется
Слезами бывших моряков.
И, превращаясь в эти строки,
Когда-нибудь вновь оживет

В иной судьбе,
в иной эпохе,
Иным предметом на уроке,
Иной предвидя оборот.
Ну, а пока взамен подушки
Штурвал от шхуны моряка.
В музей бы отнести,
где пушки...
Моряк из медной старой кружки
Пьет до последнего глотка.
И на места встают предметы,
Вернулись на круги своя
Эпохи,
страны,
силуэты,
Без реставрации портреты
И — в море контур корабля.

1985 г.

СЕГОДНЯ В МИРЕ

...с первого октября стрелки часов
отводятся на один час назад.
Из недавних газет

...Я вышел из кабинета в соседнюю комнату. Сынишка, забыв выключить телевизор, спал на диване. Блики светящегося экрана мелькали на его лице.

Подходил к концу какой-то фильм. На голубом квадрате появилось знакомое лицо диктора. Он сообщил о программе будущих телепередач и в связи с наступлением зимнего времени предупредил, чтобы не забыли перевести стрелки перед сном.

Я выключил телеящик и взглянул на часы. Была полночь. Пока я передвигал символические “стрелки” на электронных часах, отнимая от прожитых суток минуты, в полумраке комнаты ЧТО-ТО произошло. С каждой электросекундой, вспыхивающей в обратном порядке, в том же порядке восстанавливался ритм прожитой жизни. Ящик медленно стал наполняться телесветом, сын, как оказалось, не спал – сомнамбулой находился в преддверии сна. На фоне карты земного шара поплыли привычные буквы – “Сегодня в мире”, но голос диктора насторожил:

– Я приношу извинения за ту информацию, которую передал час тому назад, то есть в это же время. Опровергая свои прошлые сообщения, я довожу до вашего сведения, что президент отменил приказ о начале звездных войн. Отменил во имя ЗВЕЗДНОГО ЧАСА МИРА.

Мы также приносим извинения за показ псевдохроники землетрясения в Мехико. По вине телеоператора были перепутаны бобины с кадрами американского художественного фильма “Землетрясение”.

Подземные толчки, действительно, имели место, но их эпицентр находился далеко в акватории Тихого океана. Дошедшие до берега колебания имели силу два балла и не повредили знаменитые фрески Давида Сикейроса. Жертв и разрушений нет.

Пираты, угнавшие атомную подводную лодку с ядерным оружием на борту, сделали официальное заявление, в котором говорится, что подводная лодка угнана не с целью шантажа и запугивания ряда западных стран, а на предмет уничтожения самой подводной лодки и смертоносного груза на ее борту.

Они в своем заявлении подчеркивают, что это единственное верное и необходимое решение в создавшейся международной обстановке на нашей планете. Местом проведения этого гуманного акта выбран необитаемый архипелаг в Атлантике. Как было установлено, лица, угнавшие подводную лодку с одной из американских баз в Средиземноморье, являются членами международной организации – “Миру – мир”. В связи с этим заявлением, которое размножено пресс-центром ООН, решено созвать экстренное заседание Совета Безопасности.

Хакеры, найдя ключ к засекреченным файлам Компьютерного Центра НАТО, пытаются изменить курс крылатых ракет на 360° – к месту их запуска. Они утверждают, что нашли компьютерную тайну начала двухтысячного года. Об этом сообщает агентство Ассошиэйтед Пресс...

Я ошарашенно стал переключать все двенадцать каналов телевизионного ящика. Сам переключатель был похож на циферблат небольших кабинетных часов. Я вращал его, словно ночной штурвал, подаренный мне старым моряком.

Мелькали главы “летнего времени”. Мелькали, как будто бы все двенадцать станций на циферблате кольцовой линии московского метрополитена. Я спускался по экскалатору в черную дыру туннеля, навстречу мне стремительно несся возрожденный свет прошлого.

...кочевницу не разлучили с сыном, и она вновь гуляла с ним среди белых яблонь Заилийского Алатау...

...а там, еще выше, в одной из лабораторных комнат космостанции на осциллографе астронома Рашида световой луч выводил вечный цветок Вселенной – эдельвейс...

...больную вылечил не баксы, а прилетавший на вертолете врач из областного центра. Баксы, обвязавшись вокруг шеи обрядовым бичом, ушел в поэты...

...и оказался на седьмом этаже общежития, в гостях у студентов Литературного института. “Старик!” – обращались к нему безусые юнцы. Он это принимал как должное к своему почтенному возрасту и двигал обрядовым бичом, словно стрелкой, по циферблату стола, предоставляя каждому из начинающих пиитов час его поэзии...

...на мысе Канаверал столб белого дыма всплывал из бездны океана и на фоне синего неба превратился в серебристый “Челленджер” с семью астронавтами на борту...

...и самая прекрасная среди них Криста Маколифф, прикоснувшись к будущему, возвратилась к своим ученикам, чтобы сеять “доброе, вечное”. Дельфины в честь ее возвращения устроили танец бессмертия, их гибкие тела взмывали над гладью океанских вод...

...на экране одного из каналов проступили смутные черты друга. Я не расслышал начало его фраз, “...мы ищем Время, не обозначенное ни на одном из циферблатов. Время – суть которого – Поэзия. Перевод стрелок – это, быть может, только ключ к нему, а само Время где-то там, за окном...”

– Папа, что это? – испуганно спросил мальчик спросонок. – Меня кто-то манит туда.

Он указал на экран телевизора. Там, словно на негативе, проступала белая ветвь на черном фоне.

– Не знаю. Но ты спи.

– Мне и хорошо и страшно, как, помнишь, в прошлое воскресенье в горах? Тихо и под снегом деревья... Может, это мне снится? Может, я сплю?

– Спишь?.. Конечно, спишь.

– Ты все равно не уходи. Можно, я полежу у тебя на коленях?

– Ладно. Только ты спи. Пусть приснится тебе что-нибудь хорошее.

– А что?

– Ну, что ты хочешь?

– Я хочу?.. Так, значит, я хочу... чтобы мне приснилось море, дельфины, мы с мамой в лодке и еще... еще... Яблоко!!!

Я хотел было сказать, что яблоко можно принести из кухни, но тут в телевизоре послышался шум, напоминающий морской прибой. Шум телеволн нарастал, словно мы с сыном находились на берегу и наши голени омывала морская волна. На какое-то мгновение показалась симпатичная мордашка дельфина. Он разинул пасть, издал характерный звук, словно хотел что-то сказать, и исчез, махнув хвостом. Вместе с всплеском волны, брызги которой обдали наши лица, из глубин телеящика выкатился краснощекий алматинский апорт и закрутился среди узоров синтетического паласа. Я подобрал это яблоко, пахнущее морозцем, и дал сыну. Последнее, что я запомнил, это привкус капли морской волны на своих пересохших губах.

Я не знаю, сколько часов находился в забытьи, но когда приоткрыл глаза, уже светало. Я уложил спящего мальчика на диване и взглянул в окно. На фоне окна белела ветвь, покрытая первым осенним инеем. Биовектор Вселенной. “Быть может, малыш перепутал экран телевизора с ночным окном”, – подумал я и взглянул на сына. Он спал, прижимая к груди вчерашнее яблоко. Я осторожно взял

из его рук. Яблоко все еще пахло прохладой. На телеящик было страшно взглянуть. Он зиял в углу комнаты. Экран вытек. Расплавленная масса стекла лежала на паласе, смутно напоминая гребень морской волны.

Была предрассветная тишина. И вдруг – какой-то воробей из семейства городских с лета сел на ветку, стряхнул с нее своим весом иней, и она из вектора вновь превратилась в ветвь жизни. Воробей весело взглянул на меня и зачирикал, словно бы говорил:

– Все приснилось, все приснилось... а яблоко ты сыну из кухни принес, и забыл об этом... а телевизор просто-напросто взорвался от перенапряжения, или ты забыл его выключить... все приснилось, все приснилось, и не спорь со мной.

Я и не спорил. Было хорошо и тревожно, как, помнишь, в прошлое воскресенье в горах? Тихо и под снегом деревья...

Наступало утро.

1985 г.

МАСТЕРУ

Олжасу Сулейменову

Нести – строка к строке – на встречные года
Из залежей веков руды богатой сколы.
Напоминая нам былого ореолы,
Мерцают зерна на изломах – как слюда.

Юнцы иглою, что на диске радиолы,
Судьбы выносят ритм в большие города...
Спасибо, старший друг, за мудрость вашей школы,
Что неизвестная за нею мне гряда.

Что образ слова из глубин людской души
Встает над суетой, над пропастью во ржи,
Над озером, в ночи укутанным туманом.

Поэта увлечет и дервиш-пилигрим,
И Назарея, Византия, Третий Рим,
И безымянная балбала за курганом.

1986 г.

НА МОТИВ ДЕТСКИХ КНИГ

Неужто не нужен эзопов язык?
Пока что к такому наш брат не привык.
На дверь оглянувшись, не гасит испуг,
Что в гневном порыве он выйдет за круг.

Нас хроника эта душила не раз,
Нам их комментарий не важен сейчас,
Важнее, что мысли вне страха живут
И что адресата отныне найдут.

Вот детская книжка – кем был таракан.
По буквам вникает в нее мальчуган.
Он правды не знает, что спит между строк, –
Внеклассного чтения первый урок.

К чему ему эта страна дураков?
Пусть стука не слышит ее каблуков
И льстивую не примеряет улыбку
С потомственным страхом печальных зрачков.

1986 г.

* * *

Цена человеческой жизни
По сути нам вроде ясна.
Но кто подсчитает на тризне
Какая нам вышла цена?
За все есть небесная плата,
Край виден земного пути.
В час первый, что после заката,
Свечою мне, друг, посвети.

1986 г.

МЕТАМОРФОЗЫ

В орнаменте ковра есть что-то от арабской
книжной вязи,
И в памяти встают потомками разорванные связи,
И на Великом Шелковом пути не стерты города,
И дервиш у костра, купается в глазах его звезда.
Орнаментом ковра эпох связующая нить проведена –
Как будто за орнаментом бетонная раздвинута стена.
По дневникам отца я букв латинских горечь ощущаю,
И словно опиум – дух первых пятилеток я впитаю.
От голода исчезнет пол-аула и вымрет вся родня.
Камчой на мир взмахнув, последнего в колхоз
дед отдает коня.
В степных бараках стынут беспаспортные
граждане страны,
Когда всего четыре года до новой мировой войны.
За проволоку колючую цепляясь, рвется эбелек[1],
Вслед АЛЖИРу и Карлагу атомный встает из шахты век.

1986 г.

[1] Перекати-поле.

ЛОСЬ

Лось вышел из зоны, прошел лось сквозь
смешанный лес,
Причины не зная, терял день за днем он свой вес.
И в болоте вода – как вода, и трава – как трава,
И кусты – как кусты, и такая же вроде листва.
И воздух такой же, травою насыщен, как перед грозой...
Лось вышел к дороге, лось вышел к черте роковой.
В глазах его талых бил крыльями аист и – взмыл,
Над лосем, над лесом, над станцией аист кружил.

1986 г.

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ДНЕВНИК
(1986–1988)

КАЗАХСТАНЦЫ В ЧЕРНОБЫЛЕ

...И там, наряду со всеми,
В тревожное это время
Трудятся неустанно
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.
Если сказать попроще,
Без лирики и тумана,
Дезактивируют рощу
И деревушку с поляной
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.
Смывают с земли частицы
Распавшегося урана...
Мне не забыть ваши лица,
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.
Во имя завтрашних будней
И детской улыбки из сада,
Я знаю, что путь ваш труден,
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.
Украинский куст рябины,
Степной карагач с бурьяном
Отныне радиоактивны –
Вот чувство семьи единой,
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.

А где-то на полигоне
Ветер ночной с кургана
Ядовитые тучи гонит.
Степь плачет стихом Корана.
Парни из Казахстана,
Парни из Казахстана.

1986 г.

АИСТ

Аист над мертвым подворьем –
Будто бы сторож стоит.
Взглядом деревню обводит,
Память о прошлом хранит.

Хозяйка его – баба Настя –
Там где-то, вне зоны, живет.
И – нашего века напасти
Он птичьим умом познает.

В окнах свет жизни он ищет,
Милые взоры детей...
Ветер
Над гнездами свищет,
Ветер
Гуляет по крыше,
Ветер
По комнатам рыщет,
Аист
Все это не слышит –
Ждет
возвращенья
людей.

1986 г.

ВКУС ЧЕРНОГО ХЛЕБА

Может, птицы молчат в темном небе.
Может, небо над ними кричит...
Память детства – держу ломоть хлеба.
Слово молвлю, и – в горле горчит.

Ах, не знаю,
не знаю,
не знаю,
Не узнаю – зачем и куда
Все летит журавлиная стая,
На пути своем нам оставляя
Проливные дожди в холода.

Эх, навстречу,
навстречу,
навстречу
Да все ниже к забытой земле
Стая воронов празднует вечер,
Каждый ворон бедою отмечен,
Словно траур несет на крыле.

1986 г.

СОСЕД И ПТИЦЫ

Горлинка
Мне утро наворкует,
Ворожит
Ворона вечер мне.
А инвалид войны,
Он на балконе курит.
Все кажется ему,
Что даль — в огне.

1986 г.

ПЛОДЫ

Яблоня на обочине,
Опасны твои плоды,
Не смыть мне
Водой проточной
Частицы
ночной
беды.
Каких же мы яблок съели,
В какой же зашли тупик?
Какой ты на самом деле,
Если в беде велик?
Помнишь конца апреля
Невыносимый миг?

1986 г.

БОЛЬНИЦА

Дети из окон больничных глядят,
По лицам прохожих блуждает их взгляд.
И так проникает сквозь стекла тоска,
Что стынет при встрече на взмахе рука.
А толпа? – А толпа протекает рекой.
Мальчик с берега машет и машет рукой.

1986 г.

СЫН ПОЖАРНОГО

Полынная горечь разлуки
Давит в наш ядерный век.
Не до лирики,
страхов
и слухов –
Был бы здоров человек.

Тень ребенка у моря под вечер
Встает в ожиданье письма.
И разлука ложится на плечи,
И с нею смыкается тьма.

Твой отец у четвертого блока
Первым, может быть, принял беду,
И шептал до последнего вздоха,
До последнего вздоха в бреду:
– Я огонь от тебя отведу...

Не до слухов стране,
не до страха
В эти суровые дни...
Белеет ребенка рубаха,
Мерцают ночные огни.

1986 г.

ПАМЯТЬ

А мать свое дитя
На берегу омоет,
И о звезде Полынь
Расскажет сказку мать.
И в Лету поплывет
венок
И не потонет,
И вслед за ним другой...
Их нам не сосчитать.

1986 г.

ВЗДОХ ЗЕМЛИ

Земля вздохнула ночью в три часа.
Вздохнула так,
что задрожали стены.
И вспыхнули в испуге окна.
Гул
Вползал в дома.
И был мой сын разбужен
От вздоха умирающей земли.

1986 г.

УТРО

Дышит озеро рассветом.
Тишина.
Омывает корни дерева волна.

Что случилось, если ночью не спалось?
Ночь уходит сквозь туман среди берез.

Исчезает и туман среди небес.
Пробудились – солнце, озеро и лес.

1986 г.

ОБЛАКО ТИШИНЫ

Тянет в последний час лета
На озерную тишь воды.
Разжечь бы костер рассвета
От первой
упавшей
звезды.
В ожидании нежности снежной
Приозерное спит побережье.
Горький привкус земной тишины,
Да испуганный шорох волны.
Земной ли свободы обман?
Дымок сигареты. Туман.

Мы по озеру в лодке плывем,
Отраженное облако в нем
Днищем лодки
Мы трогать не смеем,
Ибо чувствами неба – живем.

Встречаем рассвет на озере,
Там, где облако тишины,
И – словно бы листья к осени,
Наши лица озарены.

1986 г.

НОЧНАЯ ЗЕМЛЯ

Все начиналось или прошло?..
По вехам безвременья путь,
Постигнув пространство,
В бездне заглох,
Звездою успев
Черкнуть
По обожженной щеке
Ледника,
Что возвышался вдали.
Мы спустились в ущелье,
Мы встретили там старика,
Нас кони
к костру
привели.
В беседе за чаем
Все ближе к огню –
В полукруг.
И слышали – где-то вдали –
Может, грохот копыт,
Может, дальнего поезда стук,
Может,
вздох
из недр земли.

1986 г.

СРЕЗ ЯБЛОКА

Разломлено так пополам,
Что на полированной плоскости
Мне кажется целым.
А вам? –
Когда вы на целое смотрите.

1986 г.

СОН О ВОЗВРАЩЕНИИ

Дети атомного века
Возвращаются в село.
И – очнувшееся эхо
Покатило,
понесло
За деревню,
к тихой речке
Голоса и смех детей.
Август.
Над Полесьем вечер.
В школе сбор учителей.

1986 г.

ЛЕС

В лесу деревья меж собой
Срослись системой корневой.
Если гибнет
Пораженный ствол,
Дерево,
Превозмогая боль,
Соки
Через корни
Отдает
Другим деревьям...
И – этим вечен лес.

1986 г.

ЭХО

Нас ныне будущее судит,
Крест перед будущим несем,
Мы перед кем, скажите,
люди,
Отчаянные слезы льем?

Мы – дети атомного века.
Из траурных и скорбных нот
Рождается ночное эхо
И нас куда-то вдаль влечет.

1986 г.

У РЕКИ

Испей воды из Припяти прозрачной,
Ладонью, современник, зачерпни.
Взойдут ли вновь хлеба
на возрожденной пашне,
Заброшенной деревни
вспыхнут ли огни?
Испей воды из Припяти прозрачной.
Пусть в это каждый продолжает верить,
Быть может, снится каждому из нас...
Дозиметром каким то горе нам измерить,
То горе, что не кануло сейчас?
Испей воды из Припяти прозрачной,
Когда минуют роковые дни.
И, горький вкус познав
слезы вчерашней,
На аиста парящего взгляни.
Испей воды из Припяти прозрачной...

1986 г.

ДОРОГА

Напрямик – через поле и лес,
Выигрывая километры,
Дорогу проводят к ЧАЭС,
Что вскоре войдет в киноленты.

Дорожник, тяжел твой каток,
Им наши огрехи латаешь?
– Потом перекуришь, браток,
Ты в зоне сейчас обитаешь.

Прибита к обочине пыль,
Вбирает частицы распада.
Там, может быть,
черная быль,
Но лучше об этом – не надо.

Асфальта горячего зной,
Когда второпях разгружаешь:
– Потом перекуришь,
не стой,
Ты в зоне сейчас обитаешь.

В сегодня наш путь из вчера,
Он рушит расчеты и сроки.
Нам дозу проверить пора,
Мы люди с тобою – не боги.

Уходит дороги стрела
По чреву аварии к центру,
А стрелка качнулась,
легла
Вправо от нашего сердца.

Машин бесконечный поток
Ты взглядом, вздохнув, провожаешь...
– Потом перекуришь, браток,
Ты в зоне сейчас – понимаешь?..

1986 г.

БАЛЛАДА О СТРЕЛОЧНИКЕ БЫВШЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ

Клавиатура шпал в степи,
В них звуки прошлых странствий
бродят.
И старый стрелочник не спит,
Из будки к полотну выходит.

И там,
Где мертвый семафор,
Где — ни зеленого,
ни красного,
Несет он службу до сих пор,
Не веря в то,
Что все — напрасно.

Весь в прошлом он,
Он здесь живет
И по привычке форму носит,
Не спит он по привычке ночью —
Все поезд ждет,
Все поезд ждет.

И там,
Где мертвый семафор,
Где — ни зеленого,
ни красного,

Несет он службу до сих пор,
Не веря в то,
Что все – напрасно.

Отгрохотали поезда,
Что стрелочника оглушали,
Убрали рельсы навсегда,
Но я спешу,
Чтоб не убрали
Последний этот семафор.

Пусть – ни зеленого,
ни красного,
Несут здесь службу до сих пор...
Не верю я,
Что все – напрасно.

1986 г.

ЗОНА

Я шел по пустынной деревне,
И мертвой не смел я назвать.
Открыла там женщина дверь мне,
Так сыну открыла бы мать.
О том, что осталась, ни слова:
– Откуда ты будешь, сынок?..
На дверь,
Где не виден замок,
Прибил на прощанье подкову.

1986 г.

НА ТЕМУ МИЛОСЕРДИЯ

В стране,
Где жить не тесно,
Где всех друзей не вспомнишь,
Звучит открытым текстом –
Примите нашу помощь,
Примите нашу помощь!

Старик разбил копилку
И из своих сокровищ
Соорудил посылку –
Мою примите помощь!
Вот в зоне час концерта,
Ты скорбь на время гонишь,
Когда ворвется в сердце –
Примите нашу помощь,
Примите нашу помощь!

Нас равнодушье душит,
Себя им не прокормишь...
Спасите наши души –
Примите нашу помощь,
Примите нашу помощь!

Алма-Ата шлет фрукты,
Лекарства шлет Воронеж,
Шлют из Москвы продукты –

Примите нашу помощь,
Примите нашу помощь!

Как будто бы богатством
Поделится Братск – братством.
Увы, всех не припомнишь...

Примите нашу помощь,
Примите нашу помощь!
В дни всенародной битвы
На почте вдруг откроешь
Забытые молитвы –
Примите нашу помощь,
Примите нашу помощь!

1986 г.

AD ASTRA[1]

Полночь. Обычная алма-атинская полночь. Горная прохлада нисходит волнами на огни раскинувшегося в долине города, слегка шелестит листва, арык несет свою песню, иногда заглушаемую шагами редких прохожих, шелестом одиноких такси. Прогрохотал последний трамвай и отправился спать в гулкое пространство кирпичного депо... И вновь я вспомнил птицу, которая, изредка постукивая длинным клювом, чинно стояла в большом гнезде, на верхушке неказистого на вид тополя. Аист, как никто другой чувствующий человеческое жилье, стремящийся к нему, словно бы не желал смириться с пугающей пустотой припятских многоэтажек, которые белели в просветах между деревьями.

По-иному смотришь на многие вещи и явления после поездки в Чернобыль. Так и хочется воскликнуть, как чудесно шелестит нерадиоактивная листва алма-атинских проспектов, как журчит чистый горный ручей, как встает солнце на нашей планетой! Но такая ли нерадиоактивная это листва, так ли чист горный ручей?.. Родина великого Абая, места, где впервые встретились Ф. М. Достоевский и Ч. Ч. Валиханов, до недавнего времени содрогались от подземных атомных испытаний.

Мир необходим нам, необходим, как чистый воздух, как зеленая листва, как смех ребенка, бегущего к матери, как первое признание в любви, как радость повседневного

[1] К звездам (лат.).

труда, ибо все это и составляет то, к чему мы стремимся – мирную жизнь. Полынный привкус горечи одинаков – будь это трава-чернобыль или же степной емшан; но я бы хотел, чтобы атомная сказка о звезде Полынь имела счастливый конец, как и любая сказка в мире.

Помню, как после поездки в Чернобыль пошел в горы и там, на берегу горной речки, вслушиваясь в ее белый шум, может быть, впервые ощутил себя частицей живой природы и всем своим существом осознал, как хрупка человеческая жизнь и все живое на этом свете перед теми могучими силами, которые мы, люди, сами же вызвали к жизни.

Помню, как лет двадцать тому назад почти прямой трансляцией показывали по телевизору выход человека Земли на поверхность Луны. И в это же самое время, вечером, из полумрака комнаты я видел в окне этот вечный образ поэтов и влюбленных мира, и трудно было представить умом и сердцем, что там, по светящемуся диску, бродит человек, наш современник, который своими первыми шагами – не в стихах, а в реальной жизни – осваивает этот образ, превращает Луну в Селену. Хвала человеческому гению, достигшему таких высот в деле освоения космической бездны. Но для нас, землян, во сто крат важней не как он оказался там, а с какими помыслами ступил на эту лунную поверхность, на эту первую стоянку по пути к далеким звездам, на этот первый перевал в мировом космическом кочевье.

Действительно, наше время – это время иного, нового мышления. Мы должны привыкнуть к тому, что даже безобидный поток нейтрино пронизывает нашу планету – до того она чиста и прозрачна. И если обратиться к образу аиста как к вечному символу жизни, я бы не хотел, чтобы эта белая птица с черной отметиной, несмотря на внешнее сходство, стала птеродактилем нашего смутного времени...

1986 г.

* * *

И вновь мне снится звездопад.
И каждый раз, когда закрываю глаза,
то вижу и ощущаю, как одна и та же
яркая, колючая звезда
летит через весь небосвод
и где-то там превращается
в аиста.
Или это мне снится?
Или это мне кажется?
Или это на самом деле?..

1986 г.

* * *

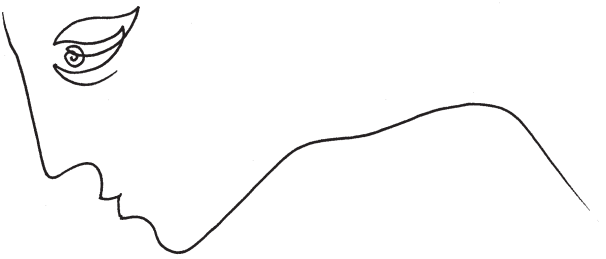
Есетжану Косубаеву

В недоброй памяти застоя
Веселой юности пора
Нам помогала жить
вне строя,
Как в доме младшая сестра.

Мне эти радости земные,
Как в нашей жизни дефицит.
Внезапных встреч
глаза живые,
С друзьями помыслы благие,
На кухне сборища ночные,
Огни далекие,
степные,
Где ныне боль моя сквозит.

Жить вне фронтов,
ассоциаций,
Вне группирующих общин.
Зарплатой малой откликаться
На повышенье ложных акций,
И слышать плач
сквозь гул оваций,
И мерить все на свой аршин.
Жить вне политики... Однако
Нам круг сегодняшних проблем
Все выгибает в форме знака:
Какая лучше из систем?

1986 г.



Плач смуглой луны (1987–1990)

ДЕТЕКТИВНЫЙ ЖАНР

Угрюмая тень у родимых ворот
Которую ночь мне уснуть не дает.

Не вспомнить, подскажет ли мне воронье –
В каком сериале я видел ее?

Окурок найду я на завтрашний день
На месте – где ночью маячила тень.

Не знаю – кому мне все это послать,
Чтоб личность той тени смогли распознать.

И я публикую вот эти стихи,
Размер незатейлив, подтекстом легки.

Быть может, прочтет и на чарку зайдет,
Кто мерзнет всю ночь у родимых ворот.

И не потому ли тень эту терплю,
Что жанр детективный я с детства люблю?

1987 г.

* * *

Каменная сказка Карадага,
Поистерты временем слова,
Словно бы морская точит влага,
Превращая сказку в острова.

И в лучах заката очертанья
Дарят вновь художникам тона.
Не нуждаясь в возгласах признанья,
Красота твоя воплощена.

Знаю, жаждет вымысла бумага,
Мне приятно, что она чиста.
Каменная сказка Карадага –
Юности прибрежная черта.

Камушек найду у Коктебеля,
В нем увижу спящую волну.
Сохрани его ты до апреля,
Может быть, напомнит ночь одну.

1987 г.

* * *

Забыты дальние дороги,
Забыты древние пути.
Очаг потухший у треноги,
В нем искру жизни не найти.

Твоя покинутая участь,
И старость зыбкая твоя
От мира скрыты, словно тучей
То солнце, что на склоне дня.

Останусь придорожной пылью,
Кустом единственным в степи.
Все остальное выйдет былью,
Но – памятным звеном цепи.

1988 г.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

Стихия разорванных связей
Выносит на гребень волны.
И здесь бы нам случай не сглазить,
Как тайную дверцу стены.
Душою по миру мы бродим,
И к ночи зажженным окном
Мы ищем друг друга,
находим
В каком-нибудь веке былом.

Пусть наше угрюмо наследство,
Но корни сгоревшей травы
Вновь выплеснут буйное детство
В грядущую глубь синевы.

Наш ветер апреля срывает
Засовы,
запреты,
замки
И — белые пятна смывает,
И — ложную запись строки.
Стихи и поэмы Магжана,
Раздвинув степные огни,
Подхвачены с телеэкрана
На эти реальные дни.

Да, муза поэта хранима
Народом до лучших времен...
Бессмертны стихи Шакарима,
Он нам навсегда возвращен.

1988 г.

* * *

Вздохнув, смахну слезу, невидимую миру,
И сквозь людской поток я побреду туда,
Где ветерок любви озвучивает лиру,
И в сети леса в ночь моя плывет звезда.
Мне в сказочном лесу никак не заблудиться,
Я улыбнусь тому, чему названья нет.
И листья шелестят,
И шелестят страницы,
Из книги бытия глубинный льется свет.

1988 г.

* * *

Перестройки крикливый мутант,
На тебя надвигается танк.
Тупорылая эта броня
Вот раздавит тебя – и меня.

Но жаждешь к трибуне пробиться
Сквозь массу мелькающих лиц.
Быть может, рванешь за границу,
Быть может, не будет границ.

1988 г.

* * *

Недетские мои глаза
Вдруг выдают во мне подростка.
И жжет горячей каплей воска
Мою ладонь твоя слеза.

1989 г.

* * *

Бахыту Кенжееву

Себя я чувствую частицей Амстердама,
В нем уличным художником живу.
Мне кофе подает рембрандтовская дама,
Что по ночам ведет на рандеву.

Снимаю комнату и палубу на яхте,
Перемещаюсь по каналам всякий раз.
И героиня Рубенса на вахте
Помилует меня в последний час.

И ветряную мельницу в наследство
На грубом я запечатлел холсте.
Мне Питер Брейгель дал такое средство,
Что все секреты творчества – не те.

Спасибо городу за сыгранную роль,
Мне в Антверпен пора, багаж мой скуден...
Рассыпал по пути средневековья соль,
Чеканкой птиц взлетает в небо гульден.

1989 г.

ЧАСЫ “МОЗЕР”

Равномерный бой часов
Предъявляет счет на вздохе,
Запирая на засов
То, что не дано эпохе.

Где-то варят в мире сталь,
Где-то хлеб пекут в пекарне,
Где-то берегом мистраль
Древние ласкает камни.

Где-то смыслу вопреки
Нерест поведет горбушу
На верха шальной реки,
Выворачивая душу.

Где-то лайнера радар
Время превратит в пространство.
Пассажиры этот дар
Осознают после странствий.

С этой стороны окна
Мерный ход часов в квартире
Отмеряет всход зерна,
Мысли порождает в мире.

Амплитуда бытия
Сокращает ритмы сердца.

Где-то приговор судья
Вынес для единоверца.

Снова равномерный бой
Предъявляет счет эпохе.
Мне начертано судьбой
То, что я усну на вздохе.

Эти старые часы,
Где пружиночка стальная...
И – на звездные Весы
Долюшка легла земная.

А кому доверен ключ,
Может быть, известно богу.
Там звезду сменяет луч,
Чтобы осветить дорогу.

1989 г.

* * *

За Садовым кольцом горизонт расширяется мой.
Это было с отцом в моем возрасте перед войной.
Пьем за наше, за наше родство мы с прохожим ночным.
Он со мной заодно... – Заодно, говорит, повторим!
Мы поймаем такси, и в этот полуночный час
Из окошка таксист за “пятнашку” нам водку подаст.
– Не сейчас, может быть, в другой раз чаевые приму.
Я ровесник вам, парни, понимаю и я – что к чему.
За тебя, змей зеленый, такси, за тебя, участковый,
прости,
Двести грамм, чтоб до точки дойти, не хватает
на этом пути.
За тебя, неизвестный малыш, чью кроватку я вижу
в окне.
Для грядущего нынче ты спишь, что уже
подступает извне.
И за то, что я пью, не убьют.
За нами... (вон танки ползут)
...судьба! (нет, они не пройдут)
Ну, так заполняй многоточье!
За это,
за то
и за то, что...

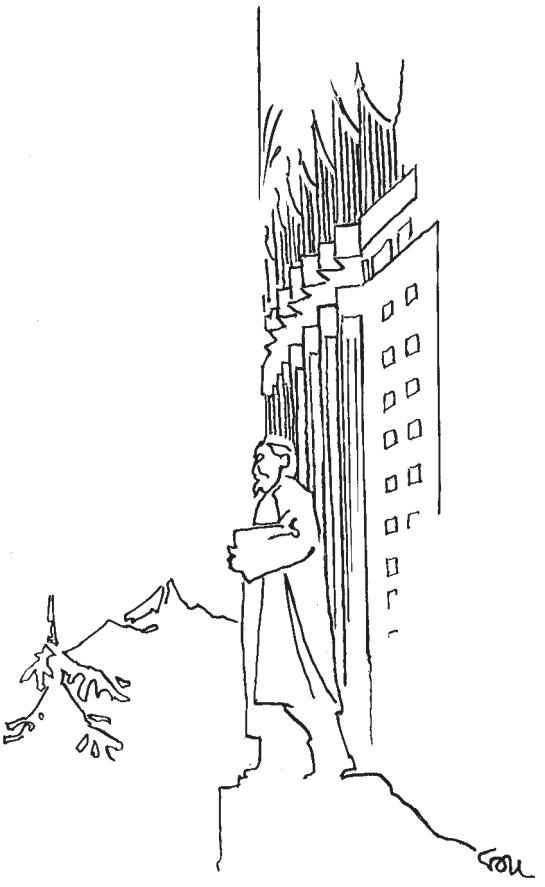
1989 г.

К АБАЮ

О казахи мои, мой бедный народ!
Абай

Смерти внезапной синдром зарегистрировал врач.
Там, за горами, аул в ночной погружается плач.
Скажи мне, великий поэт, что траурный камень хранит?
И в недрах накопленный яд сквозь сердце твое
не сквозит?
Наш воздух настоян на нем, им дышит
твой бедный народ.
Тропа у могилы твоей к районной больнице ведет.
И смерти внезапной синдром опять констатирует врач,
За полигоном в ауле – распятый антеннами плач.
Скажи мне, великий поэт...

1989 г.



ПЛАЧ СМУГЛОЙ ЛУНЫ

Ночь перед взрывом подземным, знаю,
что скорби полна.
В ночь перед взрывом я вижу – смуглая плачет луна.
Слезы ее золотые в радиоактивном стогу.
Как на рентгеновском снимке аул, что на том берегу.
В недрах горы Дегелена смерть из туннеля сквозит.
Снег радиации пеплом вне зоны запретной лежит.
Землю ли судорога сводит, иль человеческий стон? –
Это не миф и не эпос, это и есть полигон.
Да, близок был сердцу Чернобыль, в нем мертвые
видел дома,
Чабанскою псиною взвыть бы на звезды с родного холма.
И – не сойти с ума.

г. Курчатов, Семипалатинский полигон
1989 г.

* * *

Густая тишина в лесу
Снежинки держит на весу.
И среди веток птичий взмах
Безмолвный не тревожит мрак.
Какое же с утра число?
Не знаю – снегом занесло.
Под снегом городская гарь,
Лесной передо мной словарь.
От суеты невдалеке
Прививка ветки на руке.
С плывущим снегом небеса
Вливаются в мои глаза.
И на плечах в родном лесу
Я время тишины несу...

1989 г.

* * *

На свои только силы надеюсь,
В эту ночь никого не зову.
Словно волк я от стаи отсеюсь,
Где-то там у костра отогреюсь
И – живую увижу траву.

Воплощусь в неизвестном поэте,
Возвращусь – не признает никто.
Только разве что взглядом отметят
На своем ритуальном совете
Старомодное это пальто.

Да и сам никого не признаю.
Воротник подниму на ветру.
Пьяный воздух свободы глотаю,
Может, зря эту книгу листаю,
Если ясно все будет к утру.

1990 г.

* * *

Спит небоскреб – словно Сфинкс,
Помнит жильца из “Дакоты”[1],

Улица в дождь – это Стикс
В ночь поминальной субботы.

Вброд переходят Бродвей
Призраки или поэты.
Ищут для музы своей
Место в рекламной газете.

В финале такой хэппи-энд:
С птицей не встретится пуля,
Я – вечный абитуриент
Из первой декады июля.

И там с высоты этажа
Не знаю какого по счету
Заслышу я пенье стрижа,
И в нем – приглашенье к полету.

И – стук каблучков за углом,
И – смех ослепительной леди.
И – Брубека блюз под окном,
И – тихая музыка меди.

1990 г.

[1] Джон Леннон.

* * *

Нашей повести сюжет
На две поделен квартиры.
Бродит нашей встречи свет,
И его в кругу планет
Черные не скроют дыры.

Встанем молча у окна,
За окном сквозь иней город.
На двоих нам даль дана,
Что за городом видна,
Несмотря на внешний холод.

Тонкой вязки свитерок.
Ворот в нем почти раскрыт.
Вот и все, но знает Бог,
Взгляд, что пойман был врасплох,
К ночи нас приговорит.

Будет ночка коротка,
Будет дальняя дорога.
Черной нитью свитерка,
Что бежит с воротничка,
Выйдет нашим дням тревога.

И над бездной самолет
Вздрогнет в турбулентной зоне.
Я не знаю, что нас ждет.

Алым огоньком мигнет
Ангел где-то над Гудзоном.

Нашей повести сюжет
Прост – как дважды два четыре.
Почему не тает свет,
Даже если света нет
В этом разношерстном мире?..

1990 г.

* * *

Судьба поэта –
Божий знак.
Стихи его – под взглядом неба.
И почву разрывает злак,
И вкусен черный ломоть хлеба.

1990 г.

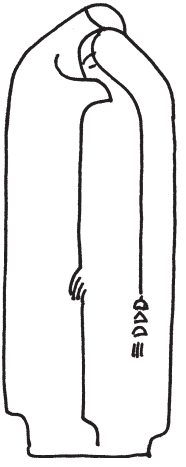
ДОРОГА СТОЛЕТИЙ

Олегу Дильмухамедову

Дорога столетий... Не вспомнить мне возраст ее,
То в горы извилистой плетью, то к морю –
как будто копье.
То дышит в тумане запахом спящей зеленой горы,
То прячет в далеком кургане Древнего Рима дары.
Под гулкое эхо тревог мне по этой дороге идти,
Да, долог мной выбранный путь, я не знаю,
что ждет впереди.
Дорога столетий, моя колыбель, мой первый привал,
Где прячется ветер – пещера, я в ней у костра ночевал.
И глаза цвета Черного моря в ночи обуздали меня,
Словно не знавшего горя молодого степного коня.
Дорога столетий... Не вспомнить нам возраст ее,
То в горы извилистой плетью, то к морю –
как будто копье.
Дорога столетий, мне скифских эпох черепки,
Как будто в сонете приход магистральной строки.
Дорога столетий, легенду выносит ночами прилив,
И – слушают, слушают дети берега вечный мотив.
Дорогу столетий из детства ведет кочевая звезда.
Луна ли небесной монетой мои разменяет года?
Дорога столетий...

1990 г.

Алма-атинский блюз (1991–1999)



* * *

Пришли неизвестно откуда,
Уйдем неизвестно куда.
Последняя выбита ссуда
На смутные эти года.

Быть может, к последнему морю
Выводит дорога судьбы,
Где к звездному тянется рою
Блаженная пыль ворожбы.

Мне слово мое нагадали
На строчках святого шитья.
Мелькнула цыганкою в шали
Бездомная муза моя.

И, прячась строкою в дискету,
Проступит на той стороне
Тот образ, что виден поэту
В небесном предутреннем сне.

1991 г.

* * *

А может быть, плач поднебесья
И лунный сквозь сумрак аккорд.
Я вижу – из южного детства
Свисающий с неба апорт.

А там за ночным перевалом
Встает восприятием сна
Рождественской свечки огарок,
И ель, что живет у окна.

А там, где-то там за грядою,
За горной грядою судьбы
Свет горний встает над тропою
Под скрип одинокой арбы.

А там, где-то там на закате
Начало второго пути.
Мой мир ошибается в дате,
Все день тот пытаясь найти.

1991 г.

* * *

В этом мире пустом и безумном
Чист твой образ в оправе окна.
Даль распахнута в трепете юном,
С ней сроднится в сиянии лунном
Только вкус молодого вина.

Одарила нас щедро природа,
Мы не ценим ее до поры.
Ко всему переменчива мода,
Только вечны любовь да свобода,
Да под осень земные дары.

1991 г.

* * *

Горная окраина,
Террассы и дворы.
И некая есть тайна,
Что люди в них добры.

И словно из грядущего
Луна из-за хребта
Желает доброй участи
Сейчас и навсегда.

1991 г.

* * *

Лишает разума и речи
Тобою сыгранная роль.
И на твои ложится плечи
Эпохи потайная боль.

И пуля превратится в птицу,
И прошлого отныне нет.
И на последнюю страницу
Падет потусторонний свет.

1991 г.

ДЕТИ БЕЖЕНЦЕВ

По воле художника – дети
На вечном живут полотне.
Там солнечный зайчик отметит
Их тень на кирпичной стене.

Где хлеб,
А где доброе слово,
Где щедрую россыпь монет
Найдут они в поисках крова,
Крова,
Которого нет.

Небесная тень непогоды
Не тает в печальных глазах.
Нет дома в пейзажах природы,
Где холоден звездный очаг.
И – цирк, мотогонки – все это
На дальней живет стороне.
И – кружат бездомные дети
Как по вертикальной стене.

Где хлеб,
А где доброе слово,
Где щедрую россыпь монет
Им там подают вместо крова,
Крова,
Которого нет.

Смеются, свой вес проверяя,
Встают на большие весы.
И площадь молчит, понимая,
И площадь – глухонемая
В торговые эти часы.
У детских витрин магазина,
Брови насупив, сидят...
Глазейте,
глазейте,
разини,
Ну, что ж вы отводите взгляд?!

Где хлеб,
А где доброе слово,
Где щедрую россыпь монет
Даете вы им вместо крова,
Крова,
Которого нет.

На диск заходящего солнца
Вновь, за руки взявшись, бредут.
Быть может, за чьим-то оконцем
Найдут однодневный уют.

Ни хлеб
И ни доброе слово,
Ни щедрая россыпь монет,
Увы, не заменят им крова,
Крова,
Которого нет.

1991 г.

ВЕЧЕРНИЙ СВЕТ

Вдоль берега в заката час бреду.
Устало солнце. Темной чашей влага
В себя вбирает профиль Карадага
И первую дрожащую звезду.

Морской пейзаж на страх свой и беду
Копировать не стану на бумагу.
Вечерний свет, я по нему найду
Тропинку, что ведет к могиле мага.

Вечерний свет эпохи Коктебеля,
Обязан вновь, обязан вновь тебе я,
Что отлучен от этой суеты.

Вечерний свет, что проникает в души.
Ничто во всей вселенной не нарушит
Гармонии береговой черты.

1991 г.

* * *

Дыхание моей любимой
Качнуло тишину слегка.
Быть может, ангелом хранима,
Что входит в образ мотылька.

Я тайну женского покоя
И не пытаюсь отгадать.
Я шторой свет луны прикрою,
Чтобы не падал на кровать.

1992 г.

* * *

Идет через твой дом моя дорога к храму,
Хотя прошел я тысячу дорог,
Я повторять, я повторять
Не перестану,
Идет через судьбу моя дорога к храму,
И в этом мире я не одинок,
И в этом мире я не одинок.
Храни всевышний вас во имя новой встречи,
Храни всевышний и в грядущие все дни.
Я не забуду наш последний вечер,
Храни вас Бог,
Прошу я, вас храни.
Во имя встреч, улыбок и покоя,
Во имя той тропы,
Что к храму нас ведет.
Храни нас Бог,
Храни нас божья воля
Из года в год,
Из года в год,
Из года в год.
Храни!

1992 г.

* * *

Вот ветерок твоим плащом
Прошелестел о том, что осень.
Не беспокойся ни о чем,
Не беспокойся ни о чем
В кругу вечнозеленых сосен.

Тропинка выведет к жилью.
Мы где-то в ближнем зарубежье.
Влечет листом нас по ручью
В одну латышскую семью,
В дом на балтийском побережье.

Не знаю что, но вновь роднит
Нас – пасынков былой империи.
И сквозь раствор гранитных плит
Пыль придорожная горчит.
Горчит все то,
Во что мы верили.

Свеча забьется на ветру.
Рыбак перебирает сети,
Чтобы поймать для нас к утру
Не только рыбку – шанс к добру.
Единственный тот шанс на свете.

1992 г.

* * *

Я кочевник с авиабилетом,
Визами мой паспорт испещрен.
Покидает лайнер в час рассвета
Этот изумительный район.

Хорошо проснуться в Амстердаме,
А назавтра прилететь в Париж.
Мимолетом все проходит в драме,
В сердце бьется непутевый стриж.

Манит берег Средиземноморья,
Осень Новой Англии влечет.
Тень бросает на скалу предгорья
Маленький спортивный самолет.

Знаете, какого цвета остров,
Неизвестный остров с высоты?
Цвета неба, с облаком он просто
Вновь перемешал свои черты.

За стеной небесного Китая,
В Сингапуре ожидает друг.
По душе орбита кочевая,
Где за кругом новый выйдет круг.

Мне бы чайку Джонатан в подруги,
За пределы сферы перейдя,
Невесомость впитывать в испуге
И снимать всю тяжесть бытия.

Мне земля мала для этих странствий,
Я в полете воплощусь в стихи.
На закате умственного транса
Подсчитаю визы и грехи.

1992 г.

* * *

Сергею Мнацаканяну

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу,
Как будто бы мелочь в кармане,
Случайно найду я строку.

И, вторя, ей горная речка
Веселую пару найдет
У мостика возле местечка,
Где речка дает поворот.

Строфою рождается образ
И птицею бьется в строфе.
И эта вся горная область
Поэзией выйдет к тропе.

И – облаком дышит в долине,
Где к осени греет костер.
И – холодом веет к вершине,
Где беркут крыла распростер.

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу
Нас мир окружающий манит
И следом рождает строку.

А я ничего не умею,
А я ничего не хочу.
А я перед этим немею
И не зажигаю свечу.

Я просто пишу стенограмму,
И авторство мне ни к чему,
Но путь мой к небесному храму
Не повторить никому.

1992 г.

ПЕСЕНКА ВАГАНТА

Десять у меня монет,
Золотых монет прабабки.
Я хочу увидеть свет,
Света в жизни мне добавьте.

Кину в кейс электробритву,
Две сорочки, пару книг.
В память заложу молитву,
Что с балкона пел старик.

И пойду гулять по свету,
И уйду глазеть на свет.
Таксой моему билету
Эти несколько монет.

Сердце тянется к Парижу,
Где не спит Булонский лес.
В каждой я стране увижу
Чудо из семи чудес.

Каблуки сбил на асфальте
На чужой я стороне.
Знаменитый храм на Мальте
Витражи раскроет мне.

С царским профилем монетки
Порассыпал я в пути.

Домик молодой брюнетки,
Мне бы в нем ночлег найти.

И на холмик ее страсти
Невзначай легла рука.
И дыхание напасти
Сбило пламя огонька.

В темноте дойти до цели
Опыт странствий мне помог.
Нам небесные качели
Ниспослал с улыбкой Бог.

В этой тьме не надо света,
Света вдоволь повидал.
Жизни добрая примета –
Милой женщины овал.

Заменю электробритву,
Напишу одну из книг.
Вспыхнет в памяти молитва,
Что когда-то пел старик.

1992 г.

* * *

Яблоком дышит Нью-Йорк,
Райскую сделку пророчит.
Незатихающий торг
Неутихающей ночи.

Бар превращен в общепит
В духе совковых соседей.
С плеером нищий сидит,
Слушает музыку меди.

Кину я квотер с ленцой,
Он усмехнется лукаво.
Травкою пахнет,
Пыльцой
С примесями какао.

1992 г.

* * *

Мне мудрое молчанье старика
Дороже беспроцентного кредита.
И в этом моя прибыль велика,
Что поделюсь с ним пайкой общепита.

Не примет он, его укор
Не в том, что мудрость постигаю,
А в том, что жив он до сих пор,
А я страны его не знаю.

Рассыпалась его страна,
И канула его эпоха.
На эти лег он времена
Всем существом чертополоха.

1992 г.

* * *

И на белую страницу
Вещее легло число.
За ночь путь твой превратится
В кочевое ремесло.

Поведет тебя строка
Издали к родной беседке.
Спит угрюмый на века
Ворон где-то там на ветке.

1993 г.

* * *

Живем, как будто впереди нас вечность,
Отодвигая планы на потом.
И по душе нам детская беспечность,
Как говорят – пока не грянет гром.

Дверь приоткрыта в календарь эпохи,
Желаю, чтобы все же повезло.
Пережигаем мы земные сроки...
Под пеплом где-то вещее число.

1993 г.

* * *

Стихи не подвластны преградам,
Стихи не имеют границ.
Фиксирую в памяти взгляда
Метафоры этих страниц.

А все остальное не в тему,
А все остальное не в счет.
Герой мой покинул поэму,
И нас за пределы влечет.

1993 г.

* * *

Затаилась в кронах осень,
Шелестит листва.
Ни о чем она не просит,
Ни к чему слова.

Как по древнему поверью:
Нас в природе нет.
Только черные деревья
Сквозь осенний свет.

1993 г.

* * *

Стучат колеса, вырывая
Тебя из тишины земли.
Не станция ли узловая,
Огнями и людьми встречая,
Развяжет узел твой вдали?
В дороге даль земная гложет.
Эффект вагонного окна
В ночной степи
Твой облик множит
И где-то там судьбу итожит,
Что за окном отражена.

1994 г.

* * *

Глаза закрою – вижу
Потусторонний свет.
К нему на шаг я ближе,
И мне возврата нет.

А где-то за спиною
Разлом эпохи той,
Что, окатив волною,
Становится судьбой.

1994 г.

* * *

Моя последняя любовь,
Последняя моя надежда,
Я повторяю это вновь,
Я повторяю это вновь,
Оберегай меня – как прежде.
Невольным трепетом души,
Вне разума и вне расчета
Мелодией мне путь вскружи
И флейтою заворожи,
Когда всплакну у поворота.
Остановиться и взглянуть,
Из этой жизни извлекая,
Животрепещущую суть,
Животрепещущую суть,
Разлом судьбы в ней различая.

1994 г.

* * *

То скрипка, то флейта,
То образ в строфе.
Мне даст концертмейстер
Свой столик в кафе.

Не в центре, не с краю,
А где-то в углу.
Нить вальса познаю,
Что вдета в иглу.

То скрипка, то флейта,
То улочки свет.
То Стефана Цвейга
Австрийский сюжет.

То Моцарта фуга,
То Штрауса вальс.
Из венского круга
Не выйти на плац.

Нет вечной работы,
Есть вечная нить,
И вечные ноты,
И вечный гранит.

1995 г.

* * *

Днем не слышно горной речки,
По ночам она слышна,
И ее послушать речи
Смуглая плывет луна.

Речка у ветвистой ели
Расплескала лунный свет...
А к утру вблизи ущелья
Ни луны, ни эха нет.

1995 г.

* * *

Памяти Марка Шиннея

...И вновь вспоминаю далекий твой дом,
Где нас согревала веселая песня камина.
Мы горечь стихов слегка разбавляли пивком,
И нас ревновали к нему
С медалями крепкие вина.

– Это так, это так, –
Ты вновь усмехнешься в усы.
Вот входят без стука друзья этой ночи бессонной.
Витийствует сленг до той предрассветной росы,
Когда прокричит электропетух фирмы “Сони”.
Джо, Кэрол, Джей, Мэри, Барбара, Хелен и Шон,
Теснее наш круг, клянусь, что не можем иначе.

И – снова стихи,
Им вторит камин в унисон.
И каждым поленьецем,
Каждым поленьецем плачет.

– Кря-кря, –
в форме утки взывает к себе телефон.
До встречи, дружище,
А где наши зимние встречи?
Над бездной Атлантики вновь обрывается сон,

И только лишь снег, вперемежку
он с пеплом летит,
Летит, чтобы светлым был
памятный вечер.

1995 г.

ОСЕНЬ

Песчаный берег у реки,
Я в краски осени вступаю.
Прозрачные стоят деньки
Вон теми яблоньками с краю.

И дышит тканью полотна
В закатный час неторопливо
Речная эта глубина
В том образном наклоне ивы.

И на зиму хозяйка в дом
Все не находит квартиранта.
Тропинка наша за холмом
Под снегом будет ждать до марта.

За дверь схоронится душа
Неумирающего лета.
Колодезной воды с ковша
Последний мой глоток – за это.

1995 г.

* * *

Ночная электричка,
Вне расписанья путь.
Тьму озарила спичка,
Обозначая суть.

Пройдя жилую зону,
Мне суждено сойти.
К небесному перрону
Все сходятся пути.

1995 г.

* * *

...И сквозь ветровое стекло
Мой воздух свободы дымится.
На взлет расправляет крыло
Под ливнем продрогшая птица.

А дворников тягостный скрип,
Как будто от тяжкого вздоха.
Не в фокусе видеоклип,
И – в мутном потоке эпоха.

Случайный я в ней пассажир,
Сродни мне озябшая птица.
Нам, чтобы постигнуть эфир,
Поможет ночная страница.

1995 г.

* * *

Мне мудрое солнце под вечер
Свой образ лучом подает.
Он в каждом предмете отсвечен,
Приняв поэтический ход.

И венская улочка манит
Скрипичным ключом бытия.
И все исчезает в тумане
В часы уходящего дня.

И не выставляя дань моде
Суетности нашей земной,
Есть некая тайна в природе,
Что светит за далью ночной.

1995 г.

* * *

Спой мне песню из времен застоя,
Из времен застоя песню спой.
Струны я на время то настрою,
Подпоет мне кто-то из пивной.

Говорят, что мир без песен тесен,
Подтверждаю – правду говорят.
Спой мне, друг, одну из наших песен,
Излечи, как двадцать лет назад.

1995 г.

* * *

Венский ветер выносит к Дунаю,
Словно лист, занесенный судьбой.
Что за музыка в храме? – Не знаю.
Воздух музыки с ветром глотаю,
И снежинки влекут ворожбой.

Мне Ирэн подает чашку кофе,
Я с мороза зашел к ней в кафе.
Ключ скрипичный мой где-то в Европе,
И машина моя марки “оппель”
Затерялась на горной тропе.

И сквозь вдох сигаретного дыма
Старику в котелке улыбнусь.
Он мне молвит: “Вот здесь была прима –
балерина – в слезах и без грима,
А художника звали Огюст”.

Он минувшей эпохи ровесник,
Пережил ее на котелок.
И в кафе он, лукавый кудесник,
За мой столик подсел, словно сверстник,
Чтобы фразой встревать между строк.

По ступенькам спускаюсь под своды
Уходящего века, прильнув
К этой вечности в час непогоды,
Что дана нам от божьей природы,
Слегка столик в такт сердцу качнув.

1995 г.

* * *

Дорога горная в тумане,
Где видимость как в полусне,
Мифической тягою манит,
Не оставляя в стороне.

И где-то на каком-то склоне
Цепь времени качнулась вспять.
И все переменилось в корне,
Что разумом мне не понять.

И хроника прошедшей жизни
Бег обрывает у моста.
И мой двойник меняет линзы,
Воспринимая роль с листа

Мои воспринял он ошибки,
Мои воспринял он мечты.
И беззаботной нет улыбки,
Одна усмешка суеты.

А мой двойник из-за тумана
Почти не виден в час ночной.
Невидимая ноет рана
И не проходит стороной.

А мой двойник садится где-то
В автомобиль, что не заглох,

Как будто ангел с того света,
Чтобы застать меня врасплох.

Мы с ним подружимся, однако,
Преодолеем перевал.
Не у дорожного ли знака
Его впервые я признал?..

На повороте разминемся,
При встрече фарами мигнем.
Во всем без спора разберемся,
Друг друга молча мы поймем.

Открою дверцу у оврага
И закурю в неясный час.
Туманом влажная бумага
Скрывает важный в ней указ.

А у меня права иные,
Мои права увез двойник.
Дни за туманом снеговые
Раскроют ветром мой дневник.

1995 г.

МУЗЕЙ. СВЕТИЛЬНИК

Имангали Тасмагамбетову

В нем контуры времен чернеют,
И в гулком окруженье плит
Он тайну пламени хранит,
Зажечь которое не смеют.

Тяжел от собственного веса –
Тысячелетнего огня...
Эпоха раннего железа,
Светильник в образе коня.

1995 г.

ЧИСЛО

Февраля последняя декада,
Города раскрытая ладонь.
Ожидаю время снегопада,
Глядя на мерцающий огонь.

И все то, что было понемногу,
Понемногу на сердце легло.
К своему я обращаюсь Богу
В это календарное число.

Мне уюта нет в эпоху рынка,
Каждого из нас попутал бес.
Проступила первая снежинка,
Что изящна в сумраке небес.

И все то, что метило дорогу,
Понемногу снегом занесло.
К своему я обращаюсь Богу
В это календарное число.

И сквозь иней на поверхность стелы
Выйдет образ прожитого дня.
Вижу мир иной – его пределы
Расширяют сферу бытия.

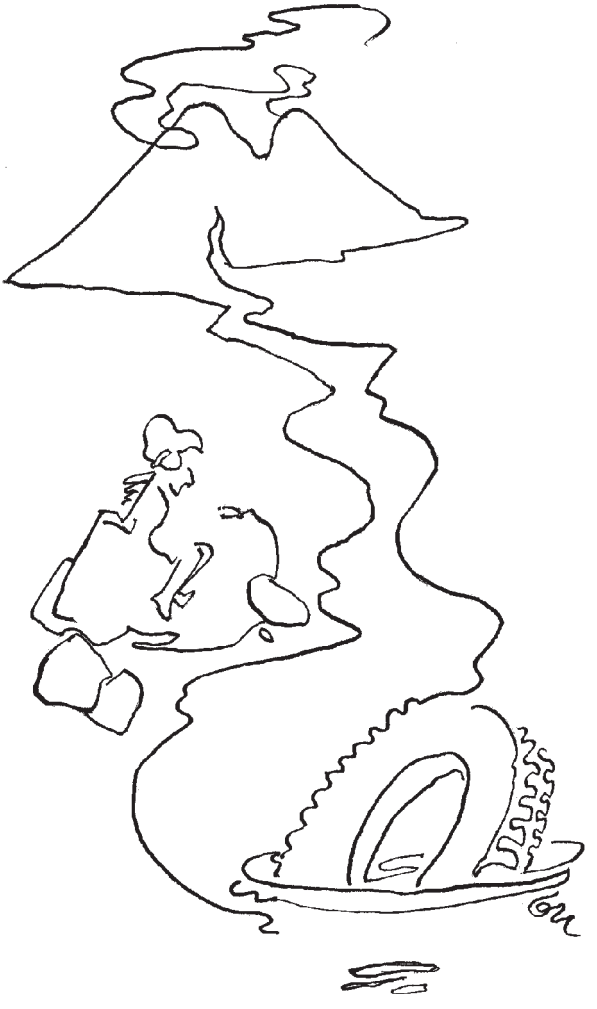
И все то, что нам несло тревогу,
Канет сквозь небесное стекло.

К своему я обращаюсь Богу
В это календарное число.

В нем заслышу я эпоху Рима,
Чтобы свой обогатить словарь.
А оно ничем не заменимо,
То число, чем дышит календарь.

Дышит, чтобы к отчему порогу
Никогда не прикипело зло.
К своему я обращаюсь Богу
В это календарное число.

1996 г.



ОЧЕВИДЕЦ

Памяти
Мухтара Омархановича Ауэзова

Свидетелем он был эпохи,
Он обожжен ее крылом.
Биографические сроки
Казенным пахнут сургучом.

Угрюм, бесстрастен и спокоен.
Неужто выпита до дна
Та чаша мирных лет и войн,
Что каждому в пути дана?..

Но плавится сургуч запрета
Скупой непрошеной слезой...
И – обнажилась суть предмета
Молнией предгрозовой.

28 сентября 1997 г.

ШАХМАТЫ

Асанали Ашимову

Расставлены фигуры,
Ждут на доске поля
Аккорда партитуры
От пешки до ферзя.

Путь начинаем с пешки,
Но кто-нибудь из нас
Предстанет в этой спешке
Фигурою на час.

Кто, протирая линзы,
Найдет свой ход конем,
А кто-то с укоризной
Уставится слоном.

Ладьею выгибаясь
Под ветром перемен,
Плывем, не озираясь,
Не упустив момент.

Из нас, быть может, каждый
Мечтал в душе о том,
Что быть ему однажды
Влиятельным ферзем.

В своей ли будем сфере,
Преодолев поля,
Но пешке не примерить
Корону короля.

* * *

В одной из этих партий
Пытаюсь то найти,
Что не успел на старте,
Что потерял в пути.

1997 г.

КЮЙ “УРУС-СУЛТАН”

Только пальцы по струнам запляшут,
Бродят звуки по памяти нашей.

“Мне бы друга найти
Настоящего,
Самого себя не познавшего,
Мне бы друга найти
Настоящего,
Черепахой по тропам
Плутавшего,
Мне бы друга найти
Настоящего,
В бездну пропасти
с криком упавшего,
На бармак от погибели бывшего,
Не разбившегося,
Груз последним верблюдом
Принявшего,
Мне бы друга найти
Настоящего”.

А пальцы по струнам
Все пляшут,
Бродят мысли
По памяти нашей.

1997 г.

ШВАРЦВАЛЬД

Панорама черных гор
Виноградниками дышит.
Одинокий кот на крыше
Мой притягивает взор.
Панорама черных гор.

Где-то там невдалеке
Город Кель и Баден-Баден.
Здесь веками быт налажен.
И ночлег мой на мансарде,
И тропиночка к реке.

Где-то там невдалеке
Деревушка Лаутенбах,
Родина известных сказок.
Ироническая фраза,
Винный привкус на губах,
Деревушка Лаутенбах.

По дороге побреду,
Что ведет до Оберкирха.
Стрекот газовой косилки,
Зреют яблоки в саду.
По дороге побреду,
Сказку, может быть, найду.

1997 г.

* * *

Песня манит к старине
В тихий час заката.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

Ни картины на стене,
Ни в кармане злата.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

Отдавал я дань струне
У беседки сада.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

Ни любви на стороне,
Ни украдкой взгляда.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

Истину познал в вине,
Нету горше яда.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

У романса при луне
На замке ограда.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

Ты проходишь в тишине
Вне молвы, вне ряда.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

И умчусь я на коне,
И на все есть плата.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

Дышит свет в твоем окне,
Это мне – награда.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

И на все я только “не”,
Все уйдет куда-то.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

Если я сгорю в огне,
Песня виновата.
Ничего не надо мне,
Ничего не надо.

1997 г.

* * *

Пропитаны годом ушедшим
листочки перекидного календаря,
он набух, он набряк, он жизни ушедшей свидетель.
Даты для встреч и номера телефонов,
словно бы тайны, хранят
эти листочки, и никому не раскроют:
с кем и о чем
хозяин в тот день говорил.
Все в прошлом, все кануло в бездну,
и только вот почерком нервным:
“В двенадцать без опоздания к шефу”,
“в четыре придут из концерна”,
“в семь часов вечера к ней” –
подчеркнуто дважды.
А где-то там, в уголке: “Не верю, что болен...
все к черту, все брошу, уеду...”
И вновь через месяца два: – “Спасибо врачу
из больницы, надо с ним выпить сегодня...”

1998 г.

* * *

Выдаст компьютер мне тест
И запрограммирует образ.
И в этом отеле нет мест,
Мой миропорядок разобран.

Вот благо мое, вот грехи,
Вот что-то затянуто скотчем.
В дискету заносят стихи
И мой нивелируют почерк.

1999 г.

* * *

При своем остаюсь интересе,
Я протру ветровое стекло,
Чтобы главным героем по пьесе
На спидометре выбить число.

Я пока еще хлеб свой имею,
Как свое отраженье в окне.
И до боли щемящей свирелью
Отзывается муза во мне.

Мне и мокрый асфальт не помеха,
Свет мелькающих встречных машин.
Осевая полоска успеха
Вновь на горный ведет серпантин.

Ну, а дальше, а что будет дальше?
Осьминогом лежит автобан
У развилки, где ноту без фальши
Разряжает под утро туман.

Там библейская дышит долина,
И языческий манит костер,
И прозрачная тень бедуина,
И в дымке гекзаметр гор.

Нет без дальнего ближнего света,
Я живу на колесах судьбы...
Эту исповедь автопоэта
На обочинах правят столбы.

1999 г.

АЛМА-АТИНСКИЙ БЛЮЗ

I

Мерно стучит по рельсам трамвай,
последний, быть может, последний,
в парке уснет он, дугу опустив,
шелестящие шины одиноких машин,
шорох листьев, опавших с угрюмых деревьев,
шаги по аллее случайных прохожих,
журчанье арыка,
летучая мышь над арыком мелькнула,
исчезла среди ветвей карагача,
псина,
что лаешь всю ночь,
цепь оборви и через город
с оборванной цепью ко мне поспеши
и сядь у края расшатанного дивана,
полицейский патруль,
все преступники спят,
мотор заглушите,
сигареты в молчании закурите,
город мой спит,
горы давно погрузили ущелья,
урочища в сон,
только вот ледники в лунном покоятся свете.

II

Ехать и ехать без оглядки назад,
чуть прикрыв глаза,
слушать и слушать эту музыку
в исполнении Луи Амстронга
или Брубека, а быть может, Алексея Козлова,
Ехать, чтобы дворники смывали на миг
пелену дождя, открывая
перспективу шоссе,
Ехать, чтобы шелест мокрых шин
сливался с папурри известных
и неизвестных мелодий,
Ехать, чтобы мысли остались там,
позади, за спиной,
Ехать, чтобы не кончалась эта музыка,
тягучая и согревающая,
как кофе
в дождливую ночь
в маленьком кафе на углу родных улиц,
Ехать, чтобы огонек сигареты
отражался в смотровом окне машины,
освещая лицо на фоне дождя,
Ехать, чтобы каждый километр уводил
все дальше, и дальше, и дальше.
Зеленая волна.
Нет красного света.
Ехать, чтобы ехать...

III

Ночь,
шурша звездами, спускается с гор,
серьгами фонарей по улицам танцует,
фонтанами смеется на площадях.
Манекены с витрин магазинов
поглядывают друг на друга,
словно ходят потихоньку уйти
и чтобы никто не мешал до утра,
на перекрестке кашель и мерцанье папирос,
луна,
ты на верхушке тополя застыла
смуглая и полнотелая,
огни реклам в объятиях листвы,
плачет скрипка или, может быть, скрипач,
сгибаясь под тяжестью печали,
или музыку смычок уводит в плач,
ночь утирает слезы шалью,
промолвишь слово и слово промолчишь,
скрипач, играя, сам молчит,
звук, руку облегая, вновь звучит,
это клавиши лунного плена,
минорная ночь мимо окон не прочь
тенью мелькнуть Шопена.

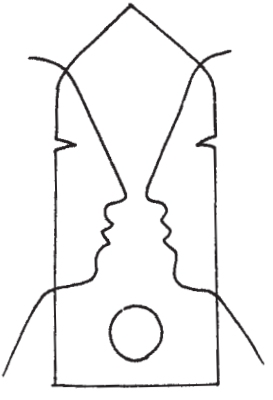
IV

...дождь в ночь, ночь сквозь дождь,
подъезды – рты жуют зонты,
мешки – балконы под глазами окон,
дом в бессоннице,
краснеет
воспаленным оком лифт,
лифт
в виде гроба вертикального.

Нажимаю кнопку “Вызов”
И войти в него боюсь.
А водосточная труба,
Как саксофон
В губах карниза,
Почти по-маяковскому
Играет блюз.

1999 г.

Мышь компьютодора (2000–2006)



* * *

Я отправился в путешествие
В тиши библиотеки.
И переплет каждой книги на полке
Манит мой взгляд,
Словно пейзаж или ландшафт
Воображаемой вселенной
Моего пути в грядущем.
Это было вчера.
А сегодня –
Лист бумаги пугает и манит
Своей белизной.
Экран монитора дышит огнями
Небесного разума.
Что-то заело. Сканер души –
Что будет завтра?..

2000 г.

* * *

Щедрый станет скупым,
Но останется в памяти щедрым.
Скупой станет щедрым,
Но останется в памяти нашей скупым.
Не зря говорят,
Что исключения эти из правил
Вновь оттеняют
Закономерность судьбы.

2000 г.

I

Золотая тишина
Разлита сквозь паутину.
Створки старого окна
Невзначай рукой раздвину.
Лес осенний за окном
Накануне листопада.
Где-то отдаленный гром,
Ветра вздох после разряда.

II

Ветра вздох после разряда,
Где-то отдаленный гром.
Накануне листопада
Лес осенний за окном.
Невзначай рукой раздвину
Створки старого окна.
Разлита сквозь паутину
Золотая тишина.

2000 г.

I

Городская карусель,
Звуки музыки и музы.
Где-то бродит менестрель,
С вечностью скрепляя узы.

Франкфурт, ярмарка души.
Лунный образ Маргариты.
Проступают из тиши
Вековые манускрипты.

II

Вековые манускрипты
Проступают из тиши.
Лунный образ Маргариты,
Франкфурт, ярмарка души.

С вечностью скрепляя узы,
Где-то бродит менестрель.
Звуки музыки и музы,
Городская карусель.

2000 г.

* * *

Осеннее утро.
Дождь третьи сутки
Дарит спокойствие миру и мне.
И – капли дождя отсчитывают время
Без суеты.

2000 г.

ВЗГЛЯД

В небе черные вороны,
Вороны черные с неба глядят
На грядущую грозу
Сквозь свои перья.

2000 г.

ОБЛАКО

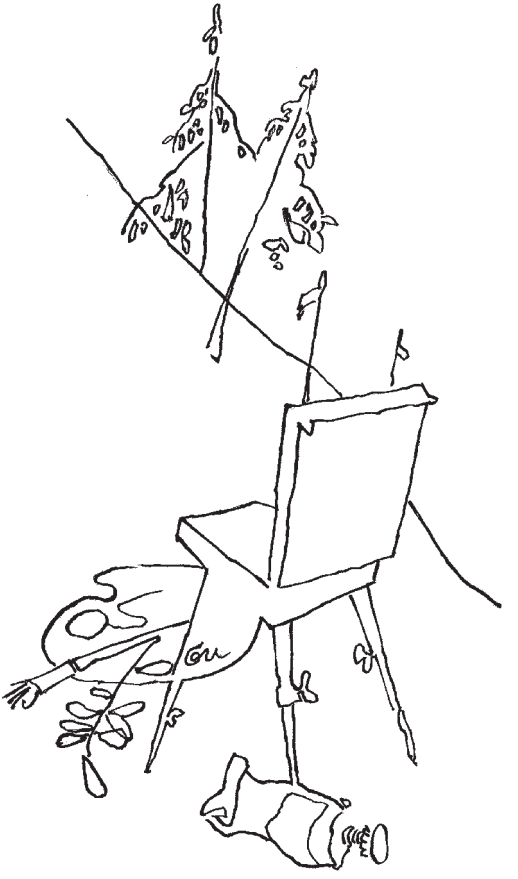
Облако ищет пристанище
Вдоль побережья озера
И, не найдя,
Уводит свое отраженье
За гору
В глубину небес.

2000 г.

ЛЕС ВОСПОМИНАНИЙ

Войти в смешанный лес
И сойти с тропы памяти,
То влево, то вправо.
Лес вновь приведет тебя
К деревцу детства.

2000 г.



СУВЕНИР

Поющий бархан имеет пространство души.
Звук птицей далекой взлетает в ущелье.
Заморский турист
Увозит с собой песчаную ноту сердца
Пустыни.

2000 г.

ЛИСТВА И ВЕТЕР

Шум молодой листвы –
Это тяга к дальнейшей свободе.
И ветер здесь ни при чем.
Опаданье листвы –
Это грусть о прожитой жизни
И мечте,
Которую уносит ветер,
Живший в деревьях.

2000 г.

ТЯГА К ВЕЧНОСТИ

Человек,
Не дойдя до горизонта,
Передает эту мысль птице.
Птица,
Не долетев до горизонта,
Сгорает в лучах заходящего солнца,
Надеясь,
Что солнце исполнит завет
Человека и птицы.

2000 г.

КОМПЬЮТОДОР

При чем здесь бык вне Бога наших мыслей,
При чем здесь Бог – увы, он ни при чем.
Я колесницу времени сквозь числа
Вновь завожу магическим ключем.

Не избежать мне фарса при повторе.
Вот час быка,
Вот время тишины.
Мой виртуальный мир, что в мониторе,
Витийствует под знаком сатаны.

2001 г.

ИЮЛЬ

Как пламя саксаула,
Лижет лица зной.
И в мареве дрожит
И тает город.
Сухой арык,
Пересыхает горло,
Струится пот,
Струится,
Как в парной.

О автомат – спасенье – газводы!
Разинутою манит пастью.
К тебе, как к роднику,
Припасть бы.
На асфальте липком
Следы, следы, следы,
Что в ночь ведут.
Взойдет луна.
И город весь
В неоновой улыбке
Освободится
От одежды липкой
Перед началом сна.

2001 г.

СТРАНА ЮНОСТИ И ДЕТСТВА

Мы все еще прошлым живем,
Романтикой бывшей страны.
В час оный все так же вдвоем,
Но с этой уже стороны.

Не знали, что там наверху,
Не рвались на бал сатаны.
Душой уходили в строку
На гребне сердечной волны.

Порою с весельем был страх,
Вернее, лукавым он был.
Но что-то дышало в стихах,
Как будто бы ангел кружил.

Стихами помянем страну,
Покуда мы живы, она
Из памяти тянет струну,
И звоном стоит тишина.

2001 г.

* * *

Как сиротливость
В клетке птицы певчей,
Как черной ветки
Лист неотлетевший,
Как ветра
Заунывный пересвист –
Тянулся день,
Что пасмурен и мглист,
Под скрежет жести,
От века почерневшей,
Где над окном
Чуть нависал карниз...

Все это поздней осенью звалось,
Земля к зиме свою смещала ось.

2001 г.

* * *

Душа, что наполнена светом,
Промытая светом душа
К небесным восходит сюжетам,
Небесною пылью шурша.

Обратно вращается пленка,
И кадры в ней чем-то полны.
Себя я увижу в ребенке –
С обочины, с той стороны.

2001 г.

* * *

Ночь над Иссык-Кулем,
Ветер приутих,
Только чайки с неба
Отдаленный крик.

К берегу песчаному
Ластится с волной
Свет луны печальной
В этот час ночной.

Мимолетным блеском
Сон мой на лету
С незаметным всплеском
Канет в темноту.

Снова чайки с неба
Отдаленный крик.
Ночь над Иссык-Кулем,
Ветер приутих.

2001 г.

* * *

Вспоминаю былого кумира,
Изменяюсь во времени сам.
И мое постижение мира
Переходит из прозы к стихам.

Я из воздуха выстрою образ,
В лабиринте небесных веществ
Запредельная разуму область
Мне поможет скрижали прочесть.

Эти поиски выльются в драму,
Из реальности выступит быль.
Я оконную выставлю раму,
Чтобы вытрясти книжную пыль.

Эта мудрость земных фолиантов
Переходит в компьютерный диск.
И не надо большого таланта
В электронном подборе страниц.

Все подсчитано в свете программы,
Все заложено в файлы, а ты
Ищешь воздух таинственной драмы
И раскованность детской мечты.

2001 г.

* * *

Споет мне милая подруга
Под звон хрустального стекла,
Как за окном гуляла вьюга,
Как за окном метель мела.

Предновогоднее веселье
Жильцов выводит из квартир.
И песню предворяет зелье,
А песня обновляет мир.

Строка к строке она приходит
И образ к образу ведет,
Куда-то вдаль в ночи уводит
И снова в памяти живет.

Из этого не выйти круга,
Махну на срочные дела...
В моей душе такая вьюга,
Метель в душе моей мела.

2001 г.

ПОЭТ

Он, без седин,
Был стариком.
Он – бес среды.
Он – в горле ком.

Смеясь на лесть,
Стихом тоскуя,
Смех, словно месть,
Вам сводит скулы.

Витает рок,
Глаза тоскливы.
Кривится рот
На вкус оливы.

А ты, Отчизна,
Его удел
Прими, отчислив
Одну из стрел.

* * *

Меняя все внешние маски
Лица своего, я храню
Минувшего времени сказки
С будущей рифмой на “ю”.

“Ю” – это “О” на приколе,
Восторг,
Превратившийся в ноль.
Справляюсь я с будничной ролью,
В ней к месту рифмуется
“Соль”.

* * *

Проходит все,
Бессмертна только память.
Земные и великие дела
Воплощены
В стихах,
в легендах,
в камне.
И к предкам память сквозь судьбу вела.

Она хранит, хранит нас от лишений,
В проспекте предка есть моя строка.
И в ней живет и дышит пульс свершений,
Что бьется, словно свет, к нам
Сквозь века.

2002 г.

* * *

Свежая могила без надгробья.
Из портрета исчезает блеск зрачков.
Чувствует поэт над мертвой грудью
Нашу траурную тяжесть из венков.

Мы часто из-за черствой суеты
Поздно узнаем о смерти близких.
Но они не предъявляют иска
На запоздалые цветы.

2003 г.

* * *

Это пепел святых
Проступает сквозь почву – не иней;
Это пепел святых
Все кружит и кружит – не снег;
Это пепел святых –
В нем твое зарождается имя,
И твое ремесло,
И твой поэтический век.
Это пепел святых
Сединою в твоей шевелюре.
Это пепел святых
На страницах сквозь строки сквозит.
Это пепел святых
Сквозь все эти де-факто, де-юре
Проступает в судьбе
И судьбу нашу ставит на вид.

2003 г.

* * *

Вновь слышу я издалека,
Как горная шумит река.
И белый шум деревьев речке вторит.
И, окунуться в нем спеша,
Вновь очищается душа,
И в белом шуме радуга не тонет.

При встрече вновь откроют взор
Глаза нетронутых озер,
В них отражаясь, манят облака.
В горах глоток живой воды
Есть исцеленье от беды,
И боль мою уносит вдаль река.

2003 г.

* * *

Объединил вас Махамбетом
В одной статье.
Но ауры той жизни нету,
И все – не те.

Всей грудью нам бы оглянуться,
Разлом судьбы.
Какое счастье – не прогнувшись,
Идти на *вы!*

И рыцарь всей Степи в Париже,
Аристократ.
Я брата старшего не вижу,
Прости мне, брат.

В стихах Господь не шлет второго,
Меньшой не в счет.
Нам ангелы диктуют Слово,
А также Черт.

Приходят образы святые,
И прошлый век
На файле строки роковые
Несет для всех.

Врага пронзает дрожь степная,
Знать, свечку в зоб!
Где ныне спит земля чужая,
Там предков зов.

13 мая 2003 г.

* * *

В одном поселке Подмосковья
В кирпичной кладке колокольни
Всем существом распятого ствола,
Трещину пробив, береза проросла.
И слышал я, гудели ее корни,
Как подземные колокола.

И той березы устремленной ствол
Напомнил о былом степном преданье,
Как у разрушенной мечети вдруг расцвел
Саксаул, что камнем был придавлен.

2003 г.

* * *

И крики чаек, шум прибрежных волн
Слились в единый гул – гул пробужденья моря.
И ветер шторма, сам с собою споря,
Упруг и плотен, ярости небесной полн.
Рыбак на берегу с обломком верхней мачты
О яхте опрокинувшейся плачет.
В ногах рапана – знак былой удачи.

2003 г.

* * *

На пенсию ушел чабан на склоне лет своих,
Уехал из аула он и стал у сына жить
В большом зеленом городе на пятом этаже
В комнате с обоями на низенькой тахте.
Он никак не мог уснуть
И слушал, как в ночи за стеной вода урчит
В том месте, куда ходят по нужде.
Казалось, что журчит ручей, когда он на жайляу
В былые годы не скучал с отарою овец.
И снился чабану баран, тот, что в ночной мороз
Глазами умными взирал, когда его чабан поднял,
В тулуп овчинный завернул, баран в лицо его лизнул
И на руках у чабана под стужу угасал.
Три месяца прошло, старик не выдержал, ушел.
Ни слова сыну не сказал, он ночью в три часа
На поезд одинокий сел и вышел где-то там, в степи.
Вблизи аула своего он завершил свой путь...
Отарою дышала степь, и, может быть, цикады в этой тьме
Нам отпевают жизнь.

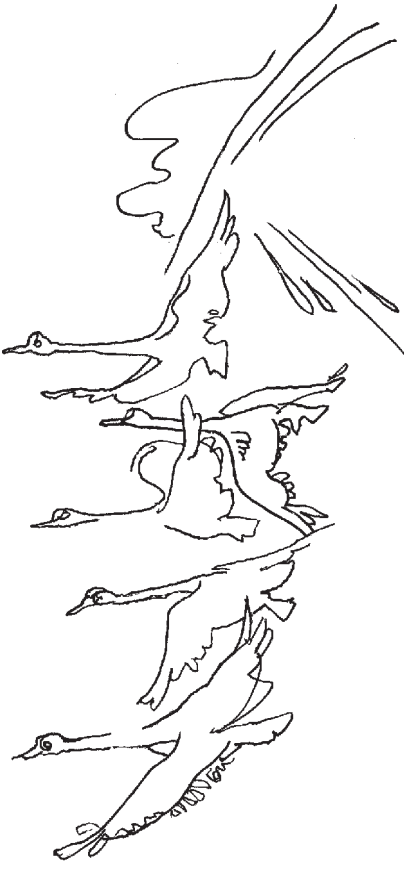
2003 г.

ПИОН

Вновь распускается пион
По имени Леман Мария.
Лик этой ночи – эфиоп,
Заклинатель и мессия.

Их сочный цвет на фоне тьмы
Несет волшебную прохладу.
Из города, как из тюрьмы,
Рвемся к райскому мы саду.

2003 г.



* * *

Маленький маэстро Шернияз.
Ноты, что во сне к тебе летят,
Птичками мелодию хранят,
В музыкальный увлекая класс.
Маленький маэстро Шернияз,
Ноты, что к тебе приходят в сон,
Будут жить учебе в унисон,
Маленький маэстро Шернияз,
Пусть сейчас ты далеко от нас,
Свято верим в твой талант и ценим.
Духи предков дарят чувство сцены,
Маленький маэстро Шернияз.

29 ноября 2003 г.

* * *

Природы незатейливый экслибрис
Сквозь узор ночной листвы.
Взгляд невидимой совы
Слит с оперением колибри.

Это все придет стихами,
Будет образами жить.
Придорожный манит камень
Эпитафию сложить.

2003 г.

* * *

Памяти Федерико Г. Лорки

Проступает роса на камне,
Как слезы ночной любви.
Проступает роса на камне
Промытой души в крови.
Проступает роса на камне
После ушедшей волны.
Проступает роса на камне,
На камне в час тишины.
Проступает роса на камне,
Как обычно,
К рассвету, к утру.
Проступает роса на камне...
Тише,
Когда умру.

2003 г.

* * *

Граждане ночных кварталов
Безучастны,
Как тени города.
Художник,
Отвлекись от мольберта,
Чтобы стать ближе к ним
По пламени зажигалки
И мерцанию сигарет.

2003 г.

ФОНАРЩИК

Городских огней хранитель,
Невидим он
Среди ночных прохожих.
И только накануне
Предрассветных сумерек
Гасит неизменным колпачком
Волшебные огни,
Что переходят
В утренние сны
Беспечных горожан.

2003 г.

* * *

Манускрипты бытия,
Станок эпохи Гутенберга.
Священнодействует печатник,
Не ведая,
Что образ его
Проступит между строк эпохи.

2003 г.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Широкополая шляпа художника
Помогает ему
Представить перспективу
Будущего полотна.
Видимо,
Все дело в шляпе,
Которую мы примеряем.

2003 г.

ИЗ ЦИКЛА “КАСПИЙ: НЕФТЬ И КУЛЬТУРА”

I

Хранитель духа – Шыракши.
В лампаде ток святого взгляда.
Не от него ли свет души,
Свет ритуального обряда?..

Мы познаем в мирской тиши
Жар пламени твоей свечи,
Хранитель духа – Шыракши.

Прохлада здесь, земной покой.
Хранят и кремень, и кресало
Эпох изгибами лекала
Твой образ многовековой.

II

Шакпак-ата, тобой храним.
Улыбка мудрого Алана
Сквозь легкий сигаретный дым
Встречает нас вблизи кургана.

Так познаем в людской глуши
Жар пламени твоей души,
Хранитель духа – Шыракши.

III

Раскрыта каменная книга.
Сквозь вековую вязь письма
Проступят из глубин холма
Образы – от лиц до лика.

И там,
За каменной грядой,
Легендами дышало море.
Темир-баба – здесь был святой.
И тучи,
Где-то с небосвода,
Путь продолжали чередой –
Его хождение по водам.

2004 г.

* * *

С обратной стороны луны
Лунатики выносят сны.
За ними следом зря бредут
Землятики – их там не ждут.

И полон волнами прибой,
В нем связь небесная с луной.
Сродни той связи интернет
По паутине мировой.

И незатейливый сюжет
Вновь породил парад планет.

Но не найти мне никогда
В той паутине интерда.
На все вопросы есть ответ –
Не заходите в интернет.

2004 г.

* * *

Предощущение стиха,
Мой образ мира перед снегом.
И – светлая печаль легка,
Снежинкой растворяясь с небом.

Исчезну я в ночной тиши,
И только с птицей неизвестной
Сольется вскрик моей души.
И это все прибудет песней.

Закружит голову метель,
Срывая все земные цепи.
Рождественская стонет ель
Под тяжестью небесной крепи.

2005 г.

ТАМГА

Благословенная Тамга,
Поселок возле Иссык-Куля.
Жар дуновенья ветерка
От солнца посреди июля.

Чем этот камень знаменит,
Буддийской надписью Тибета?
Манаса помнит сей гранит,
К нему бреду тропой поэта.

Священный камень Тамга-Тас,
В нем вижу лотос ритуала.
И речка влагой гор дышала,
И в местность погружала нас.

Мы дети солнца, дети гор,
Мы плоть из плоти от природы.
Нам этот по душе простор
На все оставшиеся годы.

Почти библейский абрикос,
В плодах желтеет спелость лета.
На шее нить от амулета,
Знак детства, где мальчонком рос.

Благословенный Иссык-Куль,
Необъяснимый цвет сапфира.
А я ищу с сестренкой Гуль
Тот знак Тамги на карте мира.

ЮГ ИССЫК-КУЛЯ

Я север озера люблю,
Но ближе побережье юга.
Здесь к берегу лодчонкой льну –
Жить без спасательного круга.
Я это озеро люблю.

Тоссор, Тамга и Ак Терек,
Дархан, Барскоон и Покровка.
Здесь перекаты горных рек,
У каждой здесь своя сноровка,
А еду я на полукровке.

Я дальнюю родню ищу,
Быть может, родом из Таласа,
Здесь где-то встал аил Саруу,
И вместе с племенем Бугу
Воспел он подвиги Манаса,
Я шлю привет вам из Тараза.

Здесь за Барскооном Чокан
Путь проложил свой до Кашгара.
Осанку гордого архара
Запечатлел в блокнот султан,
И плыл все дальше караван.

За водопадом водопад,
Горячий здесь источник жизни.

И каждый встречный встрече рад,
Как говорят – до самой тризны,
Ибо человек – не призрак.

За дальний сырт уходит як,
Чтоб снова привести потомство.
Алеет опиумный мак
Во славу разума и солнца.

ДВЕ ИВЫ

В аиле две ивы стоят,
Две ивы стоят вековые.
По трассе машины летят,
И все в основном легковые.

Арык свою песню несет.
Две ивы стоят, в два обхвата.
Меня к этим ивам влечет
Вечерняя тень и прохлада.

На мокром песке чья стопа?
Две ивы молчат, покрывая.
Но к озеру вьется тропа,
Все вьется тропа молодая.

Плакучая ветвь шелестит,
Поведает боль и кручину.
Младенец у матери спит,
Дополнив мне эту картину.

Машины и годы летят,
Где такса сменяется трассой.
Две ивы, как сестры, стоят
От самой эпохи Манаса.

МАНАСЧИ

Чай зеленый дышит в пиале,
Мясо яка варится в котле.

К этой ночи подберет ключи
Миру неизвестный манасчи.

Холодом повеет с ледника,
Эпосом вся пенится река.

Даже горы слушают в ночи
То, о чем колдует манасчи.

Искрами безумствует костер,
К нашим лицам пламя распростер.

Чай сменяет водка в пиале,
Мясо яка варится в котле.

Вспорет тьму заговоренный меч,
На рассвете нам не даст прилечь.

Чон боласын, баскалар кичи[1],
Будь великим, мальчик манасчи!

[1] Будешь большим, все другие малы (кырг.).

ЧОН ЖАРГЫЛЧАК[1]

Крутит, крутит жернова
Водяная мельница.
Перемелятся слова,
Речка не измелится.

Круг за кругом колесо,
Пыль мучная на лицо.

Крутим, крутим жернова,
Зерна струйкой стелятся.
Перемелятся дела,
Жизнь не перемелется.

Круг за кругом на плечо,
Вот с мукой готов мешок.
Подсобляй,
Давай, еще.
Хорошо так?
Хорошо!

Крутим, крутим жернова,
Будем нынче с хлебушком.
Перемелется судьба
Звездочками с небушком.

[1] Большие жернова, в данном случае – большая мельница (кырг.).

Круг за кругом, налегай.
Зерна в лунку загребай.

Крутим, крутим жернова,
На округу мельница.
Перемелется мука,
Зернами измерится.

Круг за кругом – Жаргылчак.
Мельник – старый весельчак.
Молодой его сынок:
– Дай, отец, и мне мешок...

Крутит, крутит жернова
Водяная мельница.
Наша мельница жива,
Колесо-умелица.

С перепадом рукава,
Горно-реченька-река
Лопастями пенится.

АК ТЕРЕК

Серебристый тополь – Ак Терек.
Дерево священное в ущелье.
Он растет и дарит добрый век,
Серебристый тополь Ак Терек,
Гармоничен он с тянь-шаньской елью.

И его не пилят на дрова,
Бревна не готовят на зимовку.
Серебром колышется листва,
Прячется в ней божия коровка.
Серебристый тополь Ак Терек,
Чтит обычай предков человек.

И не раз он отведет беду,
Золотом он вспыхнет к октябрю.
За зиму накопит серебро,
Чтобы людям вновь дарить добро.
Серебристый тополь Ак Терек,
Шум листвы и перепады рек.

БАРСКООН

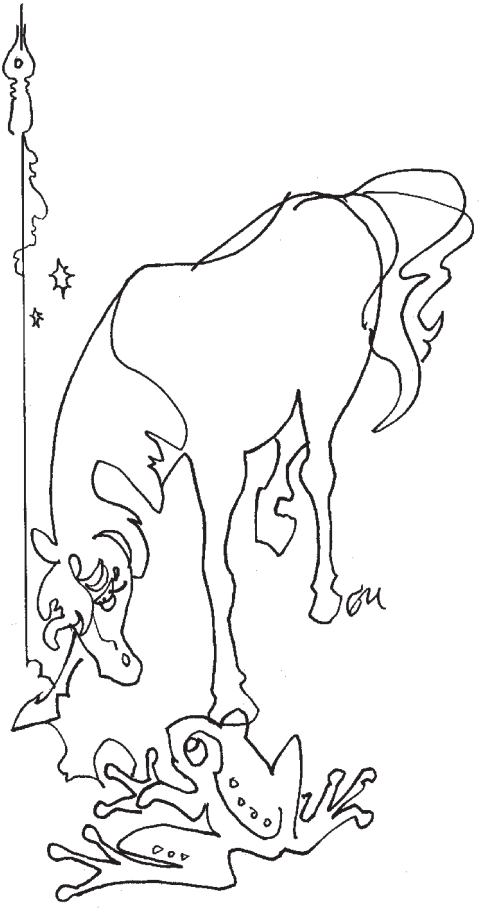
Поднебесная “Чаша Манаса”
Дарит жизнь по ущелью Барскоон.
А внизу где-то там “Слезы барса”[1]
В окружении царственных крон.

Перевал здесь ведет до Китая,
От Китая идет перевал.
Гриф, небесная птица, взлетая,
Караван под крылом провожал.

За Уланом от чуйского зноя
Напоследок оставленный кряж.
Сладкий воздух настоян на хвое,
Холодит до озноба Санташ[2].

Водопадам даны “Слезы барса”,
Эту тайну сквозь рев не познать,
Рану лечит ли “Чаша Манаса”,
Рык и грохот воды не унять.

[1] “Чаша Манаса” и “Слезы барса” – названия водопадов.
[2] Улан и Санташ – ветра прииссыккульской местности.



ДЖУУГУ

Здесь горная речка Джуугу,
Здесь красные горы из сланца.
Здесь род обитает Бугу,
Здесь конный проезд иностранца.

Форель тридцати килограмм
Мне в речке поймать не в новинку.
Я сердце поэта отдам
За эту, в ущелье, заимку.

Здесь гордые люди живут,
Меня принимают за брата.
И не посчитают за труд
Вновь выверить горный маршрут,
На все есть небесная плата.

Здесь жил караванщик Балчак,
Оставил мазар нам из глины.
Под вечер дымится очаг,
И стелется дым вдоль долины.

Там озеро чашей встает,
Здесь горы близки и суровы.
Уеду, вернусь через год,
Чтоб с озером встретиться снова.

ВДОЛЬ ГОРНОЙ РЕЧКИ НА КОНЕ

Вдоль горной речки на коне
От озера все вверх по склону.
Устроившись в седле – вполне
Устроен быт мой по сезону.

Вдоль горной речки на коне,
Под равномерный шаг гнедого
Я возвращал в себя – извне –
Протюркскую основу слова.

Я понимал полет стрекоз
И взмах китайского удода.
По грудь тибетский камень врос
За речкой где-то там у брода.

Выносят камни письмена
Тюрки, Тибета, Чагатая,
С наскальным эпосом сплетая
На будущие племена.

Крылом вычерчивал орел
Бессмертную поэму Тенгри.
А конь меня все дальше вел
От саков до ушедших венгров.

Не раз сменяется трава,
Вот снова за ущельем юрта.
Не обрывается тропа
Доисторического тюрка.

ЗНАКИ

На этом камне, где к утру роса,
Я познавал рунические знаки:
Вот вертикаль, виктория с конца –
Четвертый век – когда исчезли саки.

Сменял пергамент кожный пергамин,
А следом эра рисовой бумаги,
Но камень вечен, знаками храним,
Что высекли первопроходцы-маги.

Вот знак флажка – успешным будет путь,
Вот знак изгиба – верная дорога.
Я постигал руническую суть,
И в этом видел я веленье Бога.

Вот знак – как перевернутое «И»,
Он снимет чувство замкнутого круга.
Энергию свою ты им храни,
Под знаком этим выйти из недуга.

Вот знак угла – увижу в нем ландшафт,
В садах на склоне гор не тает иней.
Я вспомню детство: мама вяжет шарф
Из шерстяных мне непонятных линий.

Магический гальдстраф[1] от камня и до звезд,
В нем виден знак судьбы из ритуальной ночи.
Мне под защиту рун свой занести вопрос,
Преодолеть себя до терапии точек.

[1] Гальдстраф – магический рисунок в комбинации несколько рун в одном изображении.

БОЗ ТЕРИ

Селенье это Боз Тери[1] –
Далекой юности страница.
Свет памяти в горах таится
Всю ночь до утренней зари.

Я помню, сорок лет назад,
Дорожку лунную на берег.
Ей первую любовь доверил
И первой ревности мой взгляд.

Прошло немало лунных лет,
А лунная тропа все та же,
И озера все тот же свет,
И горные хребты на страже.

И отражаясь при луне,
В ночь с озером желают слиться,
Щека к щеке, волна к волне,
Иной любви иные лица.

Облазит кожа бытия
От солнца милого июля,
Мой Боз Тери, свободен я –
Как в юности на Иссык-Куле.

---

[1] Боз Тери – один из переводов, освобожденная кожа.

ЧОЛПОН-АТА

Когда под утро встанет свет Венеры,
Когда туман ложится на костры,
Выходишь из воды вне суеверий,
К твоим ногам я расстелю ковры.

Луна, потупив взор, в озерной чаше дышит,
Я отраженный лик ладонями приму.
И плещется она в воде с небесной крыши,
Мне этот свет судьбы понятен одному.

Дед утренней звезды бессонницей исходит,
Зря запер на засов нагорный храм любви.
Я украду тебя, вот нам коней подводят,
Из эпоса веков дам клятву на крови.

Когда истает звёздный свет Венеры,
Когда луна уйдет за горный кряж,
Твои следы любви и древней веры
Волна выносит на песчаный пляж.

АЛАЙСКИЙ РЫНОК

Отвесь, торговец, на весах своих,
Они скрывают тайну недовеса,
В котомку мне отсыпь плодов земных,
Я поторгуюсь ради интереса.

На сдачу добрых странствий пожелай,
Впридачу пожелай мне на пути удачу,
Чтоб было с кем испить зеленый чай
Вдали от всадников, что за добычей скачут.

Конечно, в прошлом этот ритуал,
Миф и легенда – кроме недовеса.
Но девушку по родинке признал,
Однажды встретив я в садах Термеза.

Ишак к арыку с криком подойдет,
И в ряби вод он свою морду мочит.
Я ухожу, за мной луна плывет,
Храня ключи в котомке южной ночи.

ОСЕНЬ НА ИССЫК-КУЛЕ

Когда с утра дождливая погода,
Когда с утра ты в спешке ищешь зонт,
Мне по душе такое время года,
Пусть мертвый в доме отдыха сезон.

Я преступлю закрытую границу,
Я заведу волшебную тетрадь.
В ней будет жить заветная страница,
С которой только надо начинать.

Все остальное выйдет непогодой,
Все остальное ночью смоет дождь,
Досадуя, что он теперь не в моде,
Ты зонтик первой встречи подаешь.

Я перейду на полутон рассказа,
На повесть я с подтекстом перейду.
А впрочем, это все не для показа,
Не стоит перекраивать судьбу.

Ошиблись вновь синоптики в прогнозах,
Нам остается на ночь загадать.
Мне этот дождь, как поэтичность прозы,
Да только вся исписана тетрадь.

ТАМГА ИССЫК-КУЛЯ

Тамга Иссык-Куля
Загаром наносит печать,
К священному камню
Ведёт этой горной тропою,
Здесь, сидя у камня,
О чём-то хорошем мечтать,
Осязая приход
Своей запылённой стопою.

Тамга Иссык-Куля,
Привязан к твоей старине,
Платком ритуальным
К арче, что живёт возле камня.
А там перевал,
Он странствия будит во мне,
И манит Кашгар
Отсюда невидимой кармой.

В селенье Опал покоится прах Кашгари,
Он миру открыл богатство тех
тюркских наречий,
Что после него основой легли в словари,
Являя собой великую с неба предтечу.

Я сам разберусь – откуда приходят стихи,
Дарован кем ключ
От этой заоблачной сферы.
Здесь, сидя у камня,

Слезами отмою грехи
И выйду монахом
Своей поэтической веры.

Тамга Иссык-Куля
Озерною чашей встаёт,
Дополнит твой образ
Разбитая амфора влаги.
И птица Самрук
Гнездо возле камня совьет,
Пером своим вещим
Священную тронув бумагу.

ВЫСОКОГОРНЫЙ МОТИВ

Горячий источник Жууку
Выносят термальные воды.
Мне род оленихи Бугу
Из эпоса племя природы.

Я смою коросту судьбы,
Очнётся душа оленёнком,
Там речка встаёт на дыбы,
В те камни вгрызаясь барсёнком.

В такт речки копытца стучат,
Скрываясь звериной тропою.
И все понимает арча,
Свой ствол наклонив к водопою.

К небесному выйду хребту,
Где властвует лед Акшийрака.
И главного яка найду,
Уняв чувство горного страха.

Ссутулясь, он примет меня,
Укроет от холода шерстью.
И вспыхнут вновь искры огня
От неукротимости шествий.

Истоки здесь речки Нарын,
Тарим там, в песках, исчезает.

Великим каньоном Чарын
Сказанье долины венчает.

Начала здесь Чу, Сыр-Дарьи,
Их ключ в недоступных моренах.
В лугах эдельвейсы сорви,
Чтоб жили в стихах и в поэмах.

Высокогорный мотив,
Высокогорное скерцо.
Птица по облику гриф
Уносит в когтях мое сердце.

* * *

М. Т.

Из единого тюркского корня
Отчеканен наш образ в веках.
Нашей памяти чуткие кони
Проступают сквозь эпос в стихах.

Горстью проса я звезды посеял,
Птичий путь воссиял над копьем.
Из единого тюркского эля
Нам Вселенная вышла шатром.

Торим путь евразийского мира,
Свод небес над ладонью степи.
От Хан Тенгри до крыши Памира,
До Стамбула, Дамаска, Каира,
И на север до Третьего Рима
Крепим звенья единой цепи.

Тайный принцип святой пирамиды,
Солнцеглазая вера внутри.
Неизвестные миру флюиды
Растолкуют ученые гиды,
Конспектируя календари.

2006 г.

Переводы

ЖАМБЫЛ ЖАБАЕВ
(1846–1945)

КЕР-ОГЛЫ

I

Пусть оживет домбра в руках,
Преданье не умрет в веках.
Толгау о Кер-оглы начну,
Не справлюсь я за ночь одну.
Готов народ мой долго слушать
О том, что было в старину.
Встают слова за рядом ряд,
И строфы стройные звенят,
Как будто бы под ветром пламя,
Так струны вещие гудят,
Так к цели с высоты стремясь
Орел – полета не страшась...
Красноречив язык акынов –
Как на ковре узоров вязь.
Да победит скакун в байге,
Когда узда в твоей руке.
Не остановится батыр,
Врага настигнет вдалеке.
И народу быть народом,
Коль он рушит вражьи орды,
Объединяются аулы
Для всеобщего похода.
И без листьев древо – чахнет,
И без речек море – сохнет,
И без мелких ручейков
Бурной речки русло глохнет.

А Жамбыл воспрянет духом,
Коль народ поддержит слухом.
Ржа клинок стальной не тронет –
Он сверкнет над вражьим ухом.
Юность, прожитые годы,
Несмотря на все невзгоды,
Все движут по степи вперед
Поколеньями народы.
И предводитель за собой
Вновь поведет джигитов в бой.
А я народу посвятил
Все годы – прожитые мной.
С рожденья в разных был краях,
Мне старость не внушает страх.
Встречались на пути моем
И ханы в золотых шатрах.
Народ я словом защищал,
И правды дух в словах витал.
Не думая о смерти скорой,
Степному люду помогал.
Мне правдой был – не шариат,
И потому бедняк мне брат.
И видел я – мулла в ауле
Ограбить каждого был рад.

И несговорчивые баи,
Надвинув набок малахаи,
Скрывают правду для наживы,
И с каждым встречным они лживы.
Накинули аркан на шею
В ауле бедняку-кедею.
В решении своем суровом
Хан уподобится злодею.
Защиты бедным не дождаться,
Никто не будет заступаться.
Все потеряли честь и совесть

Во имя злата и богатства.
И волостной мольбе не внемлет,
Он прихоть хана не отменит.
Как рыба, что попала в сеть,
Так суждено ли умереть?
Без правды счастья не найти,
Познали байскую мы плеть.
И солнце скрыли облака.
Потратим целые века,
Чтоб счастье отыскать себе,
Но не найдем наверняка.
Ведь миру этому оно
Без справедливости дано.
В семье, где зло, растет ребенок,
Недобрым будет он с пеленок.
Хан полной властью облечен,
Народ на гибель обречен.
Народом правят – как скотом,
Любой враг страшен им притом.
Самонадеянный правитель
В степи не станет мудрецом.
Ступает важно он в ауле,
Приезд начальства караулит
И требует, чтобы долги
Ему втридорога вернули.
Себя считает знатоком,
С наукою он незнаком
И мнит, что равных ему нет
В ауле этом и в другом.
Эх, много вот таких глупцов
И хитрых, алчных подлецов
За свою жизнь я повидал –
Аульных ненасытных псов.
И много времени прошло,
В степи добро свергает зло,
Но есть злодеи, кто, сирот

Ограбив, забирает скот,
И плодородные их земли
Бай отнимает, вновь не внемля
Ни плачу жалобному вдов –
Так испокон велось веков.
И кто заступится за них?
Кто оградит от гнета их?
Ведь ханы, баи всех времен
Добры – но в помыслах своих.
Народ теперь лишь осознал,
Что бай веками угнетал.
И безысходность положенья
Любой аул сполна познал.

Хан Бозайхан один из тех,
Кто хитростью имел успех.
И бедный изнывал народ,
Испытывая ханский гнет.
Во имя выгоды своей
Хан истреблял простых людей.
И землю кровью поливал
Он под ударами мечей.
Степь горестью была полна.
И в давние те времена
Султан могучий Кер-оглы,
Что вышел из могильной мглы,
Известен был степному люду,
И эту весть несли орлы.

Красноречивым языком
Я вам поведаю о том.
Вы, пальцы, нет, не уставайте,
По струнам в такт словам мелькайте.
Домбра Жамбыла, не смолкай
И слушателей привлекай.
И старость не помеха мне,

Я, как джигит, что на коне.
Мне не прослыть скупым певцом,
Я острым одарю словцом
Любого, кто мне близок сердцем,
Кто полон внутренним огнем.
Ну, а когда устану я,
То даст мне доброго огня
Стозвучная домбра моя!

Жил-был когда-то Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан.
Не знал он в битвах пораженья
Средь правоверных мусульман.
Никто не мог равняться с ним,
Никто не мог сразиться с ним.
Над миром властвовать мечтал он,
И жизнь людей не уважал он.
Он, если кровь семь дней не видел
И если он два дня не грабил,
Не находил себе покоя
Без схватки в звоне острых сабель.
И слава грозная о нем
В степи неслась лихим конем.

И Бозайхана взгляд суров,
Он к цокоту привык подков.
Он всех соседей перебил,
Их скот забрав, он истребил
В кровопролитной схватке тех,
Кто непокорным ему был.
И пика с золотым султаном
Была в руке у Бозайхана.
Ему завидовали все
С покорным страхом на лице.
Услышав топот его войска,
Редела враз людская горстка.

И кровь людей текла рекою,
И скорбь вставала над землею,
А хан жилье сжигал вокруг,
Не видя власти над собою.
Не думайте, что это сказка,
И, как дитя не знает ласки,
Вот так народ жил в старину,
Их скорбь вошла в мою струну.

Ханы правят городами
И бескрайними степями.
И под властью ханской люди
Сыты траурными днями.
В аул въезжает на коне
Хан при всеобщей тишине.
Справа люди в страхе никнут,
Слева баи льстят, не пикнут.
Хан,
По пути всех истребляя,
Хан,
Пикой небо подпирая,
Продолжает свой грабеж
До самого земного края.
Не знает Бозайхан границ
Своих желаний, пали ниц
Все перед ханом племена...
О без просвета времена!
Нависли брови, словно тучи,
На горную поднявшись кручу,
Овладевал один хребтами,
И скалами, и ледниками.
И все низины и долины
Под ханскими лежат ногами.
Везде чинил расправу он,
И кровь текла со всех сторон.
Был саблей, плетью и мечом

Хан Бозайхан вооружен.
Мячами головы катились,
На пиках в зной они сушились.
В аулах молодые жизни
Все в горы трупов превратились
И были пищей муравьям,
Ползли шакалы по следам.
И по стремительной реке
Те трупы бились к берегам.
И где бы ни были враги,
В горах, за морем далеки,
Их Бозайхан всех доставал
И в горла всаживал клинки.
– Эх, есть ли хан такой, как я? –
На острие неся копья
Главу врага, любил он молвить
После сраженья в конце дня.

И тут, на посох опираясь,
И сквозь толпу всю пробираясь,
Вышла дряхлая старуха,
Что была туга на ухо.
Взгляд у старухи был суров,
Без лишних указала слов
На виселицу возле хана,
Как будто бы сорвав покров
Со всех в степи злодейских дел,
Хан оглянуться не успел,
Как с гневом выпалила все,
На ханское взглянув лицо:
– Знай, Бозайхан, тебя страшась,
Знай, хан-злодей, тебя боясь,
Сердца людские кровоточат,
В ночи всевышнему молясь,
Чтобы тебя он покарал
За то, что ты нас угнетал.

И у меня среди степей
Семнадцать было сыновей.
Двоих из них ты умертвил,
О хан, жестокостью своей.
Я – твоя жертва не одна,
Владыке власть в степи дана.
Ты на двенадцать младше лет
Меня, но в сердце твоем нет
Ни жалости, ни уваженья,
Как только держит тебя свет?!
Пятьсот походов совершил ты,
Немало жизней истребил ты.
Землю всю ты окровавил,
И сыновей меня лишил ты,
Тебя погибель не берет,
И народ мой терпит гнет.
Запомни, хан, что ты бездетен,
Что нет наследника на свете,
Кто бы оплакивал тебя,
Как об отце своем скорбя.
Одна есть клятва у меня,
Я выскажу, тебя кляня:
Хан Бозайхан – ты кровожаден!
Хан Бозайхан – ты беспощаден!
Пусть с радостью в степи вздохнет
В день твоей гибели народ.
Пусть слезы счастия нахлынут
И вековую тяжесть скинут.
Ты норовом лютей зверья,
Ну, так за что любить тебя?
Решила нынче умереть,
И не страшна твоя мне плеть,
И голову мне отсеки –
За все ответишь ты грехи! –
Склонила голову старуха,
Та, что была туга на ухо.

Впервые в жизни Бозайхан
Растерян был, обвел свой стан
Угрюмым взглядом, побледнел
И всей душой рассвирепел,
Но внешне вида не подал,
Ей голову рубить не стал,
В свои покои он пошел,
Насупившись, как дряхлый вол.
– Лучше смерть, чем это слышать, –
Все размышлял он, хмур и зол.

И все двенадцать жен его,
В испуге прячась от него,
Развлечь владыку не посмели
И не пустили никого.
Ведь все богатые стада
Считались ханскими всегда.
И горы злата, серебра,
И тюки прочего добра...
Кому достанется все это?
Вновь хану не найти ответа.
Ведь нет наследника у хана,
Права старуха без обмана,
В тиши печалясь, хан сидел,
На груды золота глядел.
На миг представилось ему,
Что все достанется тому,
Кто врагом считался хану:
В смертный час они нагрянут,
Дворцы разграбят, кладовые,
Захватят слитки золотые,
Зная, что уж много лет
У него потомства нет.
От этой мысли хан свалился,
Он, как кабан, взревел, взбесился,
Сбежались тут двенадцать жен,

Хан слугами был окружен,
И при всей своей прислуге
Он вымолвил сквозь тяжкий стон:

– У младшего визиря есть
Дочь, по душе ее мне честь.
Ей стукнуло пятнадцать лет,
Она уж в возрасте невест.
И в жены я ее возьму,
Чтобы богатству моему
Был наследник честь по чести,
Чтоб все досталось лишь ему.
А вы, бесплодные все жены,
Эй, из-за вас на сердце стоны,
Скорей отправьтесь-ка домой
И сгиньте с глаз моих долой!
Гульжазира – что спелый плод.
Улыбка тронет алый рот,
А брови узкие, и взгляд
Всех глубиной к себе влечет.
Любую тьму она осветит,
Ее красу любой приметит,
И если луч падет из глаз,
То черный камень станет светлым.

И места не находит хан,
И изнывает Бозайхан,
Увидеть хочет Жазиру –
Красавицу средь аульчан.
Хан, с грустью сидя на ковре,
Все думает о Жазире
И слезы льет.

Двенадцать жен,
Издалека со всех сторон
На хана глядя, подойти

Не смеют, слыша его стон.
Жизнь хана смысл потеряла,
Одна лишь мысль угнетала –
Как в жену взять Гульжазиру,
Уединиться с ней в шатру.
Визиря главного из всех,
Надеясь втайне на успех,
Хан с нетерпением зовет,
Не поднимая властных век.
Его батыр Кулакаска
Не раз при схватках бил врага.
Хан разговаривал лишь с ним,
Он хану был незаменим.
Каким бы хан усталым не был,
Каким бы хан угрюмым не был,
При появлении батыра,
Что покорил почти полмира,
С постели мигом он вставал,
Батыра нежно обнимал.
Визирь лежит в ногах у хана,
В ногах у хана Бозайхана.
В живых оставит или нет
Визиря, схожего с бараном?..
И замерли все птицы в небе,
Хан Бозайхан сидит во гневе,
Не видя света пред собой
И солнца луч над головой,
Не видя главного визиря,
Что сник печальною душой.
И вот уже три дня прошло,
И солнце новое взошло.
Хан на четвертый день изрек,
Но не поднял суровых век:
– Пусть дочку приведет свою
Визирь мой младший ко двору,
И пусть ее отдаст мне в жены –

Красавицу Гульжазиру!
Пусть верит слову моему –
Отсыплю золото ему.
И без отсрочки, без обмана,
Быстрее ветра-урагана
Вдаль отправляется визирь –
Исполнить волю Бозайхана...
Визирь по имени Баркат,
На младшего визиря взгляд
Бросая, крикнул: – Суюнши!
Для ханской нравится души,
Знай, дочь твоя – Гульжазира,
Что так лицом мила, добра.
Ты будешь тестем Бозайхана
И жить у ханского шатра!
Везет тебе лишь одному,
Немедленно явись к нему,
Пока не передумал хан –
Гроза окрестных аульчан! –
Услышав это, Жазира
Заплакала и сжалась вся:
– Уж лучше смерть, чем участь эта.
И не видать от горя света.
Во внучки я ему гожусь,
Нет, лучше в речке утоплюсь!
И как ни плакала она,
Ей доля эта суждена,
Никто рыданьям не внимает,
Никто ее не понимает,
Иного не найти пути,
Как к старцу Жазире идти?!
Отец промолвил: – Дочь родная,
Пойми меня ты, дорогая,
Что воспротивиться нет сил,
Что властью хан меня пленил.
И не могу я отказать,

Мне суждено тебя отдать.
Знать, такова и божья воля,
Во власти хана наша доля. –
Гульжазире пятнадцать лет,
В объятьях хана белый свет
Не мил ей.
И не просыхают
Глаза от слез, и силы тают.

Рассудок Жазира теряла,
При виде хана трепетала,
Не знала, что ей делать в жизни,
По юности справляла тризну.
И слезы жгучие ее
Пронзали сердце – как копье.
И расплавляла даже камень
Своими горькими слезами.
Противен хан Гульжазире.
Ее хан запирал в шатре,
Ее в шелка хан одевал,
Души ее не понимал.
Ему за семьдесят ведь лет,
И девой юной овладеть
Стыда хватило и нахальства,
Не знал такого еще свет.
В безумстве страшном Жазира
Была всем видом недобра
И плюнула в лицо владыке
В ту ночь во глубине шатра.
Так тень засохшего чингиля
Цветок крылами загубила,
В объятьях старца умирал он,
И лепестками опадал он.
Как птицу, что попала в сеть,
Так ханская хранила клеть
Красавицу Гульжазиру –

Все это было не к добру.
Хан был и радостен, и горд,
Как будто множество он орд,
Начав сраженье, разгромил,
Гульжазиру он так любил.
И за удачею в погоне
Прочнее восседал на троне.

* * *

За баем мальчик-сирота
Все шел, не раскрывая рта.
Тазша-плешивым был с рожденья,
В лохмотьях, без благословенья,
Без обуви, без шапки шел,
За баем вслед в аул вошел.
От ветра, голода дрожал,
А бай сердито изрекал
Владыке — хану Бозайхану:
— Я с жалобой к тебе, владыка,
Даю весь скот тебе, владыка,
Но помоги мне наказать
Плешивого мальца, владыка.
Я не могу стерпеть обиду,
Он безобиден только с виду,
На самом деле — дух злой в нем
Весь адовым горит огнем.
Золотых пятнадцать слитков
Выкрал он — одни убытки
Я должен от него терпеть,
Пусть ханскую познает плеть.
Язык у этого паршивца
Остер, как новенькое шильце.
Хан, знай, за каждым из плешивых,
За каждым языком их лживым
Тьма сотен тянется несчастий,
И с ними нам не будет счастья.

Знай, они бродят по аулам,
Их пропускают караулы.
Кишат на городских базарах,
Вдали ночуют по мазарам.
Хан, я прошу, их уничтожь!
Хан, я молю, ты в эту ночь
Всех истреби до одного,
Не оставляя никого!
И вместе с ними их отцов –
Во всей степи поганых псов,
Их породивших матерей,
Владыка-хан, убей! Убей!
А может быть, ты их простишь
И жизнь плешивым сохранишь,
Знай, хан, твоя Гульжазира
К нему спешит, когда ты спишь.
Знай, правда все в моих словах,
Иль – покарай меня аллах!
В паршивого ли влюблена,
Но видел их я у окна –
Тазшу она ли обнимала,
Как знать, но рядом все ж стояла.
Быть может, предпочла тебе
Плешивого в своей судьбе.
Одно я знаю, что не любит
И ты никто в ее судьбе. –
Тут Бозайхан отдал приказ –
В единый уничтожить час
Всех плешивых в своем ханстве,
Вылавливать во время странствий,
Хоть расстоянья велики –
Аулы, города в тиски
Вмиг взяты были в одну ночь,
Шли с возгласами: – Уничтожь
Плешивых в городе своем,
Пробей их черепа копьем!

Ни одного нет богача,
Кто бы в защиту встал, крича
О том, что нет вины плешивых,
А вся вина – в навете лживом.
Таких ведь богатеев нет,
Таких не видел еще свет.
Когда же было, чтоб тазшу
Вдруг спас какой-нибудь хазрет?!
Не продавали даже в рабство
Плешивых – не к чему богатство.
В степи за рвом их истребляли,
Пронзая пиками, сжигали
На адском пламени костра...
Рыдала, плакала домбра.
Возненавидел хан плешивых,
Идя на поводу слов лживых.
Несчастные, что уцелели,
Что в степи убежать успели,
Скарб собрав в свои мешки,
Найдя по линии руки
Свою дорогу в никуда,
В степи исчезли без следа.
И палачи коней седлали,
По всей степи они скакали.
Разбежавшихся плешивых
В стороне чужой искали.
Поймали одного из них,
Связали одного из них
И к виселице подвели
Беднягу – одного из них.
Нет на голове его волос,
В лохмотьях, голоден и бос,
Беспомощен, как божий раб,
Он участи своей не рад.
Его увидя, аульчане
Со вздохом головой качали,

Прониклись жалостью к нему,
Не понимая, что к чему.
И тут заговорил тазша:
– Я обречен, и потому
До вашей казни-растерзанья
Лишь три я выскажу желанья,
Повесите меня потом
Здесь перед ханским вы шатром. –
Народ ждал ханского ответа,
И согласился хан на это:
– Пусть выскажет три просьбы он,
Ведь все одно – приговорен!
– Вот первое мое желанье,
Что, несмотря на все терзанья,
Пощады я не попрошу,
С петлей на шее я стою,
Я плешь на голове храню,
Не пресекай последних слов,
Палач, когда я говорю.
Народ на смерть глядеть пришел,
Защиты в нем я не нашел.
Пусть не спешат меня казнить,
Ведь я не кончил говорить.
Я об одном прошу тебя,
Хан, о судьбе своей скорбя. –
Не понимая, что к чему,
Не смея отказать ему,
Хан Бозайхан кивнул тазше,
Сомненье затаив в душе.
– Своей жестокостью, владыка,
Ты причинил одно лишь лихо.
И подчинил ты много стран,
О кровопийца – Бозайхан!
И земли превратил ты в пыль,
И не растет на них ковыль,
Ты множество сгубил людей,

И в жизни нет счастливых дней,
Они все горестью полны –
Мы все на смерть обречены.
О хан жестокий Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
Безвинные тазша погибли,
Виновен ты средь мусульман.
Ты не желаешь видеть сам
Ту кровь, что капает к ногам.
О люди добрые, внимайте,
Слова мои запоминайте,
Плешивый говорит тазша –
Неистребимая душа!
Отмеченных печатью бога,
Плешивых, дервишей, убогих
Уничтожает Бозайхан,
Могилой им – один курган.
Нет человеческого в нем,
Пронзает сердце нам копьем,
На шею петлю надевает,
При всем народе избивает.
И вот пригнал меня сюда,
Жить с плешью – тяжкая судьба!
Ты в прах мир этот превратил,
Плешивых всех ты умертвил,
Двенадцать мало тебе жен,
Ты из шатра прогнал их вон,
Гульжазиру ты в жены взял,
Так недозрелый плод сорвал.
Хоть ты и всемогущий хан,
Известный миру Бозайхан,
Тебя она не признает,
Хотя в шатре твоем живет.
Как зверя хищного – боится,
Как зверя дикого – страшится.
Она от горя и страданий

Забыла, как душа лучится.
Ты по навету негодяя,
Купца, лгуна, трусишки-бая
Безвинных радости лишил
И много жизней загубил.
Знай, у тебя потомства нет,
Ты гол, как мы, на тыщу лет.
Ты слеп и глух, хотя и хан,
Гроза окрестных аульчан.
Не видящий своих пороков,
Ты попадешь, как волк, в капкан.

Владыка гневно приказал:
– Забудьте то, что он сказал.
Повесить на суку его,
Он заслужил вполне того... –
Хан палача послал к шатру,
Чтобы привел он Жазиру.
Тот, получив приказ от хана,
Вмиг понял – это не к добру.
И все же выполнить приказ
В шатер явился в тот же час.
Едва переведя дыханье,
Палач изрек ей приказанье:
– Хан повелел, Гульжазира,
Явиться срочно, будь добра,
За мною следом ты иди,
За эту весть меня прости,
Знай, Жазира, что хан сердит,
Он злобой лютою горит.
Боюсь, погубит все ж тебя
За то, что, хана не любя,
Плешивого ты предпочла,
Плохи теперь твои дела.
Тебя никак мне не спасти,
И потому меня прости,

Что весть я страшную принес,
Слова о смерти произнес. —
И отвечает палачу
Гульжазира: — Я не хочу
Принадлежать отныне хану,
За все я смертью заплачу.
Как мужем мне его назвать?!
Всю жизнь я буду проклинать!
С тех пор, как оказалась здесь,
Я не могу ни пить, ни есть,
Все умерло в моей душе,
Так что удачна твоя весть,
Ведь я, как будто нежный плод,
Кто пожелает, тот и рвет,
Так дряхлыми руками хан
Плод, с дерева срывая, мнет.
Нет, он не хан, он черный камень,
Мне не загрызть его зубами
И не расплавить мне его
Своими жгучими слезами.

Смерть оттого предпочитаю
И с каждым днем все таю, таю,
Давно я думала об этом,
О смерти лишь теперь мечтаю.
Чем без конца в шатре вздыхать,
Чем без конца все проклинать,
Погибнуть лучше один раз,
Чтобы потом не вспоминать.
Да, мне противен этот старец,
Да, ненавистен хан-мерзавец.
Всевышний, ты меня поймешь,
Когда мне смерть скорей пошлешь.
Пуская же кровь моя сольется
С невинными — так сердце бьется.
Плешивые — мои собратья,

Для них мои наряды-платья,
А не для хана Бозайхана,
Что без наследника-султана.
Нет, ни о чем я не жалею
И, смерть найдя, себя согрею.
Я средь плешивых лечь хочу,
Средь них похоронить — прошу.

И выйдя из шатра, пошла,
И на помост она взошла,
Когда палач исполнит казнь,
Бедняжка Жазира ждала.
И побледнел хан Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
Казнить никак он не решался
И обращал взор на курган.
У Жазиры горели щеки,
И слышались людские вздохи,
И, видя, что в смятенье хан,
Указывая на курган,
Гульжазира ему сказала
Все то, о чем переживала:
— Могилы жертв твоих видны
Мне из шатра. Обречены
На смерть плешивые с рожденья —
Не искупить тебе вины!
Позор тебе, ты в этот час
Не исполняешь свой приказ,
Затягивай скорей петлю,
Свершит по мне мулла намаз. —
Хан Бозайхан махнул рукой,
Взметнулось тело над толпой,
Повисли руки Жазиры,
Глаза ее закрылись тьмой.
В нарядном платье стройный стан,
Он устрашал всех аульчан.

К себе притягивая взор,
Терял дар речи Бозайхан.
Он не достиг своей мечты,
Ведь без детей шатры пусты,
Хан не услышит крик младенца
Среди дворцовой суеты.
Навета злого жертвой став,
От мук невиданных устав,
Ушла из жизни Жазира,
Что ко всему была добра.
По ней молитву отслужили,
С плешивыми похоронили.
Смешались юные тела
В одном кургане, где росла
Одна лишь дикая трава,
Но не о ней мои слова.
Хоть был всесилен Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
Но он бессилен перед тайной,
Которую укрыл курган.

И только года два прошло,
И солнце новое взошло,
Согласно древнему поверью
Плодовые взошли деревья.
И на могиле Жизиры
Свисали спелые плоды.
И на могилах жертв невинных,
Там, где покоились рабы,
Плодовые росли деревья
Согласно древнему поверью.
В тени их отдыхали люди,
И восхищались ими люди,
Глядя, как переплетались
Густыми тонкими ветвями,
Особый смысл видя в этом.

Ни слова никому об этом
Не произносили больше люди
И любовались вновь с рассветом.

Узнал про это Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
И мысленно себя казнил,
С тоскою глядя на курган:
– О, неужель там Жазиру,
Что маялась в моем шатру,
В объятьях стиснул раб-тазша?
Коварная его душа.
И неужель судьба раба
Сильнее, чем моя судьба?
Я без наследника остался,
С последнею женой расстался,
А этот подлый раб-тазша,
Что по степи от нас спасался,
Обнял в могиле Жазиру,
О боже, это не к добру!

Не зная сна ни днем, ни ночью,
Узреть желая их воочью,
Хан Бозайхан так причитал
И разрывал одежды в клочья.
И обливался он слезами
И растравлял на сердце камень,
Но без наследника он был –
От злобы скрежетал зубами.
Проходят дни, проходят ночи,
Наследника себе хан хочет,
Но этому, знать, не бывать,
Богатству хана пропадать.
Не мил владыке белый свет.
И минуло так много лет.

II

Жил-был в ауле Каракоз,
У хана чабаном он рос.
В степи, вблизи того кургана,
Где слышно блеянье барана,
Паслись отары день за днем
По воле хана Бозайхана.
На кладбище в тени деревьев
Чабан усталый тихо дремлет.
Отара возле чабана
Пасется, овцами полна,
Ягнята, козы среди них
Резвятся в зарослях густых.
И Каракоз там вспоминал
О тех, кто здесь, в земле, лежал,
Рабы безвинные, о них
Он слезы горько проливал.
И крепкий посох Каракоза,
И старый посох Каракоза
Там в землю на бугре вонзился,
От дум печальных обломился,
Когда чабан наш Каракоз
На посох тот облокотился.
Вполне сознательно он плакал,
Он жизни юные оплакал,
Которые по воле хана,
По воле хана Бозайхана
Покоились в сырой земле –
В глубинах древнего кургана.

“Полынь-полынь, барашек серый,
Один среди овец не белый,
И потому ты шаловлив,
Из всей отары самый смелый.
Ну почему ты так спешишь?
Идти к могилам норовишь,

В тени поднявшихся деревьев
По сторонам с тоской глядишь.
На прахе бедных молодых
Взошли деревья, в гуще их
Плоды, что вовремя созрели,
Да пасть на землю не успели.
И мать – безрогая коза –
Идет, куда глядят глаза.
Среди могил преображаясь,
В объятиях холмов скрываясь,
Который раз себе молчит,
Какое таинство хранит?..
И неужели она знает
Тех, кто в могиле обитает?" –
Так Каракоз под эту песню
Передохнуть там успевает.

В аул он к вечеру приводит
Отару, каждый в ней находит
Своих овец, ягнят и коз –
Таков чабан наш Каракоз.
Но попозли в ауле слухи,
Что дойная коза старухи
Без молока который день.
На Каракоза пала тень,
Что он выдаивал ее,
Себе присвоив молоко,
Что сорока сынам старухи
Без молока жить нелегко.
По ложке каждому давалось,
А вот сейчас не оказалось.
Где ж молоко козы безрогой?
Старуха не гневила бога,
Решила хану рассказать,
Чтоб чабана мог наказать:
"Я хитреца разоблачу,

При всем народе уличу.
Ведь всех детей из сорока
Без козьего он молока
Оставил на мою беду,
Управу на него найду.
Не покарает если хан,
Гроза окрестных аульчан,
То не останусь больше здесь,
Уйду с детьми из этих мест,
Куда-нибудь перекочую,
С козой в дороге заночую".

И с жалобой явилась к хану,
Владыке хану Бозайхану:
– Меня послушай, повелитель,
С бедой вхожу в твою обитель,
Где взять еды, чтоб прокормить,
Чтобы от смерти оградить
Моих всех сорок сыновей?
Без молока как мне прожить?
Чабан по кличке Каракоз,
Тот, что пасет баранов, коз,
Тайком козу мою сосет,
Нам молока недостает.
Голодными остались дети,
Боюсь, что смерть их приберет. –
Потоками слеза лилась
Из глаз ее в прискорбный час.
Ведь нет скота, кроме козы,
Сейчас не время оразы.

– Я голодна, хан, я больна,
На весь аул я, хан, одна.
Нет мочи даже говорить,
Хан, как детей мне сохранить?
О справедливый Бозайхан,

Единственный средь аульчан
И среди смертных мусульман,
Батыров не найдешь верней,
Чем моих сорок сыновей,
Коль их от голода спасешь,
К ответу вора призовешь.
А если сыновья погибнут,
От голода совсем коль сгинут,
Знай, твое войско меньше станет
И враг тебя легко достанет.
На это что ответишь, хан,
Гроза окрестных аульчан?
Да, Каракоз твой располнел,
Да, Каракоз твой разжирел –
Он ежедневно выпивает
Все козье молоко и знает,
Что на него управы нет.
Владыка, мой тебе совет,
Коль воровство не пресечешь,
К порядку коль не призовешь
Ты Каракоза – чабана, –
В народе славы не найдешь.
За бедных заступись, владыка,
И чабана свяжи, владыка,
Его подвергнуть страшной пытке
Ты страже прикажи, владыка.

Словам старухи Бозайхан
Поверил, не найдя обман.
И привести чтоб Каракоза,
Приказ тут воинам был дан.
И привели они раба,
Связали руки у столба.
– Ты правду говори скорей.
Заставив голодать детей,
Зачем ты сдаивал козу,

В степи, у речки иль в лесу?
Не знаем, где, но знаем точно –
Не зря старуха льет слезу.
Напрасно время не теряй
И ничего ты не скрывай,
Коль виноват – вину признай.
Должны услышать обо всем:
Что делал с козьим молоком? –
Хан Бозайхан сидит на троне,
А Каракоз лежит и стонет:
– О владыка хан-таксыр,
Ты покорил почти весь мир!
Мне восемнадцать лет от роду,
Знать, злому вымыслу в угоду
Старухой оклеветан я.
Знать, тяжела судьба моя,
Клянусь, что без вины страдаю,
Клянусь, зазря я погибаю,
Владыка, отпусти меня,
Клянусь, что не виновен я,
Клянусь, я вора отыщу,
Три шкуры я с него спущу,
Клянусь, что где бы ни скрывался,
Клянусь, что где бы ни скитался,
Я все равно его найду,
К тебе, владыка, приведу. –
Не верили ему, пытали,
Копьем кололи, избивали.
И звери, слыша крик и плач
И чуя, как пытал палач,
Мольбе о жалости внимали,
Сочувствовали, понимали
Беднягу парня-чабана,
Чью душу вытравил сполна
Палач из свиты Бозайхана,
А в сердце кровоточит рана.

Он тоже обронил слезу,
Он был таким же сиротой,
Опутан горькою судьбой,
Как и бедняга Каракоз,
Что пас овец, ягнят и коз.
Лесные звери, птицы в небе,
Владыки не пугаясь гнева,
Шум поднимая, заглушали
Бедняги плач. Они взывали
Владыку к жалости, чтоб он
Внял просьбе их, был отменен
Его приказ, чтобы бедняга
Навеки был освобожден.
Но Бозайхан зол, беспощаден,
По-прежнему он кровожаден,
Приказа, нет, не отменил
И пытки не остановил.
И тут старуха встрепенулась,
В ней жалость поздняя проснулась:
— Не будь жестоким, хан-таксыр,
Ты покорил почти весь мир,
Чабан такой же сирота,
Как мои дети, хан-таксыр.
Молю — его ты отпусти!
Что не права была — прости!
Ко всем сиротам я добра,
Хоть прокляла его вчера.
И незачем его пытать,
Тугим арканом избивать.
Быть может, он доил козу,
Чтоб с голоду не пропадать.
Не истязай беднягу ты,
Не избивай беднягу ты,
От жалобы я отрекаюсь,
Прости меня, владыка, ты.
Хан, можешь голову мою

Отсечь за то, что я молю
Беднягу просто отпустить –
Жизнь Каракоза сохранить.
– О, наш несчастный Каракоз,
Ты пас овец, ягнят и коз,
Знай, что тебе я словно мать,
Меня ты должен понимать.
За все тебя прощаю я,
Уйду я в дальние края,
Чтобы не видеть, как пытают
Беднягу, сироту – тебя.
Вот моя просьба, Бозайхан,
Не принимай ты за обман
Слова недавние мои –
За все отвечу я грехи!
– О, старуха! У, старуха!
Ты, может быть, туга на ухо?
Сама недавно умоляла
О том, чтоб стража наказала
Каракоза – чабана,
Сама его ведь проклинала?!
Ну что же, просьбе уступаю,
Я без тебя, старуха, знаю,
Что сирота за сироту
Горой встает в родном краю.
И впредь, тебе я говорю,
Что не исполню я твою
Любую просьбу и мольбу. –
Старуха Каракоза так
Спасла от смерти на свой страх.
– И кто бы ни был этот вор,
Что пялит на чужое взор,
Что козье молоко крадет,
Что козье молоко сосет,
Прошу тебя, о Каракоз,
Найди и приведи его,

Чтоб не доил чужих он коз. –
И подошел чабан к старухе,
К той, что была туга на ухо,
И вновь навзрыд он зарыдал,
Навзрыд рыдая, он сказал:
– Всадили нож как будто в сердце,
Как жить мне с вами по соседству?!
И оскорбили словом “вор”,
Несправедлив мне ваш укор,
Зря в воровстве я обвинен,
Даю вам слово чабана,
Что буду я хранить сполна,
Как будто бы зеницу ока,
Козу безрогую, она
Вновь будет молоком полна.
Найду, кто сдаивал ее,
Кто молоко крал у нее,
Найду во что бы то ни стало –
Вот слово верное мое!
И я за все обиды хана
Всю нечисть вытряхну шайтана
У мною пойманного вора –
Поймет пусть тяжесть приговора!
– Ну, если не твоя вина,
То приведи ко мне ты вора,
Получишь суюнши сполна.
Без полной чаши молока,
Знай, моя участь нелегка,
От голода детишки взвоют,
Вновь к ночи не испив глотка. –
Вновь Каракоз овец погнал,
За ними брел он, уставал,
С трудом передвигая ноги,
Он следом за козой безрогой
Ягнят веселых погонял.
Коза безрогая стремглав,

Овец в отаре обогнав,
Подвластная всем темным силам,
Вновь направляется к могилам.
А Каракоз за ней бежит,
Во все глаза вперед глядит:
К могилам двум она подходит,
Где деревца сплелись, там бродит.
Чабан из-за кустов чингиля
С козы безрогой глаз не сводит.
Тут мальчик из могилы вышел,
Он был могилы этой выше,
И блюдцами глаза сверкали,
Как будто взглядом обжигали,
И черного котла черней
Грудь, что темнела меж ветвей,
Длиною в посох чабана
Сплошь черная его спина.
Поверит кто, за ним следя,
Что человечье он дитя?!
Без одеяния, весь голый,
Он смело средь ягнят веселых
Приник к соскам козы безрогой –
Отара шла своей дорогой.
Чудовище с лицом мальца
Тут высосало до конца
Козы безрогой молоко.
И видеть это нелегко
Каракозу – чабану,
Он в страхе жмется к валуну.
И боится он спросить,
Не знает он, ему как быть,
И не хватает даже духа,
Чтобы грабителя пленить.
Что ж, рухнули его надежды,
И не решился он, как прежде,
Между деревьев отдохнуть,

Чтобы не выдать, не спугнуть,
Когда тот вор исчез в могиле –
Пришлось отару повернуть.
Со страхом сообщает хану,
Владыке мира Бозайхану:
– Прости меня, о повелитель,
С бедой вхожу в твою обитель!
Грабителя я видел, но
Схватить его не суждено.
В лицо ему я посмотрел,
От страха тут же весь вспотел,
Сознание я потерял,
Такого в жизни не встречал!
С таким и тысячу батырам
Не в силах справиться, – сказал
И, отдышавшись, продолжал:
– Я видел, как моя коза
Брела, куда глядят глаза,
К могиле вдруг она свернула,
Два деревца вдруг обогнула,
Заблеяла – то знак ли был
Тому, кто в той могиле жил?
Не знаю я, но видел, как,
Вселяя в мое сердце страх,
Мальчишка из могилы вышел,
Он был могилы этой выше,
К соскам козы скорей приник –
Едва сдержал я в горле крик.
Я, хан, овец пасти не буду,
Я это в жизни не забуду,
Уволь меня пасти овец,
Хочу, чтобы пришел конец
Всем моим страхам и мученьям, –
Уйду я, хан, без промедленья.

Не верит Каракозу хан,
Всесильный, смелый Бозайхан
Пасти отару заставляет,
Отказа слушать не желает,
В душе подумал: Каракоз
Все выдумал, боясь угроз
Владыки хана Бозайхана,
Но, не найдя в словах обмана,
Хан сам желает посмотреть
На мальчика, что через смерть
Из тьмы могильной к людям вышел –
Такого хан еще не слышал
И краем глаза не видал.
Он Каракозу приказал
К могилам повести его,
Где тает козье молоко.
– Я не пойду, хан-повелитель,
Хоть нашей жизни ты хранитель.
Желаете – сходите сами,
Увидите между холмами,
Где павшие рабы лежат
И тайну кладбища хранят.
Иль новый пусть пойдет чабан,
По вашей воле, Бозайхан,
За этой проследит козой,
Пусть это будет не со мной.
Увидит он, как из могилы,
Где темные таятся силы,
Выходит мальчик, что силен,
И одолеть всех может он.
Могила эта Жазиры –
И пусть скрывали все миры,
Молва гласит – в ее утробе
Жизнь новая рождалась вроде,
Но вы казнили Жазиру,
Все это было не к добру. –

Не знал, что делать Бозайхан –
Гроза окрестных аульчан:
Иль радоваться, иль плакать,
Но чувств своих никак не спрятать.
“О боже, там наследник мой,
И ханский род не сгинет мой”, –
Подумал вмиг хан-повелитель
И слуг созвал в свою обитель.
И нарочным был срочно вызван
Кулакаска, батыром признан,
Был самым сильным среди всех,
И в схватках он имел успех.
– О Кулакаска батыр,
Знает мощь твою весь мир!
Ты собери своих джигитов,
Чтоб была твоя вся свита
Непобедима и сильна,
Чтоб побеждала всех она.
Тебе все скажет Каракоз,
Тот, что пасет ягнят и коз,
Продумай каждый ты вопрос. –
И Каракоз все рассказал,
Все о том, о чем он знал:
– Каким бы ты могучим ни был,
Каким бы ты батыром ни был,
Не одолеть тебе мальца,
С любого подступись конца,
Все одно не победишь,
Знать, на коне ты зря сидишь.
Рабы там павшие лежат,
Лежат который год подряд,
А их ведь хан всех умертвил,
Об этом люди говорят!
Быть может, это сын раба,
Хоть тяжкая его судьба,
Но он для мести был рожден

Теми, кто приговорен
Был ханом в давние года,
От них теперь нет и следа.

О чем лопочет этот раб?
Иль участи своей не рад,
Что не придется впредь пасти
Отару день за днем подряд?
Гульжазира – ведь мать мальца,
Имеет ханом он отца.
Кто станет это отрицать,
Тому не миновать конца.
Решил, возглавив свиту сам,
Поехать хан к седым холмам,
На эти страшные могилы,
Где темные бытуют силы,
Решил поехать Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан.
И рядом с ним Кулакаска,
Что в каждой схватке бил врага.
И слуги все, шепча намаз,
С козы безрогой своих глаз
Не спускали, следом шли,
Так к кладбищу они пришли.
Вот к холмикам коза свернула,
Два деревца вот обогнула,
Заблеяла, остановилась –
И хану тайна тут открылась.
С котел могучий голова
Вдруг показалась, и листва,
Что на деревьях там густела,
Скрыть не смогла размеры тела.
Охватил тут хана страх,
Страх застыл в его глазах,
За валуном он притаился,
Он с валуном почти что слился,

От ужаса в час этот он
Как будто разума лишился.
Ребенок, не играя в прятки,
Сосал козлиху без оглядки.
Хан не видал такого чуда,
Хан решил бежать оттуда,
Но горечь душу хана жгла,
Он вспомнил прошлые дела:
“О Гульжазира, родная,
Прости меня ты, дорогая,
Что лучше не узнал тебя,
И, о тебе сейчас скорбя,
Вину свою я принимаю.
Ребенок неужели мой,
Что был сокрыт могильной мглой?!”
И хан в кустах один сидит,
На чудо дивное глядит.
Тот, высосав все молоко,
Исчез в могиле глубоко.
Хан Бозайхан сидит-гадает,
Хан одного не понимает –
Мальчик, девочка ли тот,
Что козье молоко сосет?
В шатер со свитой возвратился
И молча в думы погрузился:
“Красавица Гульжазира
Была всегда ко всем добра,
И как ребенка мне поймать?
И как мне пол его узнать?
И кто найдет разумный способ,
Тому готов я все отдать!
А кто же с умыслом подскажет,
Того, клянусь, аллах накажет”.
Условие такое хан,
Гроза окрестных аульчан,
Пред всем аулом объявил,

И каждый духом приуныл.
Хан видя, что народ притих,
Все вновь народу повторил.
Понапрасну не рискуя
И беду всем сердцем чуя,
Боясь, что гибель к ним придет,
Молчит, потупя взор, народ.
И тут старуха объявила,
При всем народе заявила,
Что способ праведный нашла.
И – на бугор она взошла.
– Хан, выдели свое богатство,
Отдай из своего ты ханства,
И золота не пожалей
Для сорока моих детей!
Послушай, что тебе скажу,
Знай, слово я свое сдержу,
Когда ты выделишь богатство –
Я этот способ покажу!
Ты о наследнике мечтал,
И ты о нем всю жизнь скучал,
А я мечтала о богатстве,
Что у тебя хранится в ханстве.
За наше козье молоко,
Нам без него жить нелегко,
Заплатишь, Бозайхан, сполна –
Вины здесь нету чабана!
Лишь твой ребенок виноват,
Об этом люди говорят.
За все сполна получишь ты!
– Эй, казначей, открой склады,
Ей злата дай, чтобы она
На все в грядущем времена
Насытилась добром сполна.
Возьмет пусть то, что унесет,
А коль не в силах – не спасет

Ее безрогая коза:
Старухе голову снесет
Палач по имени Хамза.

И тут открылись кладовые,
Лежат там слитки золотые.
Глаза старухи засверкали,
И алчными глазенки стали.
Мешок старуха нагрузила
И на спину себе взвалила,
Но унести все не смогла –
Покинула старуху сила.
И взял палач секиру в руки,
Чтоб голову снести старухе,
Но тут старуха побежала,
Хотя от тяжести дрожала,
И принесла богатство в дом,
Что жил лишь козьим молоком.
Затем старуха возвратилась,
Владыке-хану поклонилась,
О способе своем сказала,
Все то, что хану обещала:
– Ты собери всех мастеров,
Чтобы они без лишних слов
Создали детские игрушки –
Куклы, бабки, безделушки.
Ты раздели игрушки эти
Пополам, чтобы при этом
Часть для мальчиков была,
Часть девочек бы привлекла.
Игрушки яркостью своей,
Знай, завлекают всех детей.
Куклу девочка заметит,
Асыки мальчик враз приметит.
Узнаешь ты, какого пола
Ребенок твой на этом свете. –

Хан повелел мастеровым,
Что славны мастерством своим,
Создать игрушки для ребенка,
Что был наследником одним.
Так куклы, сани и повозки,
Те, что по цвету красок броски,
На зависть множества детей
Мастеровыми из степей
Созданы за краткий срок
По воле хана, что жесток.
Все это отнесли к могиле,
Где тайные бродили силы,
Надеясь, что ребенок хана
Выйдет из глубин кургана.
И долго ждать всем не пришлось,
И всем увидеть довелось,
Как вышел из могилы он,
Тот, кто могилой был рожден.
Увидел издали игрушки –
Куклы, бабки, безделушки,
Но к куклам он не прикоснулся,
Он до повозки дотянулся
И сел в нее, и раздавил,
Ее в обломки превратил,
Взял в руки плеть и оглянулся,
И на седло в траве наткнулся,
Вскочил в него, как будто скачет
Он на коне, в кустах маячит.
И, вдоволь наигравшись так,
Сложил игрушки он в кустах
Все до единой, кроме кукол,
Тому свидетель аруах.
Тут поняли все, догадались,
От радости заулыбались,
Увидя, что ребенок – мальчик;
Но все же в зарослях скрывались.

Старухой вновь совет был дан.
И выслушал старуху хан:
– Пусть мальчики из разных мест
Завтра соберутся здесь.
Ты их одень в одну одежду,
Играют пусть они, как прежде,
Пусть свои прутья оседлав,
Друг друга в играх обогнав,
Пусть мчатся, будто на конях,
Плетками взмахнув в руках.
Увидит их наследник твой,
Он будет увлечен игрой,
Тут и схватишь ты его –
Единственного своего.

Назавтра мальчики играли,
И ни о чем они не знали.
Тут из могилы вышел снова
Сын хана. Молча он, без слова
За их игрою наблюдал,
Затем и сам играть он стал.
Он голым видом испугал их,
Он своим видом разогнал их,
Все разбежались – кто куда;
А мальчик многих без труда,
Вылавливая, расшвырял их,
По зарослям он раскидал их.
Батыры тут не удержались,
Джигиты тут не растерялись,
Они мальчишку окружили,
К нему все ближе подходили.
Кулакаска батыр стерег
В могилу лаз, чтобы не сбег
Единственный наследник хана,
Владыки мира Бозайхана,
Но мальчик всех их разогнал,

Кулакаску за ворот взял
И, раскрутив его над всеми,
Коленками к земле прижал.
Позор Кулакаске батыру –
Известно это будет миру!
Позор джигитам остальным –
Не справились они с одним,
С мальчиком, кому пять лет,
Не знал такого еще свет.
Вновь мальчик убежал в могилу,
Где тайные бродили силы.
И вновь в хандру впал Бозайхан,
Гроза окрестных аульчан,
Посмешищем себя считал он
Средь правоверных мусульман.
Он сорок дней сидел, молчал,
Он по наследнику страдал.
Решил повесить он старуху,
Ту, что была туга на ухо.
Но вновь старуха прибежала,
Отдышалась и сказала:
– Я падаю к твоим ногам,
Еще один совет я дам:
Моих ты сорок сыновей
Не видывал среди людей.
Там есть один из сорока,
Ох, тяжела его рука!
Он может справиться один
С твоим сыночком, господин.
Такая мощь ему дана,
Что братьев всех мой Дардана
Одной рукою побеждает,
Когда он с братьями играет.
Ему доспехи приготовь,
Бушует в нем батыра кровь,
Так пусть померится он силой

С мальчишкой, что рожден могилой.
А если он не победит,
То пусть палач меня казнит. –
Вот Дардана надел доспехи,
Желают все ему успеха.
Вновь вместе мальчиков собрали,
Подарков им пообещали
И к той могиле повели,
Чтоб там они опять играли.
Вот поднятая ими пыль
Прибила на лугах ковыль.
Тут мальчик вышел из могилы,
Где тайные бытуют силы,
И ребятишки разбежались,
В зарослях к камням прижались.
Один остался Дардана,
Весь неприступный, как стена.
Младенец за грудки схватил
Дардану, не отпустил,
От земли чуть приподнял
И мощь свою всю потерял.
И тут серьезно они сшиблись
И на виду у всех крутились,
Но им друг друга не осилить.
Так день-другой, схватившись, бились,
Дышали, лязгали зубами.
Земля крошилась под ногами,
Доспехи разошлись по швам,
И клочья падали к ногам.
Мальчишку Дардана крутил,
Его по кругу он водил
И от земли вдруг оторвал,
Хотя уже он уставал,
Но все ж мальчишку одолел
И ходом схватки завладел,
И к ночи на закате солнца

Наследник хана ослабел.
И Дардана так победил,
Мальца так Дардана пленил,
Того, что вышел из могилы,
Где тайные бытуют силы.
Двадцатилетний Дардана,
Хоть мощь ему была дана,
Еле одолел мальчишку,
Власть ханская и в нем видна.
И многих победил ведь он:
Кулакаску, что был рожден
Батыром в ставке Бозайхана,
Теперь позором окружен
Кулакаска-батыр, и впредь
Бесславная его ждет смерть.
Один лишь только Дардана
Смог в схватке оправдать сполна
Высокое батыра званье
На будущие времена.
Возликовал владыка-хан,
Гроза окрестных аульчан.
Стоит наследник перед ним —
И счастлив хан наш Бозайхан.

Стоит его наследник бледный,
Без одежд, как пришлый бедный,
Брови сдвинуты, суров,
Не произносит лишних слов.
Могильный, может быть, дикарь,
Быть может, сам подземный царь
Из царства своего послал
И сеять смуту приказал.
Длиннее пальцев его ногти,
Не ногти, а сплошные когти,
Как будто бы верблюжья шкура
Враз его плечи обернула,

Так проступала шерсть на нем,
Сверкают яростным огнем
Глаза из-под густых бровей,
И черного котла черней
Грудь его, что в три обхвата.
Не прочь бежать он от захвата,
Коль ему руки развязать,
То никому вновь не поймать.
И голоса визгливый звук
Страх с ужасом рождал вокруг.
Доставили его в шатер,
И он стоял, потупя взор.
И пищу он не принимал,
Он на краю ковра стоял,
И на все к нему вопросы
Владыки сын не отвечал.

Устроили в ауле той,
Народ на той пришел толпой.
Большую щедрость проявил
Владыка, златом одарил
Всех, кто приехал к нему в гости,
И каждому чапан вручил.
Так тридцать дней той продолжался,
И каждый гость там наедался,
И длились игры сорок дней,
И пеньем каждый наслаждался.
Недели три велась байга,
Кумыс полнее, чем река,
По дастарханам разливался.
Но ничего не понимал
Наследник, на ковре стоял
Без ханской золотой одежды,
Ее он в клочья разорвал.
Не отвечал он никому,
Не понимая, что к чему.

Хан сверстниками окружил
Мальца, чтоб с ними он дружил.
И вот спустя недели три
Впервые он заговорил.

Хан собрал великих старцев,
Тут каждый должен постараться –
Ребенку хана имя дать,
Чтоб впредь по-ханski величать.
Перебирали имена,
Что возглавляли племена
В героические годы
Во все былые времена.
И тут девяностолетний старец
Большой вверх поднимает палец,
Все замолчали, видя знак,
Промолвил старец: – Аруах!
Сын рожден на счастье хана,
На счастье хана Бозайхана,
Наследником он трона будет,
Меня вы выслушайте, люди,
Ведь мальчик вышел из могилы,
Где есть таинственные силы,
И там покоился ведь раб,
Хан, может, этому не рад,
Но люди скажут: – Вот судьба,
Появился сын раба,
А не наследник Бозайхана,
И зря он видит в нем султана.
Если я не прав, пусть хан,
Гроза окрестных аульчан,
Меня на казнь поведет,
Седую голову снесет.
Но вижу я – наследник хана
К нам вышел из глубин кургана.
И мать его – Гульжазира,

Она ко всем была добра.
Так, значит, быть ему таксыром,
Так, значит, править ему миром,
Я имя выношу ему,
Единственному, одному
Ребенку хана Бозайхана,
Что вышел из глубин кургана.
Он вышел из могильной мглы,
Ему вот имя — Кер-оглы!
Подумал хан и согласился,
Он воле старца подчинился,
Народу имя по душе,
Кровь хана бродит в малыше,
И нарекли так — Кер-оглы! —
Того, что из могильной мглы
В мир этот вышел в ранний срок,
Не знал такого мой Восток.
Вот голым Кер-оглы сидит
И на всех без слов глядит,
Не хочет надевать одежду,
Ничто его не веселит.

И своего сына Кер-оглы,
Что вышел из могильной мглы,
Не отпускает Бозайхан
На тот таинственный курган.
Ну а сын при виде хана,
При виде хана Бозайхана,
Волнуется в шатре, встает,
Как будто бы к нему влечет.
Годами молод, потому
Не понимает, что к чему.
Над ним все девушки смеялись,
Над сыном хана издевались,
Видя его голый вид.
Он молча на ковре сидит.

Стал понимать намек и смех
И думать перестал о тех,
Кто в глубинах жил кургана
По воле хана Бозайхана.
Одежду ханскую надел он,
Но с удивлением глядел он
На окружающих людей
Из-под сдвинутых бровей.
Потом и это отошло,
Из его памяти ушло,
Стал на вопросы отвечать
И пищу стал он принимать.
И ни на шаг от Кер-оглы,
Что вышел из могильной мглы,
Не отходил наш Дардана,
Власть полная ему дана.

И до семи неполных лет
Усвоил то, что знал весь свет.
И на прогулки выезжал он,
И с батырами гулял он,
Порою вспыхивал от шуток,
От всех намеков-прибауток,
Но Кер-оглы потом притих
Среди ровесников своих.
Три года целых так прошло,
И солнце новое взошло,
И стал батыр наш Кер-оглы,
Что вышел из могильной мглы,
Известным всей степи таксыром,
Он долго правил нашим миром.

КЕНЕН АЗЕРБАЕВ
(1884–1974)

ТУКЕТАЙ И МАНИКЕР

Давно прошли те времена,
Когда народ разрознен был
И только думой о скоте
Ум каждого заполнен был.
В эпоху славного Манаса
Хан Кукетай великий жил,
А возле хана Кукетая
Достоин славы каждый был.
Мерилом счастья был для всех
Стан, полный яств.
Седой, как снег,
Там Ер Косай почтенный был,
Сивобородый Алмембет,
Рыжебородый Келмембет,
На закате Акжелек,
На восходе Кокжелек –
Высокочтимым каждый был.
Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати – меньшой,
Ер Тостик могучий был.
И среди этих величин
Кукетай лишь ханом был.
Не обижал он никого,
Уважал его народ.
И слава громкая его
Все росла из года в год.
Справедливой добротой

Отличался Кукетай.
Сал красавец брат меньшой
У Кукетая – Тукетай.
По сыну каждый брат имел.
И в асыки играть с пеленок
Хватало сыновьям силенок.
Вот так росли из года в год.
В каком роду невеста ждет?..
Красавиц двух искать повсюду
Снарядился Тукетай.
Казахов земли и киргизов
Объезжает Тукетай.
На сыновей высокородных
И на союз с великим ханом
Небось польстится всякий бай.
Найдет достойных двух невесток –
Доволен будет Кукетай.
В аулах он искал-бродил,
По диким он местам бродил,
И по холмам в степи бродил,
И по озерам он бродил...
И мчался, и летел стрелою,
Все оставляя за собою,
Под Тукетаем Маникер.
И все шесть месяцев пути
Конь смог за шесть деньков пройти.
Товарищи Тукетай-сала –
Их ровно сорок человек –
Отстали враз и с глаз пропали,
Не выдержав тулпара бег.
Чуть прогнулся Маникер,
Вихрем мчится Маникер.
Ветер? – ветру не догнать,
Птица? – будет отставать.
Вдаль умчавшихся сайгаков
Маникеру раз в два счета,

Раз в два счета обскакать.
От Ер Косая и Манаса,
Аспары, Мерке, Таласа
Едет-мчится Тукетай.
По вершинам Каратау,
По предгорьям Алатау
И по взгорьям Улытау
Едет-мчится Тукетай,
На Маникере Тукетай.
Вниз по Сырдарье он мчится.
Вверх по речке Чу он мчится,
Через Или перескочив,
Через тальник перемахнув,
Перешагнув через Аксу,
Галопом проскакав Коксу,
Низинами-холмами мчится.
И, загребая, переплыл
Через разлившийся Иртыш.
Есиль, Нуру он проскочил –
Прошелестел слегка камыш –
Камчой взмахнул.
В одно мгновенье
Объехал всю Сарыарку –
Невесты не нашел сынку.
И он Казань, Каркаралинск
В часы рассвета оценил,
И всю природу Синегорья
Одним он взглядом охватил.
Играючи, прошел тугаи
От Тобола до Тургая.
Тукетай на Маникере
До Едиля путь отмерил,
Ночь и день на то затратил,
И по вольной он реке
Вверх поднялся налегке.
Орынбор оставлен справа,

Астрахань осталась слева.
Но опять нигде по нраву
Не нашел достойной девы.

Быстроногий Маникер
Вдруг как встанет на дыбы,
Признавая власть узды.
Пот с боков его струится,
Конь торопится, ярится,
Вот уже парит, как птица.
Каспий ли, Арал – он с ходу
Грудью мощной режет воду.
В воде копытом рыбу бьет,
С водой смешался его пот.
Вот на Казбеке и Каптау
Он хвост и гриву обсушил
И вновь взлетел что было сил.
Не зря известнейшим конем
У Тукетая-сала был!
И к аулу Акжелека
Тукетай на Маникере
Вольный взор свой устремил.
Умчался он в ночную тьму
Красавиц двух искать в Крыму.
И вот направился под утро
Он к Акжелеку самому.
– Саламалейкум, Акжелек,
Справедливейший Желек,
Завернул я не случайно,
Помоги мне, Акжелек!
Издалека я примчался,
На коне своем примчался,
Обгоняя птиц, примчался,
Помоги мне, Акжелек.
Ты, как грозный лев, сидишь,
Честь-достоинство хранишь.

Я к тебе с надеждой ехал –
Может, ты мне пособишь?
Отвечает Акжелек:
– О сыночек мой, сынок,
Издалека ты приехал,
На коне своем приехал,
Надев кольчугу, ты приехал,
Меч тяжелый взяв, приехал.
Я взглянул в твое лицо –
Выглядишь ты молодцом!
На закате ль твой аул,
На восходе ль твой аул,
Твой налево ли аул,
Твой направо ли аул,
Под тобой не конь, а чудо,
Будешь ты, батыр, откуда?
Отвечает Тукетай:
– Издалека я приехал,
На коне своем приехал,
Аспары, Мерке минуя,
Сусамыр, Тянь-Шань минуя,
Каратау, Алатау,
Улытау и Актау.
К аулу твоему с востока
Мчал мой конь быстрей, чем сокол.
На берегу реки Талас
Ер Косай, батыр Манас
Благословил и в этот раз.
Земля киргизов и казахов
Под защитою аллаха.
Там хан великий Кукетай,
Перед тобой здесь – Тукетай.
На восходе Кокжелек
Тебе подобен, Акжелек.
Светлейшие умы аула:
Акжолтай, Кокжал, Барак,

Кобыкты, мой аруах,
Да бабу задарма отдавший
Канкельды, как нар уставший.
Старик Косай, ему сто лет,
В дорогу добрый дал совет.
Их молитвой скот и люд,
Пережив в ауле джут,
Живы будут – не помрут
И тебе приветы шлют.
Из аула я поехал,
Совершив намаз, поехал,
Помолившись на восток,
С Алатау я поехал.
Искать красавиц я поехал,
Найти красавиц двух поехал.
Золотое взял седло
На всякое добро и зло.
Ер Косай, затем Манас,
Ушбурыл, затем Талас
Меня с конем на дальний путь
Благословили: “Целым будь!”
Средь плохого ли, хорошего,
Что между небом и землей,
Духом предков отгорожен я
От злого духа надо мной.
Среди киргизов я бродил,
Красавиц я не находил.
Вниз по Сырдарье я мчался,
Вверх по речке Чу я мчался,
Через Или перескочив,
Через тальник перемахнув,
Перешагнув через Аксу,
Галопом проскакав Коксу.
На восходе Кокжелека
Посетил я за Илеком.
Не найдя и там невесток,

Я умчался вслед за эхом.
Вширь разлившийся Иртыш
Переплыл, прошел камыш.
В аул, к Кокжалу, заглянул,
Но без красавиц жил аул.
Снова дальше я поехал,
Есиль, Нуру минуя, ехал.
Вдруг самой страшною из бед –
Бура навстречу, людоед.
Как взревел бура,
Как помчал бура
Вслед за мной. Слюной
Исходил бура.
На край света ускакал.
Чтоб не съел меня бура,
Вслед за солнцем я скакал,
И до утреннего света
Пред тобою я предстал.

Силы духа – аруаха
Твоего, о Акжелек,
Подо мною Маникер
Испугался, Акжелек.
Моя склонилась голова,
Льются золотом слова.
Старший брат – хан Кукетай,
Я меньшой, звать – Тукетай.
Будь здоровым, Акжелек,
Твоей жизни долгий век!
Не счесть красавиц всех в Крыму.
Себе и брату своему
Ищу невесток. Вот приехал,
Как видишь, к стану твоему.
Издалека я приехал,
От Кукетая я приехал.
У каждого по сыну есть.

Окажи, ата, нам честь.
На востоке не найдя,
К твоим землям подойдя,
Спрашиваю, Акжелек, –
Красавиц нет ли у тебя?
Приветствие его приняв,
Воздух в легкие вобрав,
Отвечает Акжелек:
– Издалека ты приехал
И к утру в аул мой въехал.
Привяжи-ка ты коня,
Гостем будешь у меня.
В белой юрте будешь жить,
В ауле не спеша гостить,
Чтоб мое гостеприимство
Смог ты сердцем оценить.
Готова Белая орда
Видеть здесь тебя всегда.
Почему б не угоститься
Мясом серой кобылицы?
Приглашенье принимай,
Пей кумыс, гости-гуляй!
Так было испокон веков
Средь молодых и стариков.
Я в честь хана Кукетая
Угощу сал-Тукетая.
– Ладно, – молвит Тукетай, –
Буду гостем, принимай!
И в ауле Акжелека
Три-четыре человека
Юрту ставят, режут скот,
Кумыс сбивают наперед.
Акжелек с высокой кручи
Созывает всех на той
Так, что сокол из-под тучи
Грянул оземь – неживой.

Жеребята встрепенулись,
Понеслись и не вернулись.
Лук простой согнут в дугу,
Не уйти от стрел врагу.
Но от крика сами стрелы
Полетели-просвистели.
И у света на краю
Стрелы те достигли цели.
Содрогнулись гор вершины,
Камни – кубарем к низинам.
Выходя из берегов,
Множество залив лугов,
Сырдарья их приняла.
И от каждого аула,
И от каждого аула,
И от каждого аула
В три широких рукава
Потекла к орде толпа.
Сивобородый Алмембет
На голубом коне приехал,
Рыжебородый Келмембет
На гнедом коне приехал.
И, на Шалкуйрука сев,
Снаряжение надев,
Во главе своих батыров
Ер Тостик батыр приехал.
Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати – меньшой,
Ер Тостик батыр сказал:
– Старец Акжелек, – сказал. –
Я братишка твой, – сказал. –
Как аксакала уважает
Весь народ тебя, – сказал. –
Ты казахов, как гора,
Защищал не раз, – сказал. –
Враг внезапно ли напал?

Или зверь, скажи, напал?
Может, вьюга, снегопад,
Может, сель иль камнепад?
Отдышаться конь не может,
Что случилось, Акжелек?
Меч пока хранится в ножнах,
Отвечай мне, Акжелек.
Зря не звал ты никогда,
Зов твой редок был всегда.
Все пришли до одного,
Не осталось никого
В наших юртах. Для чего
Ты батыров всех созвал?
Твой призывный клич услышав,
Я подумал — враг пришел.
Твой призывный клич услышав,
Я к тебе тотчас пришел.
Полонили женщин наших —
Я, спеша к тебе, подумал,
Враг аул твой окружил —
Я, спеша к тебе, подумал.
Ата, народ собрался весь
Из уст твоих услышать весть.
В тревоге конь копытом бьет,
И каждый здесь в тревоге ждет.
В аулах, словно мор и джут.
Все жеребята разбрелись,
Не отыскать ни там, ни тут.
Раньше срока разрешилась
Вдруг роженица одна,
И, не зная, что случилось,
Так и померла она.
И в пути все поседели,
Поседели-постарели.
Все бессильные, в испуге,
Лишь батыры друг за друга.

От всевышнего посланник,
Справедливейший защитник,
Думающий обо всех,
Звал зачем ты, Акжелек?
Первым приходил в байге,
Жертвовал я ради всех,
Ер Тостик я, Акжелек!
Знаешь ты меня с пеленок.
Стада твоего ягненок,
Я силен, хоть младше всех.
Звал зачем ты, Акжелек?
Молвил это Ер Тостик –
Старец от обиды сник.
– Не накличь беды, – сказал. –
То не враг пришел, – сказал. –
Гость приехал к нам, – сказал. –
Лучше подойди поближе,
Солнышко, я все скажу,
Почему, зачем созвал.
Если я не прав, – сказал, –
За грудки меня возьми,
Но одно, прошу, пойми:
Некого мне к вам послать,
Чтоб весть о госте передать.
Гость приехал, – он сказал.–
Хочешь знать, ай, Ер Тостик,
Достоин тоя он, – сказал.–
Тукетай-сал звать его,
Кукетай-хан – брат его,
Защитник многих брат его.
Издалека он приехал,
На коне своем приехал,
На Маникере он приехал.
И к нам по воле мусульман
Его послал Кукетай-хан.
А у гостя Тукетая

В пути-дороге цель такая:
Красавиц отыскать сынам.
Их в Крыму решил найти,
Ночи три, три дня в пути.
В аулах дальних и окрестных
Достойных не нашел невесток.
Он Семиречье все прошел –
И там невесток не нашел.
И через ночи три и дня
Он оказался у меня.
Понапрасну ездил всюду,
Лишь в Крыму, сказал, добуду.
Потому вскричал я: “А-ау!”
Крик дошел до Алатау.
Что ж, уйду, с юнцом не споря.
О одиночество! Вот горе! –
Промолвив это, Акжелек
К стану горестно пошел,
Где остался Тукетай,
Сокрушаясь, он пошел.
От обиды потекли
Слезы в шесть ручьев из глаз.
Хоть в прошлом он батыром был,
Не нужен никому сейчас.
Шел и плакал, опершись
На трость дубовую свою.
С места сбора воротился,
Очень медленно спустился
Вдоль по горному ручью.
Шел он, брел он, одинок,
Чтоб жалеть никто не мог.
Ер Тостик его обидел,
Оттого и занемог.
Так, на посох опершись,
Акжелек в аул пришел.
Из друзей, чтоб поддержали,

Никого он не нашел.
В этот миг Тукетай-сал
Акжелека увидал,
Выбежал к нему навстречу,
На лицо взглянув, сказал:
– Лишь всевышнему известны
Все вершины и низины.
Если аргамак устал,
Кляча первою достигнет,
Перегнав его, достигнет
Им намеченной вершины.
И от братьев иногда
Ждешь подвоха в этой жизни.
Что с тобою, Акжелек?
По себе ль справляешь тризну?
Если правая рука
Вдруг поднимется от страха,
Левая ее удержит,
Силу взяв от аруаха.
В гневе яром лик, ата,
Тяжко дышит грудь, ата,
Что случилось? Расскажи,
Добрый Акжелек-ата.
Издалека я приехал,
Невесток я искать приехал
Себе и хану Кукетаю.
К тебе – известному – заехал.
Скажи, из-за меня, ата,
Что-то все-таки случилось?
И жало злого языка
В сердце, может быть, вонзилось?
Доверься, не скрывая, мне.
Я – Тукетай! Я – на коне!
Духом Акжелек воспрял,
И, как сокол, он стряхнул
Думы горькие свои.

Трижды тростью постучав,
Тукетаю он сказал:
– Хан минаретом если будет,
Народ защитой ему будет.
Если лодкою хан будет,
Народ морем ему будет.
Беспокойным море будет –
Худосочной рыба будет.
Если сразу обо всем,
Вот что я тебе скажу:
Когда баба скандалистка,
Сын уж точно озорник –
Удваивать, скажи, зачем?
И если старость наступила,
Где силу молодости взять? –
Учетверять, скажи, зачем?
Нет детей. Пуста душа.
Съедает сердце мое ржа –
Ушестерять, скажи, зачем?

Тут вскочил сал Тукетай,
На Маникера мигом сел
И кольчугу он надел,
Шоталу – топорик взял,
За плечо закинул лук.
Белым соколом взлетел,
Что оперенье поменял,
Отдохнувший Маникер
К месту сбора поскакал.
Не оглянулся Тукетай,
Не думая, что одинок.
Прекрасен был он на коне,
И мчался конь, не чуя ног.
На одинокого его
Народ, взобравшись высоко,
Из-под руки смотрел и ждал,

Кто скачет там, что не похож
Ни на кого из нас? – гадал.
Может, ангел, может, пери, –
Как глазам своим поверить!
Может быть, мираж иль джин,
Об этом знает бог один.
То не ангел был, не пери –
Тукетай на Маникере.
Сивобородый Алмембет
Ер Тостику подал знак:
– Узнать, кто это, Ер Тостик,
Тебе поможет аруах!

Кумай подобный Шалкуйрук
С Ер Тостиком ускакал.
Несется птицей Шалкуйрук,
Не раз в байге призы он брал.
“Средь коней самодовольных, –
Мчался-думал Шалкуйрук, –
Я самый быстрый, самый вольный,
Коня сильнее нет вокруг.
Я первым быть не перестану,
Понравлюсь я любому хану,
И раньше поднятой мной пыли
Промчусь, как будто в воду кану.
Переливаясь, как мираж,
Я промелькну, минуя кряж.
И все шесть месяцев пути
За шесть деньков смогу пройти.
А если не спеша, рысцой,
То за семь деньков смогу пройти
Те шесть месяцев пути.
В гору мчусь я – не слабею,
Вниз спускаюсь – птицей рею.
И на склоне не споткнусь,
Огонь в глазах, когда взметнусь”.

Пятнадцатилетний Ер Тостик
Шалкуйруку доверяет.
И, звеня уздою, конь
Оземь камни расшибает,
Промелькнувшую лису
В полприсеста настигает.
Язык знает Шалкуйрук,
Нет, не свой – людской язык:
Если скажут лечь, он ляжет,
Если скажут встать, он встанет.

Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати – меньшой,
Ер Тостик встал на дороге.
Успокоив Шалкуйрука,
Первым подает он руку.
– Добрый путь вам, – он сказал,
Тукетаю он сказал, –
Куда спешите, – он сказал. –
По предгорьям и равнинам?
Назовите рода имя.

Ер Тостик и Тукетай
Перемолвились словами.
И, принюхиваясь, кони
Подошли друг к другу сами.

И сказал тут Тукетай:
– Человека доброту,
Души и сердца широту,
Его поступков высоту
Не родня, а незнакомец
Только может оценить.
Когда подпруга сильно жмет,
Коня хозяин не поймет
И, отправляясь в дальний путь,

Не знает, что его там ждет.
На снегу, покрывшем землю,
След оставить – одна цель.
А на земле, впитавшей снег,
Оставить след – иная цель.
Вижу, что ты – Ер Тостик,
Елемеса сын шальной,
Из братьев тридцати – меньшой.
Рождается тебе подобный
Лишь от всевышнего порой.
За народ родной и мать
Жизнь свою готов отдать
С сердцем пламенным батыр.
От тебя, гонец, зависит,
Буду другом ли тебе
Иль врагом в твоей судьбе,
От тебя, батыр, зависит.
Видел Рим я, видел Крым,
Когда, как ты, был молодым.
Батыра имя будет вечным,
Переходя из рода в род.
Тулпара слава будет вечной,
Коль к жеребцу она придет.

Я приехал к Акжелеку,
Известному всем человеку.
Плохая, знать, черта-примета,
Коль обижают Акжелека.
На двух пегих если сядешь,
Раннего пути не будет.
А на двух каурых сядешь –
Вообще пути не будет.
Одетый в шубу не замерзнет,
Сокол по земле не ходит.
Пока край света не увидит,
Человек все взглядом бродит.

Послушай, мальчик Ер Тостик,
С великим будущим Тостик,
Старшего не уважая,
Опозоришься, Тостик!

Рассмеялся Ер Тостик,
Повернул коня Тостик
И приветствовать народ
Просит гостя Ер Тостик...
С Маникера Тукетай
Спешился и молча ждет.
Ер Тостик народ зовет,
К Акжелеку всех ведет,
Впереди других идет.

Шестьдесят людей идут,
Шесть иноходцев в дар ведут
В акжелековский аул.
Шестьдесят гостей бредут,
Как будто ветер завернул
И с горы их мигом сдул.

Впереди всех Ер Тостик
Держит голову в поклоне.
К Акжелеку он спешит,
Будто тот сидит на троне...

И начался той,
Разгулялся той.
Ночи три и дня
Продолжался той.

Сидит на торе Тукетай.
Со всеми он кричит “Айхай!” –
Но о цели своей кровной
Не забывает Тукетай.

Ему на помощь Ер Тостик
Сбор красавиц объявляет.
И смотрины начинает
Тукетай в гостях у них.
Золота все шесть батпанов
И шесть батпанов серебра
Готов отдать по воле хана
Родителям, чья дочь добра,
Лицом красива и стройна,
И нареченному верна
Так, как пишется в дастанах.
Чтоб не было наоборот,
Избавь, всевышний, ханский род!

Красавицы играли, пели,
Наряды поменять успели.
Украдкою на Тукетая
Многие из них глядели.
Проплывали почти рядом,
Обжигали гостя взглядом.
И Тукетай решил, что здесь
Бесценные невесты есть.
Лучше всех две девы были:
Одну звали Айнакоз,
А другую – Каракоз.

Тут решил сал Тукетай:
Сдвинул бог земную ось,
Не почернеет хана кость.
Из золотых монет шашу
Раскидал сал Тукетай.
О родителях спросил
У красавиц Тукетай.
Айнакоз и Каракоз
С кротким видом отвечали.
Печень и куйрук бараний

Для торжеств приготовляли.
И выяснил сал Тукетай
То, что Айнакоз-бикеш
Была дочкой Елемеса,
Достойной дочкой Елемеса.
На устах большого Рима,
На устах родного Крыма
Ее лишь только красота.
И об этом говорить,
И об этом говорить,
И об этом говорить
Не устанут всем уста.
Выяснил сал Тукетай
То, что Каракоз-бикеш
Дочкой бедняка была,
Без родителей жила.
Нет отца, мать померла.
Одинока-одинока,
Одинешенька она.
Но батыру Ер Тостику
Свояченица она.
В конце этих вот смотрин
Берет слово Ер Тостик,
Близкий родич двух невест
Среди прочих-остальных:
– Когда большая есть родня,
Беды не будет никогда.
Тридцать братьев у меня,
Отец кедей был у меня.
И до восьмидесяти лет
Дожил он и этот свет
Оставил, долю не кляня.
Айнакоз одна средь нас.
Такой же мать была у нас.
Равноценной по красе
Нет другой сейчас у нас.

Дочь ведь тоже для народа,
Продолженья жизни-рода, –
Вдохновленный Ер Тостик
Продолжал речь до восхода.
– Почетным гостем вы сидите,
Вам аллах в затылок дунул.
Чтобы плохое люд не думал,
Мы прятать девушку должны
До самого до сватовства
От сорока домов подальше.
В ауле завтра я глава.
Не польщусь я – Ер Тостик –
На золото шести батпанов.
И на родство с великим ханом
Не польщусь я – Ер Тостик.
Вот что, слушай, Тукетай,
Обряда ты не нарушай.
Чтоб женихов к нам привезти,
В аул родной свой поезжай.
Увидеть лучше, чем услышать.
Убедиться мы должны:
Вправду ль девушек достойны
Ваши ханские сыны.
Кто кумыс в степи не пьет?
Что девушку в степи не ждет?
Под языком ведь жало есть,
Женихи здесь тоже есть.
Без жениха кто отправляет,
Обряд-обычай нарушает.
А меня молва тревожит,
В народе скажут, я-то знаю:
“Женихов и нет, быть может”, –
Потому не отправляю.
Душа девиц темней потемок,
Хоть чистый взгляд и голос звонок.
Нрав девичий, нрав джигита

Различаются с пеленок.
И жаворонка счастье ждет,
Когда он счастье обретет.
Тогда и сам орел могучий
К нему прислуживать идет.
А если счастье воробью
Вдруг выпадет из чьих-то рук,
То к нему спешит с поклоном
И птица вещая Самрук.
Когда рабыням и рабам
Все тяжелей из года в год,
То и падишаха трон
Пошатнется, упадет.
Вот что я хочу сказать,
На тебя подняв глаза,
Не из ханских я кровей,
Родом из простых людей.
Отец – бедняк, и молод я.
Простой аул взрастил меня.
Но душу я готов отдать
За родного человека.
И жизнь свою готов отдать
За того же человека.
На смерть джигитом движет честь,
Трусом движут страх и спесь.
На Маникере ты приехал,
Издалека ты приехал.
На Шалкуйрыке я сижу,
Вот что я тебе скажу:
У тебя брат Кукетай,
Известный миру Кукетай.
На конях посостязаться! –
Вот мой вызов, Тукетай.
Пусть один уйдет вперед,
А другой – наоборот,
На бугре судью поставим,

Справедливого поставим.
Вот мой вызов, Тукетай,
Согласен или нет? – решай.
– Ладно, – молвит Тукетай. –
Будет в помощь мне кудай.
Ближе, чем родной отец,
Он мне в жизни, так и знай.

Народ толпой собрался весь –
Так что некуда присесть –
Лицезреть батыров скачку
И хвалы воздать в их честь.
Ер Тостик тогда сказал,
Тукетаю он сказал:
– Что ты ставишь на победу
Иль на проигрыш? – сказал.
Отвечает Тукетай:
– Маникер не подведет.
Если первым Шалкуйрык
В этих скачках вдруг придет,
Не останусь я в долгу:
Все мое к тебе уйдет.
Не спеши, как мальчик, ты.
Средь киргизов и казахов
Маникер без аруаха
Первым достигал черты.
Не зная схватки той исход,
Не хвались ты наперед.
Золота все шесть батпанов
Ставлю, – Тукетай сказал. –
Если только победишь
В этих скачках, – он сказал. –
Если проиграешь ты,
Айнакоз и Каракоз
Увезу с собой, – сказал. –
Три месяца в один конец,

Скакать мы будем, – он сказал. –
Три месяца в другой конец,
Скакать мы будем, – он сказал. –
Уркер и месяц, время сдвинув,
Не остановятся, – сказал. –
Два батыра, не поспоря,
Не остановятся, – сказал. –
И два тулпара без байги
Не остановятся, – сказал. –
Без схватки яростной два льва
Не остановятся, – сказал.

* * *

Два батыра тут сошлись.
Вскачь тулпары понеслись
И под плетью богатырской,
Словно птицы, взвились ввысь.
В разгаре спора каждый конь
Разгорячен был – только тронь!
Под яркими лучами солнца
Метались гривы, как огонь.
И, защищая честь свою,
Батыры так вцепились в повод,
Что ветер в уши – улюлю! –
Пел, свистел, гудел, как овод.
Батыров мощные тела
Разгорячиться не успели,
Под ними кони не вспотели
И, как лавина мчится с гор,
Неслись вперед к заветной цели.
Длиною в месяц первый путь,
Птицей мчась, они проходят.
И пустыню Кербалу
За семь дней они проходят.
Земли Жидели Байсына
За два дня они проходят.

И пески Бетпак-Далы
За шесть дней они проходят.
И высокие хребты
За полдня они проходят.
Избы русские, деревни
За пробужденья миг проходят.
По степной земле ногаев
Без труда они проходят.
И по земле каракалпаков
Играючи они проходят.
Степь широкую калмыков
В одно мгновение проходят.
Вверх по Едилю и Жаику
Кони их в разгаре спора
Разгоряченные проходят.
Только здесь передохнули,
За Урал перемахнули.
Ну а после на Кавказ
Искрой канули-мелькнули.

Море Черное и Каспий
Батыры на конях проплыли,
Как ножи, прорезав воду,
Копытом кони рыбу били.
И по бокам коней горячих
Батыры плетками лупили.
Чуть прогнулся Маникер,
Шею выгнул Маникер.
На песчаный берег моря
Первым вышел Маникер.
Лишь солнцем заалел восток,
Конь снова вскачь, не чуя ног.
Не подвел он Тукетая,
Хоть до костей насквозь промок.
И Ер Тостику Тукетай,
Рукой махнув, сказал: — Бывай!

На будущее мой совет:
Ты старшего не обгоняй.
У Тукетая клич “Косай!”,
Не подвел, Маникер-ай!
Теперь, обратно повернув,
Шаг быстроходный не сбавляй.
А Ер Тостика зло взяло.
Толкнуло в спину, понесло.
– О духи предков, поддержите
И легким сделайте седло! –
И бьет камчой он Шалкуйрука,
Хлестать коня устали руки.
Взметнулся конь и снова вскачь, –
Знать, поддержали в скачке духи.
И взбилась грива, и огонь,
Сверкая взглядом, высек конь.
Не отставал он никогда
И уходил от всех погонь.
Стал Маникера догонять
И Тукетая доставать.
А Ер Тостик молил коня
Безумный бег свой продолжать...
Лес заиграл во все свирели,
Как тетива, звенели ели,
Стволы берез, как даулпаз,
От топота копыт гудели.
Остался день всего пути,
Чтоб победителем прийти
Иль опозоренным вконец
Из состязания уйти.
Народ толпой собрался весь –
Так, что и некуда присесть –
Улицезреть, кто первым будет,
Кому – достоинство и честь.
– Как предсказал Есим-баксы, –
Святые молвили отцы, –

Вместе два коня приходят,
Ай да батыры – молодцы!

Копытами прибит ковыль,
Конями поднятая пыль
Завесой плотною стоит,
И камни вверх из-под копыт
Взлетают к небу, твердь пробив,
Несутся вниз, толпу прибив.
Вверх-вниз взлетают вновь и вновь.
И – стоны, крики, ржанье, кровь.
Тут вырвался вперед на шею
Конь Маникер. И, свирепея,
Вслед Ер Тостик на Шалкуйруке.
Шайтан вошел, должно быть, в руки, –
Соилом вдруг, чуть отставая,
В висок ударил Тукетая.
Тот рухнул, не издав ни звука.
Взбесился, что ли, Ер Тостик?
– За что?! – был Акжелека крик.
А Ер Тостик над Тукетаем
Стоял и страшен был в тот миг.
Одним ударом он убил,
Сал-Тукетая он убил,
Так до конца не осознав,
Кого он в ярости убил.
– Берите золото, коня! –
Раздался возглас среди дня.
Не удержал их Акжелек,
Отца их каждого кляня.
Над Тукетаем Маникер,
Осиротелый Маникер,
От горя словно обезумев,
Стоял, как одичалый зверь...
Народ стал окружать коня.
Метался конь быстрей огня,

Взвивался, на дыбы вставая,
Копытом тяжким угрожая,
Всех разогнал, уздой звеня,
И гнев и ярость извергая,
Не подпуская к Тукетаю,
Над телом павшего застыл
И голову склонил, рыдая.
Батыра – всадника его
Народ не тронул оттого,
Что, охраняя, Маникер
Не подпустил ни одного
И, придержав двумя ногами,
Схватил хозяина зубами,
С размаху на седло взвалил,
Взметнулся на восток, как пламя.
И тут отпрянула толпа,
Рассыпалась вокруг толпа,
Подобно жадной саранче,
Честь потерявшая толпа.
Конь примером стал для них –
Для трусливых, жадных, злых.
– О жануар, о жануар! –
Все было на устах у них.
В коня стрела не попадет,
Коня и пика не проткнет,
Такого скакуна лихого
И меч булатный не возьмет!
Уносил к родному краю
Маникер сал Тукетая.

А Ер Тостик, камчу взяв в руки,
Унесся вскачь на Шалкуйруке...

Кыз Жибек

* * *

Я вам рассказывать начну
О том, что было в старину,
И мне о Кыз-Жибек сказанье
Не завершить за ночь одну.
По ложке с миру – пользы нет,
Богатства не накопит свет,
И только древние преданья
Нам добрый подают совет.
Мужчины, женщины и дети,
Слагаю вам я строки эти.
И уважаемые старцы,
Все повидавшие на свете,
Вниманью вашему я рад,
Так слушайте и стар и млад,
Закончив праздную беседу,
Настрою струны песне в лад.
И потускневшие в ней краски,
Создатель, по твоей подсказке
Я обновлю, оставив суть,
Как это в каждой было сказке.
Ничто сказанье не прервет,
Ночь в тесный круг нас всех сведет:
За дастарханом сядем в юрте,
И каждый место там найдет.
Барашек блеет у костра,
Преданье сказывать пора.

Былые вспомним времена,
Во Младшем жузе племена
Жили в здравии и в мире,
И этим степь была сильна.
Где вольные парят орлы,
Там племена Жагалбайлы
Море черное имели,
Море белое имели,
Угодья-пастбища имели.
И в стародавние те дни
Улан, Шамбил звались они.
Бай Базарбай привольно жил,
Богатым сказочно он был.
Его богатства перечесть
Ни у кого не хватит сил.
И там всех слитков серебра,
Хоть это только часть добра,
Не увезли б семьсот верблюдов –
Такая их была гора.
В ауле прочее добро
Потяжелей, чем серебро.
Чай, сахар, мед, тюки товаров
Не подняла б и тыща наров.
А чтобы счесть его стада,
Нужны здесь многие года.

Три жены у Базарбая, а детей
Было девять, девять было сыновей.
В страшный год их всех холера отняла
У отца и трех увядших матерей.
Не осталось никого, всех унесло...
Базарбай берет шесть жен судьбе назло.
И хотя ему за восемьдесят лет,
Он желает, чтоб с потомством повезло.

И у самой молодой из шестерых
Сын родился – услыхали его крик
Всем аулом, снизошел Всевышний сам,
Будто ангела погладил сына их.

Дать решили сыну имя – Тулеген,
Чтобы помнила родня семи колен
Милость, посланную Богом, чтобы впредь
Знал их род, что не коснется его тлен.

Ликовала Базарбаева душа,
Просветлел он, грудью полною дыша.
Девять лет спустя второй родился сын,
И назвали Сансызбаем малыша.

Чтобы сглазить люди злые не смогли
Сыновей его – красу родной земли,
Бай заране им невест искать не стал
В семьях знатных – ни вблизи и ни вдали.

– Даже если падишаха дочь возьмет,
Падишах роднею выгодной сочтет.
Так что незачем невест для них искать,
По душе пусть каждый сам себе найдет.

Тулегену, между тем, двенадцать лет.
Тайны взрослые подростку застят свет.
И аулы объезжает он вокруг –
Много девушек, а милой сердцу нет.
До шестнадцати годков он так искал
И, куда доскачет конь, туда скакал.
Не найдя нигде достойную себе,
Уж совсем было джигит затосковал.

Тут приехал к ним в аул один купец.
Расспросил про все людей и под конец

Произнес: “Ну что за скряга Базарбай,
Ну и жаден Тулегеновский отец!
Оба сына Базарбаевы сейчас
Будто два зрачка его счастливых глаз.
Так зачем не переводит скот в калым?
Все равно он сыновьям его отдаст...”

Аулчане объяснили все купцу:
– Дана Богом радость поздняя отцу,
Вот и держит при себе он сыновей,
Что, конечно, Базарбаю не к лицу.
Призадумался купец, потом смекнул,
Тулегена поманил к себе, шепнул:
– Чтоб скорее отыскал невесту ты,
Про далекий я поведаю аул.
Попрошу потом за новость суюнши,
А пока к Жаику светлому спеши.
Шесть родов зовутся там Алты Шекты,
В них найдешь, джигит, что ищешь для души.
Много девушек понравится тебе,
Там и выберешь достойную себе.
Не ленись, скачи туда, что толку здесь
Зря валяться стариком в пустой арбе.

И запала Тулегену эта весть,
Хоть сейчас на скакуна готов он сесть.
– Сколько дней дорога тянется туда?
– Сто восходов, это надо бы учесть.
И спешит Ер-Тулеген собраться в путь,
Нетерпение ему терзает грудь.
– А безводною пустыней путь иной?
– Меньше втрое, если вовремя свернуть.
Но по этому пути ты не езжай,
Ты погибнешь там, в пустыне, так и знай,
Лучше ехать, где оазис вдоль реки... –
И купец, заторопясь, сказал: – Прощай!

Тулеген к Жаику светлому решил
Собираться, и джигитов он спросил:
– Вы согласны ли
со мной пуститься в путь?
Сам Всевышний мне дары для вас вручил.

Выбрал серого себе он скакуна,
Позолочены седло и стремена.
Из крылатых иноходец этот был,
Вырывался всякий раз из табуна.

Рассыпал он звон серебряных подков,
Самоцветы чище горных родников
По всей сбруе излучали звездный блеск,
Ослепляя взгляды встречных седоков.

На горбах верблюдов слитки серебра,
Гнутся спины от несметного добра.
И из каждой юрты взяв джигитов в путь,
Тулеген, махнув рукой, сказал: – Пора!
Наурыз навстречу им восходит там,
И на сорок черных наров по бокам
Нагрузили они пищу и дары...
Да сопутствует удача смельчакам!

Алкисса, я продолжаю,
Тень былого оживляю:
Едет степью Тулеген,
Его знатность – семь колен.
Во главе поставил свиты
Восемьдесят он джигитов.
Пятнадцать мчат проводников
Под звон серебряных подков.
Все к светлому спешат Жаику,
До самых дальних берегов.
И вот уже четыре дня,

Друг друга скачкою маня,
Путь продолжают ер-джигиты,
Короток отдых для коня.
И внешностью Ер-Тулеген,
И знатностью семи колен
Не уступал царю иль принцу,
Что не познали вражий плен.

Коня ли в жертву отдала,
Ягненка ль духам поднесла,
За ненаглядным сыном вслед
Старуха-мать в слезах пошла.
И вот настигла сына мать,
И на дороге встала мать,
И своему Ер-Тулегену,
Рыдая, слово молвит мать:
— Ты с детства приручал коня,
В семье ты старший у меня,
Родителей же оставляешь,
Как у потухшего огня.
Останешься, коль прикажу,
Но выслушать меня прошу,
Взывая к разуму и долгу,
Остепенить тебя спешу.
Коль мать ослушаешься ты,
Мне не снести такой беды:
Мою последнюю надежду
Вдаль уведут твои следы.
Знай — без тебя мне жизни нет,
В очах моих иссякнет свет.
Подумай об отце — ведь не с кем
Теперь ему держать совет.
Уедешь ты — и горе нам,
Твоим несчастным старикам.
Ведь рыщут недруги-враги
Вокруг аула по холмам.

И нас они захватят в плен,
Лишь ты уедешь, Тулеген.
От Сансызбая пользы нет –
Он мал для битв и для побед.

При виде материнских слез
Сын с огорченьем произнес:
– Не плачь, не плачь, родная мать,
Довольно слезы проливать
Мне скоро будет двадцать лет –
Должна же это ты понять!
Вы все не жените меня,
И словно всадник без коня,
Я среди сверстников один,
И этим опозорен я!
Найти я девушку не смог...
Не видят, как я одинок,
Сквозь слезы и твои глаза,
А может, в них попал песок?!
Не надо на меня пенять,
Не надо слезы проливать.
Вы сами виноваты в том,
Что сын вас покидает, мать!
И отвечает мать ему,
Ер-Тулегену своему:
– Вернись, вернись в аул, сынок,
Не будешь ты там одинок.
Хоть дочку ханскую возьмешь,
Но из аула не уйдешь.
В тебе не чаем мы души,
Обиду в сердце заглуши.
Есть сплетники и дураки,
Их пересуды нелегки
Для престарелого отца.
Аула злые языки
Тебя бродягой назовут

И нас жестоко осмеют:
Из-за девчонки, скажут, сын
Покинул отчий свой приют.

Сын посмотрел на мать нежней
И так теперь ответил ей:
— Нет, не бродячий я баран,
От вас удравший за бархан,
Но дар судьбы не упущу —
Надежды луч мне Богом дан.
Ведь если грудь полна огня,
То с полпути назад коня
Не повернет лихой батыр,
Во всем похожий на меня.
Произойдет само собой,
Что предназначено судьбой.
Так будь что будет. Не беда,
Что дальний путь передо мной.
Не надо плакать-горевать,
Отцу должна ты передать,
Что вас Всевышнему вручаю...
К груди его прильнула мать:
— Степь украсит стебелек,
Речку красит бережок,
А джигита украшает
Дар родительский, сынок.
Если есть казна и скот,
Ханский сан к тебе придет.
Ведь в детстве ты еще вкусил
Жал, жая, халву и мед.
Если едешь — в добрый путь,
Но тогда уж не забудь
Лучших сорок иноходцев
Вдаль с собою повернуть.
Сансызбай годами юн,
И пройдет немало лун,

Чтоб нам защитою он стал,
Несмышленыш и шалун.
Нет опоры для твоих
В ауле стариков седых,
Захворавших, одиноких,
Самых близких, дорогих.

Тоски осилив тяжкий плен,
Ей отвечает Тулеген:

– Я с детства приручал коня,
И старшим звали вы меня,
По зову сердца и души
В далекий путь собрался я.
Моя отыщется ли доля?
Не будет мне в степи покоя,
А, может быть, приму и смерть –
На то Всевышнего есть воля.

Алкисса, мать поняла, что сын и не думает отказываться от принятого решения, и она благословляет его в дорогу. В своей молитве мать Тулегена обращается к Аллаху, ангелам и святым, чтобы они помогли ее сыну в дальнем странствии.

И, сына обнимая, мать
Вновь начинает причитать.
Зря утешает Тулеген –
Ее рыданий не унять.
С дороги сыну не свернуть,
И мать благословляет в путь:
– О Боже правый, защити
Сыночка моего в пути.
Молю, о Всемогущий мой,
Беду любую отвести.
Обращаюсь я к святым,

Чтоб он ими был храним,
Мой ненаглядный Тулеген,
И вернулся в дом живым.
О владыка вод, Камбар,
О пустыни царь, Камбар,
Будь защитой, я прошу,
Сыну моему, Камбар.
О покровители влюбленных,
О предводители влюбленных,
Лейли и Меджнун, для сынка
Найдите вы из благородных
Невесту в дальней стороне,
Красою равную луне.
О Зулейха, Жусуп-пророк,
Во власти вашей мой сынок.
Приди на помощь, Фатима,
И отведи жестокий рок.

Когда заблудится, сквозь тьму
Вы укажите путь ему.
И ни споткнуться, ни пропасть
Не дайте сыну моему.
Оберегайте от невзгод
Ягненочка, что вдаль бредет,
Теряя ум свой от любви,
Не зная, где и что найдет.
О хазрет Султан могучий,
Отгони от сына тучи.
Баба тукты Шашты Азиз,
Я и к вам взываю с кручи.

Алкисса, произнеся эту молитву, опечаленная мать повернула коня в сторону своего аула, а Тулеген спросил сопровождающих его джигитов:

– Вы знаете, что сказала мне мать?

Джигиты ответили:

– Нет, не знаем.

Тулеген пояснил:

– Я не какой-нибудь караванщик или главарь банды разбойников с большой дороги.

Ехать так нельзя, сказала она и велела взять из наших табунов несколько косяков иноходцев.

Совет матери всем пришелся по душе. Джигиты сделали небольшую остановку, вернулись к табунам, отобрали двести пятьдесят иноходцев и через несколько дней пути прибыли на землю рода Шекты. Здесь они разбили шатры, отпустили на выпас лошадей и разослали по аулам весть: все, кто имеет дочерей-красавиц, пусть приведут и покажут их. Каждый за это получит в подарок иноходца – независимо от того, понравится его дочь или нет.

Люди, узнав об этом, приводили своих дочерей и возвращались домой с иноходцами. Но ни одна из них не понравилась Ер-Тулегену. За несколько дней в шатре Тулегена побывало двести десять девушек, и столько же иноходцев увели из его табуна. Восемьдесят джигитов, которые сопровождали сына Базарбая, стали советоваться между собой:

– Тулеген так раздаст последних иноходцев, а затем начнет раздаривать и наших коней. Мы же останемся пешими с одними уздечками в руках. Не дело нам потом клянчить у незнакомых людей лошадей для обратной дороги. Давайте лучше сами посмотрим остальных девушек, а Тулегену покажем только самых красивых.

Решив так, джигиты скрыли многих девушек от взгляда Тулегена, отправляя их обратно ни с чем.

Тулеген ничего не заметил и только сетовал:

– Слова старика-торговца о том, что в этих краях одни только красивые девушки, оказались ложью...

В те времена племенами рода Алты Шекты правил хан Сырлыбай.

У хана было шесть сыновей и единственная, самая младшая из детей, дочь-красавица – юная Жибек. При хане Сырлыбае был надежный визирь – поэт по имени

Каршыга-жырши. Хан имел табуны, общим числом насчитывающие девять тысяч голов. Поскольку Каршыга-жырши был надежным помощником хана Сырлыбая, хан полностью доверял ему и не раз посылал на джайляу верховодить всеми табунщиками. Узнав о приезде Тулегена, Каршыга решил навестить этого богатого джигита. “Посмотрю на Тулегена, если он понравится мне, то должен понравиться и Жибек”, – подумал он и, оседлав резвого скакуна, направился с сопровождающими джигитами в сторону стоянки Тулегена.

Лучшего из табуна
Себе выбрав скакуна,
Каршыга вскочил в седло,
Ноги встали в стремена.
По низинам едет он,
По долинам едет он
На своем лихом коне,
И со склона видит он:
Шатры,
стоянку чьей-то свиты,
И – восемьдесят там джигитов.
И начал речь издалека,
К ним подъезжая, Каршыга:
– Высокогорный перевал,
На перевале ветра шквал.
Сын Базарбая Тулеген,
Он среди вас не ночевал?
Белый с золотом узор,
За узором разговор,
Но не выдают джигиты,
Отводя лукавый взор:
– Видим, свежей сыт травой
Конь-четырехлетка твой.
Что Тулеген-мырзу не знаем,
Мы клянемся головой.

Тогда Каршыга-жырши спросил у джигитов, куда они держат путь.

– Что ж, ассаламалейкум! – говорю
И за хитрость вас, джигиты, не корю.
Вы куда спешите, дайте мне ответ?
За беседу я вас песней одарю.

Д ж и г и т ы :

– Из земель своих мы едем, Каршыга.
Кто-то наших вороных взял для врага.
Может, их отыщем в Кокбояуши,
Знаем, сочные там славятся луга.

К а р ш ы г а:

– Я акын, искусство славное при мне,
Я по склону к вам спустился на коне.
Думал, встречу среди вас Ер-Тулегена,
Мне известно, что он в этой стороне.

Д ж и г и т ы:

– Добрым словом вы приветствуете нас,
Должниками мы становимся у вас.
Мы в ауле Базарбая ночевали,
Не встречали Тулегена в этот раз.

К а р ш ы г а:

– Думал я, что благороден Тулеген,
Благороден он по роду в семь колен.
Почему же он скрывается сейчас,
Как трусишка, что попасть боится в плен?
Или, может быть, он что-нибудь украл
Или шутку с кем-то скверную сыграл?

Я – Каршыга-акын – не понимаю,
Что, не встретившись со мною, он пропал.

Алкисса, в это время Тулеген находился в своем шатре. Услышав слова Каршыги, он подумал: “Почему же джигиты обманывают гостя?” – и сквозь щель в шатре взглянул на визиря хана Сырлыбая. Внешность Каршыги произвела на него впечатление, и Тулеген решил, что перед ним благородный человек. Растолкав джигитов, стоявших у входа, Тулеген вышел из шатра и вот с какими словами обратился к Каршыге:

– Ассаламалейкум, Каршыга-акын!
Тулеген я, Базарбая старший сын.
Достойным я родителем воспитан,
Мне скрываться нет и не было причин.
Каршыга, ну разве в ссоре мы с тобой?
Почему стоишь с поникшей головой?
По воле я Всевышнего приехал,
Ты, акын, не поздоровался со мной!

Стоял в сторонке Каршыга,
И вот подъехал Каршыга,
И, гордо головой кивнув,
Вновь слово молвит Каршыга:
– Там, за аулом, перевал,
Я с тем аулом кочевал.
Ер-Тулеген-мырза, скажи,
Ты свой приезд зачем скрывал?..
Коней подкованы копыта,
И восемьдесят здесь джигитов.
Как будто хан передо мной,
Ты, Тулеген, с большою свитой.
Кто я такой? Меня не зная,
Ты нашего не знаешь края!
Я – Каршыга-жырши, служу

Визирем хана Сырлыбая.
Ер-Тулеген-мырза, за мной
Поедешь этой стороной.
Пусть наши кони, взяв разбег,
Домчат до юрты Кыз-Жибек.
Сведу тебя я с дочкой хана.
С единственною дочкой хана.
Пусть несравненной красотой
Она предстанет пред тобой.
Ер-Тулеген-мырза, спеши,
Вот слово честное жырши:
Сопровожу в Алты-Шекты,
Куда со свитой едешь ты.

Даров для Каршыги не жалко?
Что там в мешке блеснуло ярко?
Пора принять из твоих рук
Часть приготовленных подарков.

И улыбнулся Тулеген,
И согласился Тулеген.
И с акыном в путь собрался
Сын Базарбая Тулеген.
Плененный речью Каршыги,
Джигит пожатием руки
С визирем дружбу закрепил
И пять джигитов взял всего
Из окруженья своего.
Остальных же отпустил
В далекий их родной аул
И подарить не преминул
Двух иноходцев Каршыге,
Когда поехать с ним решил
Не со свитой – налегке.

И перевалы, и хребты,
И степь, и долы, и сады,

Мчась на коне, Ер-Тулеген
Минует по пути в Шекты.
Картину этой бурной скачки
В народной сыщете вы сказке.
Оставив суть, я обновил
Лишь потускневшие в ней краски

Как озеро слепит луной
Детей, подхваченных волной,
Так благородством Тулеген
Вновь покорил народ степной.
Камчой коня он торопил,
И мчался конь что было сил.
Дней через восемь Тулеген
У берегов Жаика был.
Куланам, дичи на пути
Не удалось от стрел уйти.
Целебные в озерах корни
Смог Тулеген-мырза найти.
Сколько дней-ночей, не зная,
Тулеген, сын Базарбая,
В поисках невесты мчал
На коне, не отдыхая.
Была дорога нелегка,
Устали он и Каршыга.
И вот кочующий аул
Открылся им издалека.

Алкисса, Каршыга, издали увидев этот кош, задумчиво промолвил:

— Стало быть, наши аулы перекочевывают на джайляу.

Визирь хана Сырлыбая решил показать Тулегену Кыз-Жибек, которая наверняка находилась в одном из кочующих аулов.

Он оставил сопровождавших его джигитов с джигитами Ер-Тулегена, сказав им на прощанье:

– Вы не спешите, вдоволь отведайте здесь свежей баранины и медленно двигайтесь по нашим следам.

Каршыга и Тулеген сели на своих коней, хлестнули их плетками и, сказав разом “чу-у-у”, пустились вскачь.

...И за аулом вновь аул,
Мчась на коне, в пути минул
Сын Базарбая Тулеген,
Остановился и взглянул.
И во главе кочевья там,
Представ как дивный сон глазам,
Красавица сидит, и к ней
Ер-Тулеген подъехал сам.
Камзол узорами расшит,
Ткань платья легкого шуршит,
Покачиваясь на коне,
Высокомерная, молчит.
Четырнадцать всего ей лет,
Лица приятный белый цвет
Ер-Тулегену взор пленил,
Как будто утром солнца свет,
Что падает в долину с гор.
Открытый лоб и томный взор.
Быть может, это Кыз-Жибек?
Начать бы с нею разговор.
Но вот еще издалека
Словечко молвит Каршыга:
“Ты обознался, Тулеген!”
И – вновь дорога нелегка.

И за аулом вновь аул,
Мчась на коне, в пути минул
Сын Базарбая Тулеген,
Остановился и взглянул.
И во главе кочевья там,
Представ, как дивный сон глазам,

Красавица сидит в седле
И не глядит по сторонам.
Она сродни по красоте
Шолпан – предутренней звезде.
Шурша алтайскими шелками,
Вся отражается в воде.
Чью осчастливила семью?
Возможно ли в земном краю
Такой красавице родиться?
Быть может, родилась в раю!
Таких не видывал наш век,
Уж это точно Кыз-Жибек!
Мчась на коне, издалека
Вновь окликает Каршыга:
“Да ты ошибся, Тулеген!”
И – вновь дорога нелегка.

И в нетерпении своем
Ер-Тулеген сравним с огнем.
Все едет он без остановок
С акыном Каршыгой вдвоем.
Вот впереди изгиб реки,
Прибрежный тал и тростники.
И вновь кочующий аул
На расстоянии руки.

И во главе кочевья там,
Как сон представшая глазам,
Вновь дева на спине верблюда
Плывет, что лебедь по волнам.
А следом, как на поводу,
В едином движутся ряду
Тридцать, может быть, верблюдов –
У Тулегена на виду.
Сарымая порода их,
И величава поступь их,

И кольца медные сверкают,
Те, что продеты в ноздри их.
Лицом как полная луна,
Резвей речного сазана,
Что чешуей в воде блистает,
Сидит красавица, она
Игриво стан свой выгибает
И караваном управляет,
И на мырзу Ер-Тулегена
Внимания не обращает.
Красы такой не видел век,
Быть может, это – Кыз-Жибек?!
– Да нет же!.. – снова Каршыга
Сквозь легкий отвечает смех.

И вновь дорога нелегка.
Под Тулегеном Кокжорга
Стрелою взвился, ибо он
Самим Тулпаром был рожден.
И мчится конь, глаза горят,
Узда с нагрудником звенят.
За поворотом поворот,
Течет обильно жаркий пот.
Гудит протяжно и гремит
Земля под тяжестью копыт.
За перевалом перевал
Конь-иноходец миновал.
И брызжет пена изо рта
При скачке с горного хребта.
Джигитам ветер в спины дул,
И вновь кочующий аул
Увидели издалека
Ер-Тулеген и Каршыга.
Там, за аулом, вновь аул,
Мчась на коне, в пути минул
Сын Базарбая Тулеген,
Остановился и взглянул,

И во главе кочевья вновь
Сидит кочевница, и бровь
Ее изогнута слегка,
Сжимает плеть ее рука.
Красивей не было и нет,
И в косах блеск ее монет
Ер-Тулегена взор пленил,
А ей всего пятнадцать лет.
По пять подруг по сторонам –
Ее охрана по бокам.
Добра навьюченного груды
На спинах сорока верблюдов.
Их шелковый связал аркан,
Плывет все дальше караван.
Сидит красавица в седле,
Игриво выгибая стан.
А всаднице пятнадцать лет,
Узорами расшит бешмет.
Она злаченой плеткой бьет
Коня, и мчится конь вперед.
“Начать бы с нею разговор...” –
В решении своем не скор,
Раздумывает Тулеген,
На девушку бросая взор.
Мчась на коне, издалека
Вновь слово молвит Каршыга:
– Нет, ты ошибся, Тулеген,
Дорога наша нелегка.

Они минуют на конях
Одиннадцать красавиц так.
Им, двум джигитам одержимым,
Поможет в поиске Аллах.

И вновь кочующий аул,
Мчась на коне, его минул
Сын Базарбая Тулеген,

Остановился и взглянул.
И снова во главе кочевья,
Полна задора и веселья,
Сидит кочевница, она
Всем отличается сполна
От одиннадцати тех...
Быть может, это – Кыз-Жибек?!

Роста среднего была
И лицом белым-бела.
Златотканная парча
Ей фигуру облегла.
И брови – серпики луны
Легки, тонки, едва видны.
Неописуем ее взгляд
И черные зрачки горят,
Как будто вспыхнули в раю
Свечи, что у входа в сад.
И сердцем, и душой добра,
И руки цвета серебра,
И пальцы в кольцах золотых
Изящней птичьего пера.

Но еще издалека
Окликает Каршыга:
“Не эта девушка Жибек!”
И – кони вновь берут разбег.
Опять дорога далека.
Под Тулегеном Кокжорга
Взлетел стрелою, ибо он
Самим Тулпаром был рожден.
От Тулегена Каршыга,
Быть может, отставал слегка.
Вдали кочующий аул,
А за аулом вновь аул
Сын Базарбая Тулеген,

Мчась на коне, в пути минул,
Остановился и взглянул:
Одета в черную парчу,
За рукоять держа камчу,
Красавица сидит, и взгляд
Подобен лунному лучу.
Сурьмой глаза подведены,
И волосы как ночь черны.
И вороной под нею конь,
Что взгляду люб со стороны.
Не ангелом ли рождена?
Не падишаха ль дочь она?
Как будто бы зем-зем журчит –
Так речь красавицы слышна.
Дважды сорока верблюдам
Прогибают спину груды,
Коржуны всякого добра,
И золота, и серебра,
И ковры из Исфагани,
И узорчатые ткани
Небывалой красоты...
Ну а девушки черты
Все ж милее, в них изъяна
Не найти, здесь нет обмана.
Выплывает из-за леса,
Словно лебедь из тумана.

Будешь взглядом ли согрет
На приветствие в ответ?
И добрые слова звучат,
Словно чистый звон монет.
Красотой затмила всех.
Может, это – Кыз-Жибек?

Но вот опять издалека
Словечко молвит Каршыга:

– Нет, она не Кыз-Жибек.
И – вновь дорога нелегка.
Под Тулегеном Кокжорга
Взлетел стрелою, ибо он
Самим Тулпаром был рожден.
И от холма и до бугра,
С полуночи и до утра
Серого коня копыта
Звенят, как слитки серебра.
За поворотом поворот,
Течет обильно жаркий пот.
Гудит протяжно и гремит
Земля под тяжестью копыт.
За перевалом перевал
Конь-иноходец миновал.
И брызжет пена изо рта
При скачке с горного хребта.
Джигитам ветер в спины дул,
И вновь кочующий аул
Увидели издалека
Ер-Тулеген и Каршыга.

Там, за аулом, вновь аул,
Мчась на коне, в пути минул
Сын Базарбая Тулеген,
Остановился и взглянул.
И во главе там байбише,
И видно, что добра в душе.
И золотой на ней наряд,
Умом глаза ее горят.
На горбы двухсот верблюдов
Груз возложен многопудый,
И среди прочего добра
Сверкают слитки серебра.
Но знает род Жагалбайлы,
Свидетели тому орлы,

Что не сравнится с байбише
Жена султана Кер-оглы,
Чье имя пери Ак-Жунус.
И я скажу, не ошибусь,
Что несмотря на возраст свой,
Затмит умом и красотой
Всех красавиц предыдущих,
Что едут за ее спиной, –
Ведь, как цветок, что красит сад,
Манил ее открытый взгляд,
Игрою лунного огня
Узорчатый слепил наряд.
Светилась вся она – и лбом,
И золоченым сапожком.
И это – мать Жибек была...
Кочевье скрылось за холмом.
Создатель ли благоволил,
Джигит коня ли торопил,
Но на закате через день
Конец дороге наступил.

Исфаганские ковры
Изумительной игры
На горбах горят верблюжьх,
Как костры ночной поры.
Жемчуга не из аула,
А из самого Стамбула.
И на ковре любой узор
Вновь счастьем насыщает взор.
Чтобы богатства сосчитать,
Нам нужен долгий разговор.

Но озабочен Каршыга
И будто бы смущен слегка:
– Жибек со свитой не видать,
Так у кого бы нам узнать?..

И, затаив вопрос в душе,
Мчит на коне он к байбише:
— Где, подскажите, Жибекжан,
Ее мы ищем караван?.. —
Лукавый, хитрый Каршыга
За словом не полез в карман.
— Э, на рассвете спозаранку
Достигла дочь моя стоянки
В крытой шелком колеснице,
Что на солнышке искрится, —
Им отвечает байбише,
Тревогу затаив в душе.

Алкисса, получив от матери Кыз-Жибек такой ответ, Тулеген и Каршыга вновь воскликнули “чу-у-у” и, хлестнув плетками коней, поскакали по следу колесницы Жибек.

Пусть ветер в этой стороне —
Копье не дрогнет в пятерне.
Месяцерогий ли баран
У волка блеет на спине?
Обдумать все в пути успел
И дорогой чапан надел,
Сын Базарбая Тулеген,
Он вновь на иноходца сел.
Пускай нелегок путь у нас,
В конце Всевышний счастье даст,
А от текущих мелких бед
Спасут нас ангелы не раз.
Седло коня ковром покрыл,
Конь силою незримых крыл
Вновь с места лихо взял разбег
Туда, где скрылась Кыз-Жибек.
Хотя и упряжь нелегка,
Конь-иноходец Кокжорга
Стрелою взвился, ибо он

Самим Тулпаром был рожден.
Как серый заяц, в два скачка
Умчался вдаль. И Каршыга
Чуть отставал от Тулегена –
На полседла, на полколена.
И продолжали кони бег
По следу юной Кыз-Жибек.
И сбоку вдоль седла висит
Заговоренный меч, звенит.
А у коня чересседельник
Лучистым золотом обшит.
И пусть дорога нелегка,
Не утомился Кокжорга,
Доставит быстро Тулегена
К красавице, что далека.
И мчится конь, глаза горят.
Узда с надгрудником звенят.
За поворотом поворот,
Течет обильно жаркий пот.
Гудит протяжно и гремит
Земля под тяжестью копыт.
И пыль, крутясь веретеном,
Вздымается за скакуном.
Конь-иноходец вдаль летит,
И острие копья блестит.
Сверкают искры там и тут
Из-под серебряных копыт.
И будто горной речки гул
Вставал вокруг, и ветер дул,
Рождая бурю. Тулеген
Коня камчою подстегнул,
С лица смахнул горячий пот –
Конь мчится вдаль, летит вперед.
Нет среди родичей чужих,
И каждому от всех родных
Душевный переходит свет,

Свет, что горит в сердцах у них.
Семь холмов и семь долин
Миновали в день один.
Слышит звонкий колокольчик
Базарбая гордый сын.
Острый тупится топор
Среди каменистых гор.
Что на ум взбрело джигиту,
Тем и бредит он с тех пор.
И все манящий длился звон
В одной из четырех сторон.
Мчал иноходец Кокжорга,
Доставил к цели вскоре он.

Алкисса, Тулеген, догнав колесницу, вначале выехал вперед, а затем подъехал сбоку. Увидеть Жибек он не смог, так как дверца была закрыта, а окна зашторены. В колесницу цугом были впряжены три вороных иноходца. Не зная, как поступить, Ер-Тулеген оглянулся, но Каршыга намного отстал от сына Базарбая. На облучке также никого не было. У Тулегена кончилось терпение, и он обратился вот с такими словами:

– Кто же едет в колеснице кочевой?
Приструнив в душе джигита нрав крутой,
Трижды кликнул я и плеткой постучал,
Но из гордости молчат за дверцей той.
Там, в ауле, наравне я с ханом был,
И никто мне не перечил, с кем дружил.
Кыз-Жибек спесива нравом и горда,
Мне с молчаньем ее сладить нету сил.
Так, обидясь, Тулеген наш размышлял,
О родном ауле вспомнив, он сказал:
– Все мужчины опасались там меня,
Видно, зря о Кыз-Жибек всю жизнь мечтал.
Озадачен и обижен Тулеген,

Несмотря, что его знатность –
семь колен.
Колесница Кыз-Жибек уж далека,
В это время подъезжает Каршыга.
– Ничего мне не промолвила в ответ,
Дай же, добрый Каршыга-акын, совет.
– Успокойся, знаю прихоти ее,
Колесницы не остыл, я вижу, след.

Алкисса, Тулеген, обращаясь к Каршыге-акыну, недовольно промолвил:

– Я окликнул Жибек, а она, неблагодарная, даже не ответила мне, что это значит?

– Она очень горда. Подобным образом до сих пор с нею никто еще не разговаривал, – улыбаясь, ответил ему Каршыга. – Успокойся, я сам поговорю с ней.

И Каршыга на своем лихом коне вскоре догнал колесницу Жибек:

– Расправит крылья без труда
И птенчик, что взлетел с гнезда.
И доброй матери совет
Дочь не забудет никогда.
Пусть я не брат и не отец,
Но золотой в степи дворец
Воздвигну для тебя, Жибек,
Уйми гордыню наконец.
Ты шторку приоткинь, Жибек,
Ты дверцу приоткрой, Жибек,
Увидишь, кто перед тобою,
О несравненная Жибек!
Сын Базарбая Тулеген,
Джигита знатность – семь колен.
Царю подобен он иль принцу,
Возьми его красою в плен.
Дверь колесницы приоткрой,

Достоин встречи он с тобой.
Ты ер-джигитом Тулегеном
Довольна будешь, светик мой.
Прислушайся к моим словам,
В них правда с шуткой пополам.
Рукою шторку подними –
Вся правда явится глазам:
Красы нездешней ер-джигит,
А уж когда заговорит,
То речь, как мед, из уст его
Вновь твое сердце насладит.

Джигиты, что тебя хвалили
И столько прыти проявили,
Ему в подметки не годятся,
Их похвала – как горстка пыли.
Жибек, я, как сестру, любя,
Прошу о милости тебя:
Яви нам личико свое,
Предстань, красою взор слепя.

И в колеснице слышен смех,
И отвечает Кыз-Жибек:
– Нашелся братец! Смолкни, сгинь,
Исчезни, как мираж пустынь,
Иль провались, хитрец, сквозь землю,
Чтоб над тобой взошла полынь.
Не сердце, пиала огня –
Вот вам подарок от меня!
Подыскивать мне женихов,
Скажи, когда просила я?
Знай свой удел – паси табун.
Ты за меня как будто кун –
Два иноходца получил?
Выходит, мне цена – скакун!
Давно, выходит, за глаза

Распродана моя краса?
Так пропади ты, прочь с пути,
Не вейся возле колеса!
И, будто бы смущен слегка,
Ей отвечает Каршыга:
– Да, взял коней я, Кыз-Жибек,
Но ты прости мне этот грех,
Извини, что обеспечил
Я не тебе одной успех.
Так волноваться нет причин –
Ведь получил свое акын.
Но зато перед тобою –
Глянь! – бая Базарбая сын.
Ну если злишься на меня,
Как чашу, полную огня,
Получай – тебе дарю я
Тех злополучных два коня.
Ни разу не сменив коней,
При свете солнечных лучей
И при луне к тебе скакали
Семь дней и столько же ночей.
Все перемен счастливых ждут,
На что ты гневаешься тут?
Дверь колесницы приоткрой,
Ты этим мой оплатишь труд.

Алкисса, Жибек печально улыбнулась и подумала: уж если сам Каршыга прискакал на коне и умоляет показаться этому джигиту, то наверное, такова воля Всевышнего. Надо им показаться. Но полностью открывать лицо не совсем прилично...

После долгих раздумий Кыз-Жибек на миг отодвинула шторку и вновь скрылась. Но даже этого мгновения хватило – Тулеген был поражен красотой Кыз-Жибек.

Алкисса, и мы опишем красоту Жибек:

И красива, и стройна,
И величавости полна,
Сравнить себя с Лейли
прекрасной
Не пожелала бы она.
Четырнадцать всего ей лет,
Заморский на руке браслет.
И три подружки рядом с нею
Для тайных девичьих бесед.
И пуговки на рукавах
Все в переливчатых камнях.
Алмаз бухарский в каблучках
Не виден в собственных лучах.
Сережкам, что в ушах видны,
Достойной в мире нет цены.
Про тяжесть их нам не узнать —
Любуемся со стороны.
В шелках узорных стан ее
Стройней, чем тонкое копье,
Как у крылатой кобылицы
Осанка гордая ее.
И белизна ее лица,
Как будто серебро кольца,
Как в Наурыз пушистый снег,
Что виден из окна дворца.
И вспыхивает вновь и вновь,
Как белой куропатки кровь,
Румянец на ее щеках,
И черной нитью гнется бровь.
Попробуй-ка определи,
Чем грезит на краю земли
Манящий душу взгляд Жибек,
Изменчив, как мираж вдали.
Древка топорика круглей
Предплечье дочери степей.

На лебединой шее бусы
Сверкают нитями огней.
Я это молвлю не для всех,
Что схожи груди Кыз-Жибек
С коленной чашечкой верблюда, –
Отметить это мне не грех.
И губы алые нежны,
В наперсточек округлены.
И миру излучают свет
Глаза бездонной глубины.
В них свечи райские горят,
И сердца жар в себе таят.
И в глубине девичьих тайн
Желанья робкие не спят.
И все достоинства Жибек
Постичь не в силах человек,
Но Тулеген-мырза постиг,
Надеясь втайне на успех.
Он за дверцу колесницы
Заглянуть с коня стремится,
Но стан натянутой струной
Исчез за шторкой с бахромой.

Алкисса, Тулеген, завороженный увиденным, размышлял: в жизни не встречал никого, кто мог бы соперничать красотой с Кыз-Жибек.

Одного этого мгновения было достаточно для того, чтобы сын бая Базарбая, ер-джигит наш Тулеген остановил свой выбор на красавице Кыз-Жибек. Ни в ее облике, ни в ее одежде Ер-Тулеген не находил никакого изъяна. Поэтому он решил шутливо упрекнуть Кыз-Жибек лишь в чрезмерной гордости и сказал следующее:

– Ткут белый с золотом узор,
И как недотканный ковер,
Так продолжается, Жибек,

Весь наш с тобою разговор.
Эй, своевольная душа!
За шторкой спрятаться спеша,
Ты не докажешь мне, джигиту,
Что будешь нравом хороша.
И внешним блеском покоря,
Ты скрылась в колеснице зря.
Посвети мне из окошка,
Полдневным солнышком горя.
Я от тебя не утаю,
Что и девичью спесь твою,
Знай, не сочли б за добродетель
В любимом и родном краю.

Приглушив ладошкой смех,
Отвечает Кыз-Жибек:
— На узор узор взамен
Я сплетаю, Тулеген,
Мне рисунок подсказали
Родичи семи колен,
Что покой мой стерегут,
Хвалят спесь мою и чтут.
Души их в моих поступках
Воскрешенные живут.
Не захлестнутый аркан,
А коса и стройный стан
Привлекли тебя, сын бая,
Или речь твоя — обман?
Эй, однолошадник! Ты
Как бы не навлек беды
Своими долгими речами.
Их слушать — не было нужды.

— Так на узор узор взамен, —
Ей отвечает Тулеген. —
Ты за шторкой в колеснице,

Дверь застежками искрится,
Я те застежки расстегну,
Чтобы рядом очутиться.
Ведь не затем коня и гнал я,
Ведь и не думал, не гадал я –
Что мне богаче надо быть,
Чтобы любовь твою купить.

И, приглушив ладошкой смех,
Так отвечает Кыз-Жибек:
– Что ж, на узор узор взамен.
Ты складно молвишь, Тулеген,
Но ведь такие же джигиты,
И знатностью семи колен,
Мне говорили: "Жибекжан,
Я увезу тебя в свой стан".
Им всем переступать порог
Запрет давно был мною дан!
А если все-таки войдешь,
То угощенья не найдешь.
И мягкой на ковре подушки
Ты под бочок не подоткнешь.
Ты не надейся на улов,
Моих достойная штанов
Твоя шальная голова,
Все прочее поймешь без слов.

Алкисса, Тулеген не вынес вздора своенравной Кыз-Жибек и ответил ей:

– Клянусь всеми предками, что все равно женюсь на тебе!

Ер-Тулеген резко повернул коня и возвратился к акыну Каршыге. С его помощью сын бая Базарбая купил двести пятьдесят отборных коней. "Все это я отдам за помолвку, – размышлял Тулеген, гоня перед собой двести пятьдесят скакунов, – и в конце концов возьму несравненную и гордую Кыз-Жибек в жены".

Ер-Тулеген и Каршыга направили своих коней в сторону ставки хана Сырлыбая. Вдруг за одним из холмов они встретились с кучкой всадников, которые еще издали кричали и махали руками:

– Наш хан гневается на Каршыгу!

– Хан говорит, почему визирь Каршыга, не сказав ни слова, показывает его дочь, несравненную Жибек, одинокому путнику, который скитается по степи на единственной лошади? Как ему не стыдно и как посмел он, Каршыга, устраивать позорный торг над его дочерью?!

– Он приказал нам немедленно привести Каршыгу и его однолошадника.

– В таком случае поехали вместе, – ответил им Каршыга. – Мы и так направляемся к хану Сырлыбаю.

Когда Ер-Тулеген и Каршыга подъехали к аулу, то увидели, что хан вместе с беками и старейшинами сидит на холме, ожидая их. Каршыга шепнул Ер-Тулегену:

– Я укроюсь в низине, а ты смело подъезжай к хану. Узнав, что ты и есть Тулеген, он, возможно, смягчится. А увидев нас вместе, еще больше разгневается, что нежелательно для твоей помолвки. Тулеген, отпустив на выпас пригнанных лошадей, подъехал к пригорку и приветствовал хана и его приближенных:

– Во вселенной я сияю, словно луч,
Рот открою и, как речка с горных круч,
Потечет поток и песен и стихов –
Тулеген я, духом молод и могуч.
Аксакалы, за беседой мирной вы,
Вас приветствую поклоном головы.

Один из приближенных хана Сырлыбая ответил ему:

– Уагалейкум ассалам, лихой джигит!
Слышу я, как иноходец твой храпит.

По коню сужу, что ты издалека,
Чем же твой аул далекий знаменит?

Т у л е г е н:

– Много девушек я видел на пути,
Но по сердцу своему не смог найти.
Конь надежный подо мною Кокжорга –
Колеснице Кыз-Жибек не дал уйти.

Х а н:

– Все вы скачете, джигиты, кто куда,
Игры, скачки затевая, как всегда...
Я скажу, аул Жибек недалеко,
Но увидеть дочку хана нелегко.

Т у л е г е н:

– Миг один всего я видел Кыз-Жибек,
Но теперь я – подневольный человек.
Неземною красотой я ослеплен
И Всевышнего молю послать успех.
Верьте, люди, есть свидетель – Каршыга,
Он мне друг, хоть родом я издалека,
Он мне встречу обеспечил с Кыз-Жибек...
Я приехал породниться на века

Х а н:

– Сколь торговец родовит и сколь богат?
Старший сын ты Базарбая, говорят?
“Гаып иран, кырык шелтен”, – скажу и я,
Встрече с сыном Базарбая буду рад.
Значит, зря мне клеветали на тебя,
Значит, зря разгневан был я на тебя.

Значит, если привлекла тебя Жибек,
Ниспослал Аллах тебе, сынок, успех.
Среди братьев шестерых она одна
Мне судьбой счастливой в дочери дана.
Что ж, как видно, расстилать пора ковры,
Доросла Жибек до свадебной поры.
Тем доволен, что лукавый Каршыга
Всем достойного нашел нам жениха.

Алкисса, тут Тулеген обратился к хану:

– Уважаемый хан! Лишних слов я не люблю. Что возьмете с меня за помолвку?

– За помолвку возьму всех пригнанных тобой лошадей, – произнес хан.

Тулеген в ответ:

– Я думал, что попросите еще столько же. Если вы довольны этим, то можно уже готовиться к тою.

Тулеген со своими джигитами перебрался на противоположный склон холма, разбил там лагерь, поставил шатры и стал готовиться к веселью.

Однажды вечером собрались сорок женщин.

– Поведем Жибек к Тулегену, – объявили они и попросили за это “женгелик” – подарок.

Тулеген одарил каждую из них золотой монетой. Восхищенные щедростью Тулегена, женщины потеряли головы. Три дня они подкарауливали Жибек, но ничего из этого не вышло. Шестьдесят других женщин прятали красавицу Жибек от их взглядов.

Все это происходило на землях рода Шекты, состоящего из шести ветвей. Однажды от шести этих ветвей собрались шестьдесят джигитов и начали между собой такой разговор:

– Эй, джигиты, неужели мы так и отпустим Жибек и останемся сами с пустыми руками?

– Пока жив Тулеген, ни за кого из нас Жибек не пойдет. В таком случае нужно убить Тулегена!

– Как можно его убить, когда он постоянно окружен толпой, да рядом еще его джигиты?

– Подкараулим ночью, когда поведут к нему Жибек, они останутся вдвоем, тогда ворвемся в его юрту и убьем.

На этом и договорились.

Кто-то из женщин услышал этот разговор джигитов и сообщил Тулегену. Тулеген опечалился и вызвал Каршыгу. Тот пришел и спросил:

– По какому делу вызывал меня?
Тулеген с грустью опустил глаза.

И слово молвит Каршыга:
– Ты прибыл к нам издалека,
Джигит высокий, как камыш
Над чистой гладью озерка.
Ты в белую орду пришел,
По сердцу девушку нашел.
И нужно ль так переживать,
Душою чуткою дрожать,
Как ты дрожишь, переживаешь,
А отчего, и сам не знаешь?
Иль мало выпало тебе
В твоей, завидной всем, судьбе?
Чем опечален ныне ты?
О чем скорбишь в унынье ты?
Обидел кто? Доверься мне,
Коль места не находишь ты.
Всевышнему я помолюсь,
И всем святым я помолюсь,
И добрым духам наших предков
За Тулегена помолюсь.
Признаюсь, сердцем не тая,
Напуган в самом деле я
Твоей печалью, Тулеген,
Скажи, обидел кто тебя?

Не скажешь – сам я разыщу
И непременно отомщу
Виновникам твоей печали...
Втридорога им отплачу.
Кто же они, джигит, скажи
И отыскать их прикажи.

И, глядя Каршыге в глаза,
Вздыхает Тулеген-мырза:
– Ах, Каршеке мой, Каршеке,
Беда моя невдалеке.
Скажу тебе как другу я –
Плачевна здесь судьба моя,
И не в моей, похоже, воле
Управиться с печальной долей.
Просителей руки Жибек
Мне всех не усмирить вовек.
Попробуй-ка их перечесть,
Забыть готовых стыд и честь,
От ревности свершить готовых
Любую втихомолку месть.
Нетрудно им убить меня,
Отнять богатство и коня.
Вдали от родичей боюсь
Их жертвой оказаться я.
И молвит Каршыга-акын:
– Нет, Тулеген, ты не один.
За перевалом перевал,
На перевале ветра шквал.
Ер-Тулеген-мырза, со мной
Иной поедешь стороной.
Пока я жив, тому не быть,
Чтоб кто-то мог тебя убить.
Любой ценой тебя спасу,
Встряхнись и перестань грустить.

Очнувшись от своей тоски,
Воспрял от речи Каршыги
Сын Базарбая Тулеген
На берегу Жаик-реки.

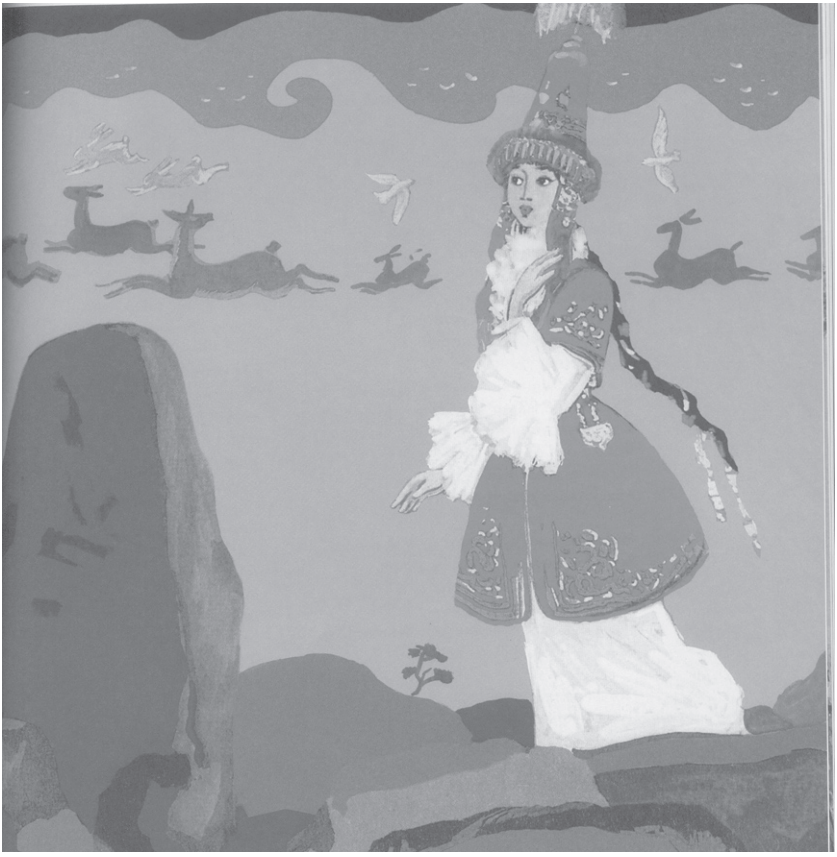
И тотчас оседлав коня,
Предчувствие беды гоня,
Он следует за Каршыгой
В разгаре солнечного дня.
Остались позади шатры,
За дымкой сизой у горы,
И всадники достигли цели
К исходу схлынувшей жары.
Без спешки и без суеты
В аул, что на краю Шекты,
Явились всадники открыто –
Таиться не было нужды.

По смелой ловкости – волков
Напоминали шесть сынов
Известного всем Сырлыбая –
Он ханом был шести родов.
Был Жиренбай средь братьев младшим,
Но самым добрым и бесстрашным,
Он в юрте жил в конце аула,
Тропа к нему и повернула.
Красноречивый Каршыга,
Ведь его должность высока,
Все Жиренбаю объяснил
И ввел в отау жениха.

Алкисса, расположив Ер-Тулегена в крайнем отау Жиренбая, лукавый и проворный Каршыга хотел выйти из юрты, но тут Тулеген удержал его за полу чапана и промолвил:

– За перевалом перевал,
На перевале ветра шквал,
Мне Кыз-Жибек увидеть надо,
За это все бы я отдал.
Двух иноходцев дал вчера,
А нынче – помнишь? – трех с утра,
А вместе будет ровно пять,
Изволь, акын, в расчет принять.
Увидеть милую спешу
И потому тебя прошу,
Мой сладкогласный Каршыга,
Чья речь искусна и легка,
Явиться в юрту Кыз-Жибек
С нижайшей просьбой жениха.
И если вправду ты, джигит,
Искусным даром знаменит,
Уговори ее явиться! –
Так Каршыге он говорит.

Был Каршыга на дело скор,
Мчась на коне во весь опор,
Он к Кыз-Жибек явился в юрту
И там завел с ней разговор:
– О айналайын Жибекжан,
Храни тебя твой талисман!
Что ты прекрасней всех на свете –
Святая правда, не обман.
Возвел Создатель небосвод,
Чтоб солнышко с его высот
Дорогу нынче осветило
Тебе туда, где счастье ждет.
Я тку не зря из слов узор,
Ступи ногою на ковер:
Ведь Каршыга-акын ведет
Об очень важном разговор.
У коновязи конь пуглив,



И молния, копье вонзив,
Повыжигает летний луг,
Тот, что цветами так красив.
Знай, в гости позвала тебя
Невестка младшая твоя.
Красы такой не видел свет,
Так что мне скажешь ты в ответ?
— Ах, Каршеке ты, Каршеке,
Слов у тебя, как волн в реке.
Двух иноходцев раньше взял,
Трех иноходцев нынче взял,
Так, значит, пять ты за меня
У сына Базарбая взял?
Подружка в дальней юрте ждет
И в гости, говоришь, зовет?
Молчи! О чем тут говорить?
Словами от меня не скрыть,
Кем куплен ты, акын лукавый,
Приду я, так тому и быть.
Пойду... сама... ступай, хитрец,
Словоохотливый купец,
Конь под тобою — Каракер,
Шестой, как видно, жеребец.
Может, в просьбе откажу я
Может, все же не пойду я,
Может быть, сама себя
Этим самым накажу я.
Распоряжусь своей судьбой,
Ведь я покорною рабой
Ничьих желаний не была,
Судьбу свою сама нашла.
Если в просьбе откажу я,
Если в юрту не войду я,
То любимой Тулегена
Впредь остаться не смогу я.

Заморский на себя наряд
Надела Кыз-Жибек, и взгляд
Неизъяснимый свет таил...
И все ж решительным он был.
Мог Каршыга тут без помех
Свой смело праздновать успех,
Но нам смятению невесты
С ним вместе радоваться грех,
От умной матери своей,
От доброй матери своей
Жибек восприняла с рожденья
Походку, стать и блеск очей.
С высокой ли она тахты,
С широкой ли она тахты
Белым спрыгнула зайчонком —
С покрытой бархатом тахты.
И туфельки ее легки,
И золотые каблучки
Стучат, как будто бьют копытцем
В степи весенней стригунки.
И вышла из шатра она,
Взгляд опустила, смущена.
Козочкой приободрилась,
По тропе пройти решилась,
Оглянулась, застыдилась,
Олененком в степь пустилась.
И чувства смутные в душе,
Как масло майское в ковше,
От жара плавясь, растекались
И через край переливались.
А поглядишь со стороны —
Все эти чувства не видны:
Пренебрежительна, горда,
Презрения глаза полны.

Там, за аулом, перевал,
Пока преданье продолжал,
То неизвестный мне аул
За перевал откочевал.
Проворней белого зайчонка,
Бельчонка, лани, сайгачонка,
И незаметней, чем стрела,
Что просвистит над ухом тонко,
Людские слыша голоса,
Боясь попасться на глаза,
Беспечно бедрами качает,
А на щеке дрожит слеза,
Что чище, чем в степи роса.
В степи рожденная свободной,
Своевольной, смелой, гордой,
Тенью по тропе мелькнула,
Краем глаза в бок стрельнула,
Смятение стараясь скрыть
И стыд девичий победить.
Шурша атласом и шелками,
Блистая всеми кружевами,
Напомнив уходящий свет,
Что тает где-то за кустами,
Как будто в юрте солнца блик,
Так излучает счастье лик.
И от полета легких ног
Небесный веет ветерок.
Тот, кто видел раз ее,
Тот, кто встретил раз ее,
Пожертвует своей он жизнью,
Жизнью всей ради нее.

Куланам, дичи на пути
Удастся ли от стрел уйти?
Целебные в озерах корни
Ер-Тулегену бы найти.

Но не слышны вдали копыта,
Возлюбленная ер-джигита
В тот белокошменный отау
Вошла одна без своей свиты.
О луноликая Жибек,
Красу твою хранят вовек!

Раз собрались в мечети муллы,
Весть разнеслась во все аулы,
Что и паломников в пути
Не пропускают караулы.
Ну, а для царственной для пери –
Все для нее открыты двери!

Порог перешагнув, вошла,
Глаза закрыла, обмерла,
И вздохнув, и улыбнувшись,
Ер-Тулегена обняла...
И очарован и влюблен,
Словечка не промолвит он,
Не верит собственным глазам,
И все стоит заворожен.
– Я не надеюсь на улов,
Ведь голова моя без слов
Достойна только лишь тюрбана,
Что из девических штанов.

И, приглушив ладошкой смех,
Так отвечает Кыз-Жибек:
– Приталенный на мне бешмет,
Со мной того тюрбана нет.
Как поступить, не знала я,
Зря шуткой испытала я,
Э, вижу, что ты не забыл
Все то, что говорила я.

О свет моей души, мырза,
Дай мне взглянуть в твои глаза!

Как белый с золотом узор
Сплетаются, лаская взор,
Так двое молодых ведут
Свой сокровенный разговор.
И на Меджнуна и Лейли
Вблизи похожи и вдали,
Как две луны иль солнца два,
Что светят на краю земли.
Как будто юность обретешь,
Случайно если к ним зайдешь.
И вечер тут сменяет ночь,
Отбросив страх девичий прочь,
К Ер-Тулегену Кыз-Жибек
Прильнула —
страсть не превозмочь...
Тундик открыт, и сквозь
шанрак
Им дарит звездный свет Аллах.
Случилось то, что быть должно,
Что в юности нам суждено
Впервые в жизни испытать
И что не надо объяснять.

Жырши, акын и сочинитель,
Искуснейший в степи сказитель —
Никто не смог бы описать
Их ночи первую обитель.
На самом сокровенном месте
О женихе и о невесте
Сказанье наше не прервется —
Так испокон веков ведется.
По цели грудью сокол бьет
И уточку в полон берет.

Вонзивши когти в шею лани,
Орел крылом не поведет.
Наш Тулеген, наш ер-джигит
Весь в пламени любви горит.
Девичий расколов орех,
Он сном возлюбленного спит.
Тут не охотник ли сайгу
На полном подстрелил скаку
И так разделывал добычу,
Что пятна крови на снегу?..

Алкисса, сын Базарбая Тулеген провел целых три счастливых предсвадебных месяца в ауле хана Сырлыбая. И вот в один из летних дней он решил отправиться в свой аул, чтобы сообщить родителям о предстоящей женитьбе. Джигиты уже седлали коней и готовили припасы, а в это самое время красавица Жибек металась в своей богато обставленной юрте. Она была встревожена сном, который видела минувшей ночью.

Жибек вызвала к себе самую молодую невестку, которую больше других любила, и поведала ей об этом:

Вот сердцу близкую женге,
Ту, что жила невдалеке,
В юрту Жибекжан зовет,
Платок сжимая в кулачке.
Испуганный роняя взор,
С ней сокровенный разговор
Ведет она, и тень тревоги
Закрыла на ковре узор:
– О айналайын, женеше,
Тревога, страх в моей душе.
Знай – если мой джигит уедет,
То не вернется – не приедет.
Поспешить тебя прошу я,
Чтоб не ехал он, молю я,

И о родителях его
У тебя узнать хочу я:
И как мать его зовут,
И как отца его зовут.
Обо всем ты разузнай
И никому не раскрывай
То, что увидела я сон,
О боже, смертью веет он:
Без Тулегена Кокжорга,
Метался он в руках врага.
И все, от мала до велика,
Откочевали от Жаика.
И берег, где аул мой был,
Где мой аул в веселье жил,
Озерным камышом оброс,
И скрипа не слыхать колес.
Ты слышишь, милая женге,
Стояла я невдалеке,
И вдруг из поднебесья кречет
Сбил сокола в моей руке.
И ночью кто-то из врагов,
Придя с далеких берегов,
Вдруг затушил в душе свечу,
И свет погас моих зрачков.
Нет, не прикрыл щитом меня
Всевышний на исходе дня.
О айналайын, женеше,
Тревога, страх в моей душе,
Знай, если мой джигит уедет,
То не вернется — не приедет.
Всевышний это мне внушил,
Последних сил меня лишил.
Ер-Тулегену не видать
И не придется испытать
Всех радостей в своей судьбе,
Его молю — не уезжать.

Такое горе, женеше,
Людской не пожелать душе.

Сын Базарбая Тулеген,
Вся его знатность – семь колен.
Вот женеше увидел он,
Она поведала про сон:
– О, айналайын, ер-джигит,
Знай, Жибекжан мне говорит,
Чтобы ты не уезжал,
О родне нам рассказал.
Кто твой отец и твоя мать?
Откуда родом, как их звать?
Жибек сказала, чтобы смог
Все без утайки рассказать.
Тяжелый ей приснился сон,
О боже, смертью веет он:
Конь-иноходец Кокжорга,
Метался он в руках врага,
И все, от мала до велика,
Откочевали от Жаика.
И берег, где аул наш был,
Где наш аул в веселье жил,
Озерным камышом оброс,
И скрипа не слыхать колес.
Поверь мне, я ее женге,
Жибек была невдалеке,
И вдруг из поднебесья кречет
Сбил сокола в ее руке.
И ночью кто-то из врагов,
Придя из дальних берегов,
Потушил в душе свечу,
И свет погас ее зрачков.
О ненаглядный мой зятек,
Не уезжай, ведь путь далек,
Я и Всевышнего прошу,

Чтобы пришел на помощь в срок.
– Послушай, милая женге,
Держу удачу я в руке.
Все эти сны – помет лисицы,
Что прячется невдалеке.
По воле Бога создан я,
Во власти Бога жизнь моя.
И Базарбаем звать отца,
И царские черты лица
Возвысили его над миром,
Богатство – счету нет конца,
И знак отличия блестит,
Что на груди его висит.
И мать мою зовут Камка,
Ее лицо издалека
Представлю я, когда в пути
Под пенье еду ветерка.
От Сансызбая пользы нет,
Он мал для битв и для побед,
Но подрастет, меня заменит,
На девять он моложе лет.
Жибек скажите, женеше,
Чтоб не держала страх в душе.
Успокойте вы ее,
Ведь во власти Бога все.
Срубили дерево, но ствол
Вновь ветви новые завел,
Смерти будут непокорны
Если живы древа корни.
Если что со мной случится,
То готов я поручиться
За джигита Сансызбая,
Братьев двух судьба такая.
И если осенью сквозь снег
Как грязь проступит зависть всех
Многочисленных врагов,

Так пусть запомнит Кыз-Жибек –
Не даст в обиду младший брат.
Его женитьбе буду рад:
Если я в пути умру,
То древний он свершит обряд.
В ауле есть батыр Шеге,
Известный всем батыр Шеге,
Душою предан мне и сердцем
Шутник и весельчак Шеге.
И если что со мной случится,
Всегда готов я поручиться,
Что будет вместе с Сансызбаем
Шеге-батыр,
и, возглавляя
Ер-Сансызбая караван,
Он сватать будет Жибекжан.
Я к вам приехал по весне
На иноходце-скакуне,
Буду жив я, возвращусь
Вновь через зиму в Наурыз.
За перелетными гусями,
Что прокричат весной над вами,
Возвращусь к своей любимой,
Лишь степь покроется цветами.
И как бы ни был долог век,
Но я из-за любви Жибек
Готов на все, скажите ей,
Что нет мне ближе и родней.

Алкисса, проехав большое расстояние, минуя незнакомые аулы, сын Базарбая Тулеген наконец благополучно возвратился в родной аул. Обрадованные родители устроили по такому случаю большой той. В разгар тоя бай Базарбай вызвал к себе Тулегена и при всем народе начал расспрашивать его. Ер-Тулеген с достоинством отвечал на все вопросы отца. Тогда Базарбай спросил:

– Свет моих очей, когда собираешься ехать за невестой?

– Думаю, что к весне, – ответил Тулеген.

– А если я попрошу тебя об одном условии, обещаешь мне, что его выполнишь?

– Обещаю, – ответил Тулеген сгоряча, не ожидая подвоха.

– Если обещаешь, – продолжал свою мысль Базарбай, – тогда поедешь к своей невесте не раньше чем через год.

– Отец! – упавшим голосом вскричал Ер-Тулеген. – Не верьте мне. Это все я вам наговорил из боязни и уважения к вам. Ничьей я дочери не видел. Девушки одного рода ничуть не лучше девушек другого рода. Я убедился в этом и вернулся ни с чем. Ни одной девушки, которая бы мне понравилась, я там не встретил, отец. Так что я никуда не поеду.

Сказав это, бедный Тулеген выскочил из юрты отца.

Базарбай был разгневан, ибо он понял, что сын что-то скрывает и обманывает его. Он обратился к окружавшим его подданым:

– Эй, люди, вы слышали, как мой сын отказал мне в просьбе. Если кто-либо из вас узнает о том, что Тулеген собирается ехать к хану Сырлыбаю, сообщите мне. Если же кто-то из вас вздумает помочь ему в этом, то имейте в виду – я прокляну тех и жестоко накажу.

Люди испугались грозных слов старца Базарбая и поклялись, что не будут сопровождать Тулегена, а если тот вздумает ехать к своей невесте, поймают его и приведут в отцу.

Тулеген страдал по несравненной Кыз-Жибек, но внешне ничем не выдавал себя. Однажды он спрятал в укромном месте седло и сбрую. А Кокжоргу вывел пастись вдали от многочисленных табунов аула Базарбая. Дни текли чередой. Тулеген коротал время, охотясь с соколом на дичь. И вот однажды во время привычной охоты, он

увидел летящих над головой двух гусей. Их гортанный крик возвестил Тулегену, что пора в путь-дорогу. Он тщательно подготовил Кокжоргу, сложил в коржун спрятанные в степи сто тысяч золотых монет и восемь пудов серебра. Тулеген ссадил с коня маленького братишку Сансызбая, который постоянно сопровождал его на охоте, чтобы тот невзначай не сообщил отцу о его отъезде, затем вскочил на нетерпеливого Кокжоргу и поскакал в сторону Жаика.

Ер-Тулеген, джигит лихой,
Украсил сбруей золотой
Вновь иноходца-скакуна,
Собравшись раннею весной
В Алты-Шекты, в далекий путь,
А крик гусей терзает грудь...
Никто его не провожал,
Он ночи долгие не спал,
И голос милой Кыз-Жибек
Издалека джигита звал.
С тоскою неотвязной он
Глядит в лазурный небосклон
И рвется из родимых мест,
Где был заботой окружен.
Бросает он последний взгляд
На все, чему был прежде рад.
И отъезжает наконец.
И следом мчится, как птенец,
За ним брат младший Сансызбай,
Хоть в юрте быть велел отец.
Полны глаза мальчишки слез,
И ветер плач его донес
До отъезжающего брата;
Хотя и не было возврата,
Брат повернул коня к нему,
К Ер-Сансызбаю своему.
А Сансызбай в его седло

Вцепился – пальчики свело:
– Ер-Тулеген, не уезжай!
Не покидай родимый край!
За гору солнышко зашло.
И посадив в свое седло,
Ласкает брата Тулеген.
А братьев знатность – семь колен.

Алкисса, Тулеген прижал девятилетнего Сансызбая к своей груди и промолвил:

– Родной мой, не плачь, я еду, чтобы привезти твою женеше – невестку.

– Не буду плакать, старший брат!
Не беспокойся, старший брат.
Утру я слезы рукавом,
И ты не плачь, мой старший брат.
Что наши мать с отцом в слезах,
Тому свидетель аруах.
С отъездом ты повремени,
Всех нас печалью не казни.
Дождись, и все тебе дадут,
Вернись, охрану соберут,
С тобой в дорогу самых смелых
Джигитов преданных пошлют.
Ведь одинокому в пути
Тебе защиты не найти,
А по годам я слишком мал,
Чтоб от врагов тебя спасти.
Отца и мать ты пожалей,
Не уезжай к Жибек своей.
Ведь если ждет тебя беда,
Как жить на свете мне тогда?
Старинный я кобыз возьму,
Его за шейку обниму
И расскажу, какая доля

Досталась брату моему.
И молвит брату Тулеген,
Джигит, чья знатность – семь колен:
– О, взгляда моего зрачок!
Нет, я не буду одинок:
Ты – мои крылья и оружье
В пути, мой резвый стригунок.
Заране обо мне не плачь.
Твой брат коня пускает в скачь,
Чтоб возвратиться налегке
К тебе с красавицей женге.
Моли Всевышнего, чтоб дал он
Мне сил и крылья Кокжорге.
Готов чем хочешь поручиться –
Со мной дурного не случится.
Мои мечты обращены
К аулу дальней стороны.
Где речи Кыз-Жибек любимой
Уже мне издали слышны.
Ей обещал я по весне
Примчаться на лихом коне,
Чтоб закрепить навек союз
С невестой юной в Наурыз.
Пойми: где б ни был человек,
Как свой бы он не правил век,
С борьбою или без борьбы –
Не избежать ему судьбы.
При жизни все мы сердцем ищем
Путь, уготованный Всевышним.
Мы – стрелы в общем колчане,
Лететь настало время мне.
Пойми, на чувства нет суда,
Остаться для меня – беда.
Стремящийся к прекрасной цели
Уснет в земле, как в колыбели.
О, взгляда моего зрачок!

Я на земле не одинок:
Ты – мои крылья и оружье,
Мой ненаглядный стригунок.
С джигитом встретившись в пути,
От стрел джейрану не уйти.
Цель, красящую жизнь батыра,
Ер-Сансызбай, умей найти.
Уж если кони понеслись,
То первым быть в байге стремись.
Не хорони родного брата,
А им заранее гордись!
Знай: где бы ни был человек,
Как свой бы он не правил век,
С борьбою или без борьбы,
Не избежать ему судьбы.
При жизни все мы сердцем ищем
Путь, уготованный Всевышним.
Мы – стрелы в общем колчане,
Лететь настало время мне.
Так не тужи и будь здоров,
О, ясный свет моих зрачков!
Спустя семь месяцев вернусь
К тебе с далеких берегов.
Что предназначено судьбой,
Произойдет само собой,
Но будь своим скорбящим сердцем
И мыслями, мой брат, со мной.
Свети в ночи лучом огня,
Не обвиняй ни в чем меня,
Моли у духов мне подмоги
С начала до исхода дня.
Пусть своего раба простят,
За ослушание не мстят,
За вызов мой отцовской воле
Пусть погубить не захотят.
В упрямстве мне не подражай,

Наказ отцовский уважай,
И без меня в родимой юрте
Быть нежным сыном обещай.
Облегчи мне в моей разлуке
Сомненья тайные и муки –
Родителям опорой стань,
В свои возьми хозяйство руки.
Не подведи, будь молодцом,
Одни остались мать с отцом,
Ты – их надежда и опора,
Будь умницей и храбрецом.
Отцом запуганы друзья,
И в путь один пускаюсь я.
Давным-давно я приобрел
Сбрую, что красит вид коня.
Кроме тебя нет никого,
Ведь все друзья до одного,
Боясь, покинули меня,
Но я достигну своего.
А коль погибну, быть тебе
Преемником в моей судьбе.
Есть серый в табуне тулпар,
Конь-иноходец тот тулпар,
Бог даст, и будет он твоим,
В любой байге незаменим.
Когда окрепнет он, садись
И по степи стрелою мчись.

Золотая рукоять,
Сабля белая сверкать
Будет у тебя в руке –
Вражий страх в ее клинке.
Упряжь, саблю я дарю,
Чтобы побеждать в бою.
Хранится в ножнах золотых,
Бока в узорах накладных,

Прикрепишь к поясу для битвы,
Услышит Бог мои молитвы.
Моя опора, Сансызбай,
Друзей своих не предавай,
Цени их дружеский совет,
Их помощи не забывай.
И мастером сотворена
Кольчуга, кольцами полна.
И девяти рядов глазками
Батыра защитит она.
Пока завернута в ковер,
Чтобы не видел вражий взор.
Ее наденешь ты для битвы,
Услышит Бог мои молитвы.
А если что со мной случится,
Скажи, могу ли поручиться,
Что с ненаглядной Кыз-Жибек
Ты свяжешь жизнь свою навек?
Бог даст, ты зрелости достигнешь,
Ее полюбишь, не покинешь.
Надев кольчугу золотую,
Ты вражьи полчища отринешь.
И лук и полный стрел колчан
Тебе самим Всевышним дан.
Батыра смелого Шеге,
Акына умного Шеге
Ты в спутники себе возьмешь –
Джигита славного Шеге.

Знай: где бы ни был человек,
Как свой бы он не правил век,
С борьбою или без борьбы,
Не избежать ему судьбы.
При жизни все мы сердцем ищем
Путь, уготованный Всевышним.
Мы – стрелы в общем колчане,

Лететь настало время мне.
Так не тужи и будь здоров,
О, ясный свет моих зрачков!

Беки на мухортых ездят,
На других конях не ездят,
А чтобы годен был для свиты,
И чалого коня джигиты
Арканом бьют по голове,
В степи валяя по траве.
У многих пусть богатство есть,
Скота, добра не перечесть,
А у влюбленных — пламя в сердце,
В нем — их достоинство и честь.
С души стряхнув сомнений плен,
Сын Базарбая Тулеген
Попрощался с Сансызбаем —
Братьев, знать, судьба такая.
Отправился он в дальний путь,
Назад ему не повернуть.
К Жаику светлому спешит он,
К возлюбленной своей спешит он,
И молит Бога, чтобы тот
Взял под свою в пути защиту.
Который день стоит жара —
Мираж, аул или гора?
Нет, озеро вдали там брезжит...
О, Кособа — не жди добра!
Укрылись там бродяги, воры,
О них ведутся разговоры
И среди путников и местных
В аулах дальних и окрестных.
Измучен жаждой, изнурен
Ер-Тулеген, разгорячен
Конь-иноходец, ибо он
Самим Тулпаром был рожден.

Им озера не миновать –
Ни обогнуть, ни проскакать.
Там затаился Бекежан,
В него вселился сам шайтан.
Страдал и он по Кыз-Жибек,
Надеялся он на успех.
С ним шестьдесят джигитов-псов,
Потомки проклятых отцов
Там поджидают Тулегена –
Не вырваться ему из плена.
На побережье Кособа
В песках застряла бы арба.
Ер-Тулегену встречу с ними
Сама назначила судьба.
А если бы не проезжал,
Его никто б не ожидал,
Увел бы свору Бекежан,
В кого вселился сам шайтан.

Куланам, дичи на пути
От стрел джигита не уйти.
Целебные в озерах корни
Ер-Тулегену не найти.
Лишь солнце новое взошло,
Песком камыш весь занесло.
Была дорога нелегка,
Под Тулегеном Кокжорга
Летел стрелою, ибо он
Самим тулпаром был рожден.
И ни свернуть, ни повернуть,
И Кокжорге стодневный путь,
Сорокадневную пустыню
Там удалось перемахнуть
Всего лишь за семнадцать дней,
Он был конем среди коней.

Измучен жаждой,
изнурен
Ер-Тулеген.
Разгорячен
Конь-иноходец Кокжорга,
Дорогой дальней загнан он.
Вдали увидел ер-джигит –
Пыль облаком из-под копыт.
Откуда это? Почему?
Известно Богу одному.
Там шестьдесят джигитов-псов,
Иль дважды тридцать подлецов,
Ер-Тулегена окружают –
Потомки проклятых отцов.
Сын Базарбая Тулеген,
Ведь его знатность – семь колен,
Не дрогнув, тотчас в бой вступил,
Хоть был он на исходе сил.
С врагами в бой вступил он сразу –
До наступления намаза.
Он не давал себя пленить,
Аркан накинуть и схватить,
Но кони свежи у врагов –
Его сумели окружить.
Тяжелый час для Тулегена,
Не вырваться ему из плена.
Ну, а хваленый Кокжорга?
Хотя бы сдох от стрел врага!
Конь-иноходец изнурен,
Конь скачкою разгорячен,
Измучен, жаждою томим,
Заржал...
И – рухнул конь под ним.
Когда джигит был окружен,
Когда коня лишился он,
К Создателю всего земного

С мольбою обратился он:
– О Всемогущий,
О Всевышний,
Мольбу мою, прошу, услышь ты.
Что на закате я умру,
Прошелестел степной камыш мне.
Но трижды рад я жизнь отдать
За то, чтоб все ж стрелу послать
В аткаминера и смутьяна,
В джигита с мыслями шайтана.
Мой конь не в силах встать.
От жажды
В пустыне умирает каждый.
И – путник, беркут, жануар –
Все не живут на свете дважды.
Иссякли силы, гибну я,
Какой батыр я без коня?
Пылали жарко мои чувства,
Да гаснут на исходе дня.
Знать, смерть коварная настигла,
Знать, смерть жестокая настигла.
Всего мне восемнадцать лет,
Увижу ли я снова свет?
О Всемогущий,
О Всевышний,
Мольбу мою, прошу, услышь ты.
По воле я твоей любил,
Дочь Сырлыбая не забыл,
Так помоги Ер-Тулегену,
Чтоб он шайтана подстрелил.
Промолвив это, Тулеген,
Ведь его знатность – семь колен,
Достал, решительный и смелый,
Из колчана прямые стрелы.

Лук тугой согнут в дугу,
Не уйти от стрел врагу.

Разом стрелы полетели,
Полетели-засвистели,
И ряды врагов-аргынов
С каждым выстрелом редели.
Стрела пронзает семерых,
Доносится их жалкий крик.
Пока стрела для Бекежана
Доставалась из колчана,
Тот, спрятавшись в густых кустах,
Хитрей, коварнее шайтана,
Матерее иных врагов –
Нацелился с шести шагов.
И к пороху фитиль поднес,
И – грянул выстрел из кустов.
Всего с овечий катышок
Свинца расплавленный кусок
В голове у Тулегена
Застрял, чуть не задев висок.
Главарь всей своры Бекежан,
В ком затаился сам шайтан,
Убийство подлое свершил
И случая не упустил –
Он за немилость Кыз-Жибек
Ер-Тулегену отомстил.

Сын Базарбая Тулеген,
Джигита знатность – семь колен,
Упал и головой поник,
Как ветром сломленный тростник.
Сын Базарбая Тулеген
Попал к убийцам подлым в плен,
Унижен, ранен, оскорблен,
Наш благородный Тулеген.
Враги спешат его добить,
Не собираются щадить.
Он видит свет в последний раз,

И слезы брызнули из глаз,
Но чтоб не видели враги,
Отер их Тулеген тотчас.
Все шестьдесят джигитов-псов
Все дважды тридцать подлецов
Смеются, видя, как в мученьях
Последние живет мгновенья
Сын Базарбая Тулеген,
Джигит, чья знатность – семь колен.

Алкисса, Тулеген на какое-то мгновение пришел в себя, открыл глаза и увидел, что джигиты разграбили все его добро и одежду. Ер-Тулеген обратился к Бекежану:

– Я вижу, что ты сверстник мне. Прикрой мою наготу и предай земле. Исполнишь этим самым последнюю просьбу умирающего.

– О Всевышний, почему
Умирать мне одному
Суждено у Кособа?
Такова ль моя судьба?
Добычей стану для ворон,
Что каркают со всех сторон,
Мне пищей для шакалов быть...
Но тела наготу прикрыть,
Ровесник мой, тебя прошу,
Земле меня предать – прошу,
И слово честного джигита
Дай, сверстник, мне, пока дышу.
Разграблено мое добро:
Кольчуга, сбруя, серебро.
Мою ты наготу прикрой,
Пока я жив, убийца мой.
Неужто пищей для ворон,
Что каркают со всех сторон,
После смерти стану я?

Слышу вой шакалов я.
Враги, жаль, слышат в этот миг
Моей души предсмертный крик,
С трудом шевелится во рту
Красноречивый мой язык.
Пока я жив, убийца мой,
Мою ты наготу прикрой,
Прошу земле меня предать... –
И только это мог сказать
Ер-Тулеген.
Он перед смертью
Не в силах голову поднять.
А шестьдесят джигитов-псов,
Потомки проклятых отцов,
Смеялись, сидя на конях,
Не приняли предсмертных слов.
И поделили меж собой
Все его вещи до одной.
Не зря в народе говорят,
Что скот тому, кто кормит, рад:
Конь-иноходец, жануар,
Воротит от джигита взгляд.
Напившись вдоволь, отдохнув,
Заржав, копытами сверкнув,
Конь этот самый Кокжорга
Умчался под седлом врага.

Алкисса, Бекежан со сворой разбойников покинул умирающего Тулегена, не выполнив его последней воли.

Сын Базарбая Тулеген в последний раз открыл глаза и увидел высоко в небе кружащих над проклятым озером Кособа шесть гусей. Шесть легкокрылых гусей вылетели из его далекого аула и все время сопровождали Ер-Тулегена в пути. Во время схватки джигиты Бекежана стреляли в них из ружей, но промахивались всякий раз.

К ним и обратил слова прощания умирающий Тулеген:

– О, шесть легкокрылых гусей,
Вы сахара-меда вкусней,
Но в жизни я в вас не стрелял,
Полет ваш над ширью степей
Влюбленно мой взгляд провожал.
А если придется вам сесть –
Лужайка у озера есть...
Вы были в пути мне верны,
О милые гуси – все шесть.
Так что об отце мне сказать?
О матери что мне сказать?
О брате моем Сансызбае?
Им всем обо мне горевать.
О, шесть легкокрылых гусей,
Спуститесь ко мне поскорей,
Вы живы, я скоро умру,
Лишил меня жизни злодей.
Над степью гогочете вы,
Так что же не спросите вы,
Кто ранил смертельно меня?
Спускайтесь – узнаете вы.
Что ж машете белым крылом,
Людской вам язык незнаком?
Приблизьтесь, прошу вас,
ко мне –
Узнать о несчастье моем.
Ведь, если, летя в вышине,
Над степью в родной стороне
Окажетесь вы без меня
И старый отец в тишине
Окликнет вас: “Где же мой сын
Вдали затерялся один?” –
Что скажете, гуси, ему,
Седому отцу моему?

Вы, свой продолжая полет,
Увидите юрту, там ждет

Меня моя добрая мать,
Огонь очага стережет.
Впервые я в жизни вкусил,
С ладони ее я вкусил
Мед, сахар, и жал, и жая,
И вновь, к ней ласкаясь, просил.
Все шалости, помню, мои
Прощала в далекие дни.
Она под платок прядь седин
Запрячет, увидев вдали
Вас, шесть легкокрылых гусей,
Летящих над ширью степей.
И спросит она: “Где мой сын?
Где он потерялся один?”
Что скажете, гуси, вы ей,
Надежду убьете ли в ней?
И дальше вам будет полет,
И к небу глаза возведет
Единственный брат Сансызбай –
Страдает, тоскует и ждет.
В одном с ним росли мы гнезде,
Играли с ним вместе везде.
Мы вскормлены грудью одной,
Не знает он, что я в беде.
Резвился, привязан ко мне
Был как стригунок в табуне.
Под сказки мои засыпал он,
Бывало, в ночной тишине...
Он – глаз моих черных зрачок.
Что был я в бою одинок,
Мой брат никогда не узнает,
Ведь так от меня он далек!
Разлуки не выдержав плен,
Он спросит: “Где брат Тулеген?”
Что скажете, гуси, ему
В ответ, стригунку моему?..

Что брата не дождется он,
Что брат врагом был окружен,
В пустыне возле Кособа.
Души его предсмертный стон
Мы слышали, – скажите так.

И что кольчужные глазки
Пронзали стрелами враги,
Как в схватке расстегнулись сами
В ней золоченые крючки,
Мы видели, – скажите так.

И жив ли он? – не знаем мы.
И мертв ли он? – не знаем мы.
И кто спасет его, найдет,
Пустые обойдя холмы,
Не ведаем, скажите так.

Что иноходец Кокжорга
Остался под седлом врага,
Что Тулегена конь забыл,
Чужая держит плеть рука,
Мы поняли, – скажите так.

В пустыне возле Кособа
Густая хлещет кровь со лба
У ер-джигита Тулегена...
Знать, такова его судьба, –
Вы всей родне скажите так.

Слова прощальные его
Уносят гуси далеко,
Крылами машут там, вдали,
И скрылись на краю земли...
И – распростерла смерть крыла.
И-Ля Иллахи ил Алла.

Плачь не плачь, во власти Бога
Жизнь и смерть, судьба, дорога.
И говори не говори,
Но все – напрасная тревога.
Лежал, теряя жизни силы,
Без савана и без могилы
И подступивший чуял тлен
Сын Базарбая Тулеген.
И не достигнул он мечты,
И сердцу милые черты
Он больше в жизни не увидит –
Земные кончились следы.
Плачь не плачь, во власти Бога
Жизнь и смерть, судьба, дорога.
И говори не говори –
Не осилить злого рока.
Он, теряя жизни силы,
Без савана и без могилы
Лежит, как падаль для ворон,
Что каркают со всех сторон.
И гаснет свет его звезды,
Земные кончились следы.
И плачь не плачь, во власти Бога
Нам неизвестная дорога.

Алкисса, убив Тулегена, забрав его коня, джигиты Бекежана вернулись в свои аулы и, ничего никому не сказав, стали жить, как все мирные аулчане. Прошло ни много ни мало восемь лет. В один из дней аткаминер Бекежан решил вновь испытать свое счастье – жениться на Кыз-Жибек. “Я сообщу ей о смерти Тулегена, – думал он, – и она согласится выйти за меня. За кого же еще ей выходить?!”

Может быть, полюбит – восемь лет спустя.
И женою станет – восемь лет спустя.

И о смерти Тулегена с моих слов
Кыз-Жибек узнает – восемь лет спустя.

И героем буду я в глазах Жибек,
И забудет ясноликая навек
Тулегена, побежденного в бою:
Не ему, а мне сопутствует успех.

Я об этом расскажу ей, не таясь,
Я об этом сообщу ей, не боясь,
На айтысе, что большой украсит той,
То-то пустятся по струнам пальцы впляс!

Все обдумав, той готовит Бекежан,
Он убийца, ибо в нем сидит шайтан.
И на этот той явилась Кыз-Жибек,
Села, гордо изогнув девичий стан.

На гарцующем коне издалека
(Видно, что под Бекежаном Кокжорга)
К стайке девушек, где пела Кыз-Жибек,
Подъезжает с хитрым видом вожака,
К коновязи Кокжоргу он привязал
И, хотя умом в айтысах не блистал,
Приумолкших вдруг джигитов отстранил,
Состязаться с Кыз-Жибек злодей решил.

Алкисса, вот какой айтыс состоялся между Кыз-Жибек и Бекежаном.

Б е к е ж а н:

– Приказала слово молвить – говорю:
Плачь верблюдицей, Жибек, я повторю,
Хоть о том, что предстоит тебе узнать
Восемь лет спустя, не стоит горевать.

Не достоин твой возлюбленный тебя,
Не дождалась ты и восемь лет спустя.

Ж и б е к:

– Куст полыни меж аулов двух расцвел,
На той тропке, где возлюбленный прошел,
Говорил, что у него есть младший брат,
Видно, сам своей задержке он не рад.

Б е к е ж а н:

– В моей воле сделать тесным белый свет,
Что ж, не знаешь, что возлюбленного нет.
Ведь за восемь лет он весточки не дал,
Своего мырзу забудь – тебе совет.

Ж и б е к:

– Что народ в молве мне дарит, то дарю,
Обо всем я откровенно говорю:
Знатных мырз среди аргынов шестьдесят,
Пусть они все в мою сторону глядят,
Недостойна даже следа Тулегена
Вся их знатность – я об этом говорю.

Б е к е ж а н:

– Приказала слово молвить, я скажу.
Обо всем тебе поведать я спешу,
Жениха, давно погибшего, не жди –
Я поводья Кокжорги в руках держу.

Ж и б е к:

– Тебе совесть незнакома, Бекежан,

Шесть раз проклят будь,
в тебе сидит шайтан.
Кокжорга, что под тобою вижу я,
Взгляд отводит, проклинает он тебя.
Ты в открытой ли борьбе коня пленил?
Как, ответь, его ты всадника лишил?

Б е к е ж а н:

– Там, где плещется в пустыне Кособа,
Где в густых кустах застряла бы арба,
Подстерег его и выстрелом в упор
Я убил – знать такова его судьба.
Так достался мне в пустыне Кокжорга,
Я – батыр, в бою я страшен для врага.
Я один тебя достоин, Кыз-Жибек,
Полюби меня, красавица, навек.
Позабудь про Тулегена – нет его,
Умер он, пусть мне сопутствует успех.

ПЛАЧ КЫЗ-ЖИБЕК

Весть в сердце Кыз-Жибек вошла
Как беспощадная стрела.
Решетку юрты – кереге –
Она, рыдая, обняла.
Подругами окружена,
Навзрыд заплакала она
И повалилась на ковер,
Смертельным горем сражена.–
О Всемогущий, почему
Мир погружается во тьму?! –
Забилась в плаче Кыз-Жибек,
Не успокоить никому.
Глубокий след от кереге
Рубцом пылает на щеке.

Кровь проступила, пролилась
И алой струйкой запеклась.
Не раз так в жизни повторится,
Что радость в горе превратится
На одном и том же тое,
И – не узнать, когда случится...

– Я плачу шелестом травы,
Дрожу я гневом тетивы,
Средь черных туч нет синевы,
О, мои братья, где же вы?!

И слово молвит Бекежану –
Убийце, вору и смутьяну:
– О, распроклятый Бекежан,
В тебе не зря сидит шайтан.
Мне на глаза не попадайся,
Когда уйдешь – не возвращайся.
Будь проклят будущий твой прах!
О, да простит меня Аллах!
О, как ты мог? Как ты посмел,
В той схватке, спрятавшись от стрел,
Сам выстрелить из-за кустов?!
Где твоей подлости предел?
Джигита ты коня лишил,
Тайком в пустыне совершил
Ты злодеяние свое –
Поднять тебя бы на копье!
Ты руку на кого занес,
О жалкий, шелудивый пес!
Когда ты женишься – жена
Познает скорбь мою сполна.
Друзья забудут, околеешь
Ты под копытом скакуна.
И дети пусть клянут отца –
Пса-Бекежана – подлеца.

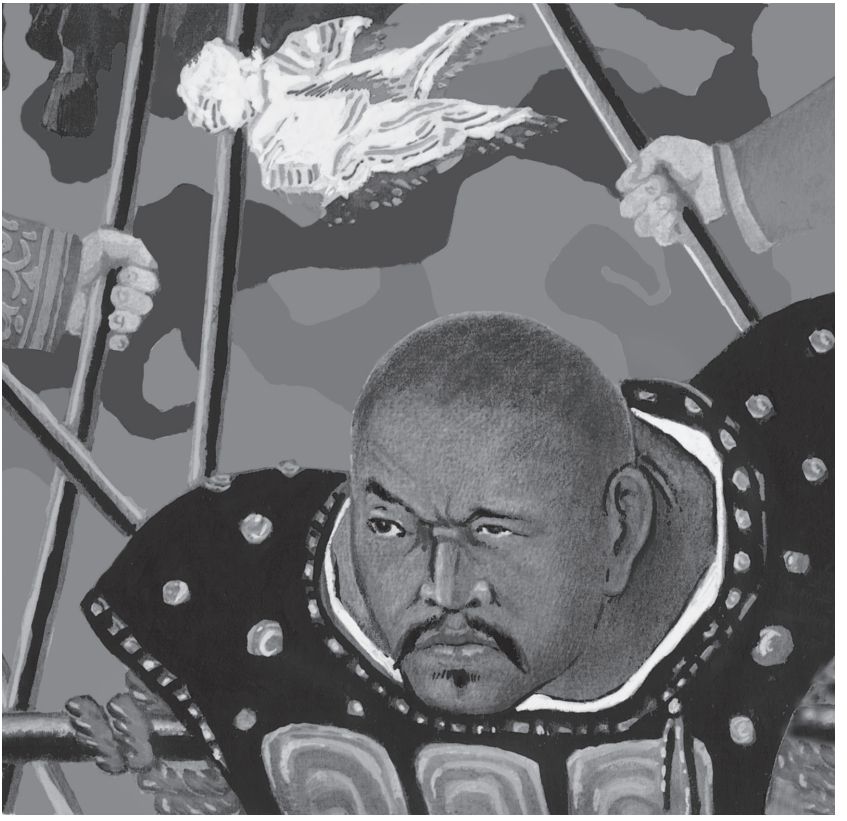
Тебе плевки моих подруг
Со своего не смыть лица,
О мои братья, где же вы,
Людской достойные молвы?
О мой отец, хан Сырлыбай,
Дрожу я гневом тетивы,
Я плачу шелестом травы,
Средь черных туч нет синевы.
О мои братья, вы, как львы,
Растерзайте Бекежана,
Пса и подлого смутьяна.
Поганый труп закиньте в степь,
Пусть сгниет среди бурьяна.
И смелой ловкостью волков
Напоминали шесть сынов
Известного всем Сырлыбая,
Он ханом был шести родов.
И все они явились вмиг,
Своей сестры услышав крик.
Увидели, что Кокжорга
Рукой оседлан чужака.
Все поняли.
И Бекежана,
Убийцу, вора и смутьяна,
К столбу арканом привязали,
Все расспросили, все узнали,
И во имя Тулегена
Дань Всевышнему отдали:
То был не жертвенный баран,
То был разбойник Бекежан.

Алкисса, тем временем Сансызбаю исполнилось семнадцать лет. Не дождавшись старшего брата Тулегена, он стал готовить свои доспехи, чтобы поехать на поиски его.

Решив во что бы то ни стало получить благословение отца, Сансызбай предстал перед ним и высказал свое намерение.

И стал джигитом Сансызбай,
Брат Тулегена Сансызбай.
И к старому отцу приходит,
Надев доспехи, Сансызбай:
— Дай мне, отец, благословенье,
Терплю я тяжкие мученья:
Нет жизни мне без Тулегена,
О нем тужу и ночь и день я.
Благослови меня, отец,
Мученьям положи конец —
Я должен брата отыскать
Иль правду всю о нем узнать.
И жив ли он? — не знаю я.
И мертв ли он? — не знаю я.
Ни есть, ни пить уж не могу
Без брата Тулегена я.
Ну разве может младший брат,
Ер-Тулегена младший брат
Спокойным быть, коль где-то старший
В одной из четырех сторон
Пленен врагами или даже
В земле нездешней погребен?
Я падаю к твоим ногам,
Не мальчик я уж по годам.
Жду твоего благословенья,
И небо да поможет нам!

Алкисса, высказав это, Сансызбай взглянул на отца. Тоска по несравненному Тулегену, тревога за его судьбу и чувство раскаяния отняли у старого Базарбая зрение, способность передвигаться. Он уже не поднимался с постели.



Выслушав своего младшего сына, старый Базарбай еле-еле оторвал голову от подушки.

– Сын мой, ты решил разыскать брата? Вскинь руки, я дам тебе благословенье, – промолвил он. – Первым делом поручаю тебя воле Аллаха, затем молю всех святых и ангелов оберегать тебя всюду...

Со слезами на незрячих глазах старец продолжал шептать свое благословение.

И, вскинув руки к небесам,
Отец доверил мысль словам.
Брат Тулегена Сансызбай
Приник лицом к его стопам.
Сложил ладони он – аминь!
Дыханье затаил – аминь!
И только слышен был стук сердца,
И голос старца плыл – аминь!

– О, мой Создатель, мой Аллах,
Ты даришь людям мир и страх.
Возьми же сына под защиту
В нездешних далях и краях.
И восемнадцать тысяч вас,
Вселяющих надежду в нас,
Небесных помыслов пророков –
Пять раз свершаю я намаз.
Гарыш, Курсын, Лаук, Галам,
Мой сын припал к моим стопам.
Коль сын заблудится, ему
Вы укажите путь сквозь тьму.
И ни споткнуться, ни пропасть
Не дайте сыну моему.
Святое молвит нам писанье:
Вручайте помыслы, желанья
Аллаху и его пророкам.
Во власти вашего вниманья

Кенже, мой сын Ер-Сансызбай,
Сопроводите в дальний край,
Кызыр Ильяс, кырык шелтен,
Без вести канул Тулеген.
Ер-Сансызбай готов искать,
Не в силах он в ауле ждать.
Светлейшие Гаук, Гаяз,
Багауддин, Али, Нияз,
Прошу вас сына поддержать...
Пять раз свершаю я намаз.
Я не придал тогда значенья,
Не дал тогда благословенья
Ер-Тулегену моему –
За это мне теперь мученья.
Подобно старому орлу,
Что рухнул с лету на скалу,
Я одного крыла лишился,
В слепого старца превратился.
Быть снисходительным к нему,
Ер-Сансызбаю моему,
Прошу пророка Зулжалела,
Пусть сына он ведет сквозь тьму.
Себя не раз я проклинал,
Что сына я не удержал –
Ер-Тулегена, ер-джигита,
Хотел, чтоб был он мне защитой,
Но без опоры я теперь,
Не сосчитать моих потерь.
Так будьте, братья-мусульмане,
Поклявшись на святом Коране,
Опорой сыну моему,
Удач желаю я ему.
И поручаю я его
Вам, предкам, всем до одного...–
Так Базарбай благословил
В дорогу сына своего.

И, получив благословенье
И переждав два-три мгновенья,
Ер-джигит наш Сансызбай
Собрался в путь без промедленья.
Он Кокбурыла стал седлать,
Коня, что птицей мог взлетать.
Так завещал Ер-Тулеген,
Да не коснется брата тлен.

Шелковым он пояском,
Драгоценным он сукном
Упряжь и седло покрыл,
Потник из замши сотворил,
Подпругу и чересседельник
Лучистым золотом обшил.
И в спутники себе Шеге,
Батыра славного Шеге,
Помолившись, он берет –
Акына умного Шеге.
На поводу они ведут
Трех иноходцев, кони ржут.
И доброго пути желает
В ауле ер-джигиту люд.
Впервые уезжает он.
И, встав на поминальный склон:
– Таукель Алла! – сказал. –
Да буду предками силен!
Вняв зову грусти и тоски,
Он к берегу Жаик-реки
Решил поехать, чтоб узнать,
Где брата старшего искать.

Алкисса, проведя несколько дней в пути, они кратчайшей дорогой прибыли к Жаику. После множества расспросов у встречных путников они наконец достигли аула хана Сырлыбая и остановились на бугорке. Вблизи

аула сновало множество всадников, сосчитать которых было невозможно. Сансызбай и Шеге решили узнать причину такого сборища и подъехали к одному чабану.

– По какой причине собралось столько народу? – спросили они.

– У нашего хана есть единственная дочь – луноликая красавица Жибек. Узнав о ее неописуемой красоте, калмыцкий хан Хорен прибыл с девятитысячным войском и требует выдать ему в жены Жибек. В случае отказа он грозит разгромить все наше ханство и забрать красавицу Жибек насильно. Поскольку у нашего хана Сырлыбая нет таких сил, чтобы отбиться от калмыков, хан вынужден был согласиться, несмотря на слезы дочери. Проплакав несколько дней, она обратилась с одной-единственной просьбой:

– Если уж суждено мне выходить за неверного, то хотя бы устройте тридцатидневные игры, скачки и сорокадневный той.

Вот уже три дня, как завершился той и начались игрища, – закончил свой рассказ чабан.

– А Жибек до этого была замужем? – затаив дыхание, спросил Сансызбай.

– У нее был необыкновенной красоты жених по имени Тулеген. У озера Кособа выстрелом в спину его убил аткаминер Бекежан...

Услышав эту горестную весть, Сансызбай заплакал и, припав к гриве лошади, умчался вдаль. Батыр Шеге еле догнал его.

И заплакал Сансызбай:
– Мой любимый брат, прощай!
Никто, узнав о смерти брата,
Узнав, что нет ему возврата,
Не выдержит такой удар –
Ни человек, ни жануар.
Каким бы сильным ни был он,

Каким бы смелым ни был он,
Все будет плакать день и ночь
И скорби он не сдержит стон.
– И если оба мы заплачем,
То жизнь свою переиначим,
Так кто же успокоит нас?
И мы в слезах куда ускачем? –
Акын Шеге так говорит,
Хоть грусть-печаль в груди таит.
И конь под седоком заржал,
И Сансызбай с седла упал,
И, в сторону Кублы лицом
Встав, он печально размышлял:
“В степи родился ты достойным,
Мой брат – могучим, смелым, гордым.
Теперь ты вечности достиг –
Конец мечтаньям беспокойным.
Ты не в открытой пал борьбе,
Досталось худшее тебе:
Тебя подлец из подлецов
Сразил свинцом из-за кустов.
Хвалы достойные джигиты
Всегда вступают в бой открыто,
С победным знаменем в руках –
Быть может, этим знамениты.
Брат, без тебя не мил мне свет,
Кто мне теперь подаст совет?
Мне не заменит Тулегена
И досточтимейший хазрет.
Мой брат, был короток твой век,
Но как любил ты Кыз-Жибек,
Как был могуч огонь любви
В твоей, о старший брат, крови.
Отца, скажи мне, почему
Ты не просил: “Благослови!”
Причина гибели не в том ли,

Что шел ты против отчей воли?
Тебя судьба лишила силы,
Без савана и без могилы
Ты стал добычей для ворон,
Что каркали со всех сторон.
Ах, мне б тебя остановить!
Ах, мне бы брата не пустить!
Но поздно... Ждут отец и мать,
Как им о горе сообщить?
Они с надеждой ждут вестей,
О сыне старшем новостей.
Что ж ты наделал, Тулеген,
Бесславной гибелью своей?!
Нам слезы горя не унять,
Ослеп отец, хворает мать,
И душу бедную свою
Я истерзал в родном краю.
Аллах великий! Тулегена
Прости и посели в раю".

Алкисса, Шеге спешился и подошел к Сансызбаю.

– Что прошло, того не вернешь, крепись, мой дорогой Сансызбай! – посочувствовал его горю Шеге-акын и призвал к благоразумию.

– Ер-Сансызбай, не плачь – прошу,
Ведь ты подобен камышу,
Что нас от ветра защищает,
Признаться я тебе спешу.
Ер-Сансызбай, не умолчу –
Преграда ты, как щит мечу,
Для недругов, а нам – защита.
Тебя я песней излечу.
Не плачь, о свет моих очей,
Ярчайший луч среди лучей.
Не возвратить нам Тулегена

Потоком плачей и речей.
Все к смерти движутся во мгле
На нашей горестной земле.
Кто из святых, скажи, пророков
О смерти думал, как о зле?
Кто, кто бессмертным смеет быть,
Чтоб тем Всевышнего смутить?
Известно, что шайтан бессмертен,
Но можно ли его любить?
Кто хочет быть шайтаном тьмы?
Мы люди – значит, смертны мы.
И – плачь не плачь – во власти Бога
В рай уходящая дорога.
И сокола такого нет,
И кречета такого нет,
Чьи перья были б вечно целы
И крепли бы с теченьем лет.
И скакуна такого нет,
Крылатого такого нет,
Чьи были бы копыта целы,
Хоть проскакали целый свет.
Когда последний день настанет,
И сердце биться в нас устанет,
Нам путь один – на небеса,
Туда людскую душу тянет.
Прислушайся к моим словам,
В них горечь с правдой пополам,
Призвал Всевышний Тулегена,
Быть может, к лучшим берегам.
Покинул родичей и брата,
Не повернул коня обратно.
Его вернуть мы сердцем жаждем,
Но не живут на свете дважды
Ни человек, ни жануар –
Судьбе своей подвластен каждый.
Земная непрочна обитель,

Ты не хозяин в ней – проситель.
Всевышний силы нам дает,
Он наших помыслов хранитель.

Алкисса, Шеге помог Сансызбаю сесть в седло и сказал:

– Теперь, дорогой мой джигит, давай вернемся в свои края. Если целое ханство не в силах осилить Хорена, то нам с тобой тем более это не удастся. О судьбе Тулегена почти все узнали, а Жибек нам не спасти.

– О чем ты говоришь, Шеге?! Всевышний поможет нам, и мы увезем Жибек или хотя бы взглянем на возлюбленную моего брата Тулегена.

На том и порешили. И вдруг Сансызбай прислушался – в одной из белых юрт пели скорбную песню-плач. Сансызбай догадался, что пела Жибек.

– Не вижу Жаика волны,
Глаза горючих слез полны.
Создатель, ты лишил меня
Горевшего в груди огня.
Увел из жизни Тулегена,
Отдал врагу его коня.
Ах, был правдив, к несчастью, сон,
Из уст моих исторгший стон.
Меня не обмануло сердце,
И Тулеген мой умерщвлен.
Создатель, ты теперь лишил
Меня моих последних сил.
И мне грозит без Тулегена
Несчастье пострашнее плена.
Всевышний, я тобой жила,
Не допусти, чтобы была
Рабою грозного калмыка,
Что земли захватил Жаика.
С восходом Сумбуле-звезды

Вновь в Тарбакка ведут следы,
Там устанавливают юрты
Все шесть родов Алты Шекты.

Неужто суждено судьбе,
Чтоб оказалась я в беде?
Всевышний, я твоя раба,
Взываю к одному тебе:
Невольницей не дай мне стать,
Не дай такой позор познать.
Спаси от грозного калмыка –
Кого еще на помощь звать?

Алкисса, услышав эти слова, Сансызбай потерял голову. Он разыскал Шеге, попросил его поговорить с Жибек и вернуться с ответом.

– Шеге-ага, тебя прошу,
Батыр-ага, тебя прошу –
К моей невестке Кыз-Жибек
Пойти, акын-ага, прошу.
Без промедленья к ней иди
И в юрте Кыз-Жибек найди,
И передай ей мой привет,
Скажи, что слова жду в ответ.
Знай, не останусь я в долгу,
Стократ охотней помогу
Тебе в любой беде, а в битве
От всех врагов уберегу.

Достойный сын степных отцов
Был храбрецом из храбрецов
Известный всем акын Шеге,
Поводья, что держал в руке,
Он Сансызбаю передал,
И спешился, и зашагал

К белевшей юрте напрямик –
Он быстро действовать привык.
И всадников калмыцких он
В одной заметил из сторон,
Но продолжил путь, хоть не был
Наш Ер-Шеге вооружен.

Алкисса, когда Шеге уже подошел к юрте, вот о чем пела Жибек:

– Жизнь свою связала я с Жагалбайлы,
Их коней не сосчитают и орлы.
Если правда то, что умер Тулеген,
Нечем мне рассеять в сердце смертной
мглы?
Я связала жизнь свою с Жагалбайлы,
Их коней не сосчитают и орлы.
Неужели там джигитов храбрых нет
И спасенья нет Жибек из смертной мглы?

Породнилась жизнь моя с Жагалбайлы,
Их коней не сосчитают и орлы,
Я сама бы разыскала этот род,
Да надежды на удачу так малы...

Услышав пенье Кыз-Жибек,
Храня надежду на успех,
Шеге приблизился, толкаясь,
С зеваками в толпе ругаясь.
Почти вплотную подошел
И скорбь в глазах Жибек прочел.

Алкисса, Шеге, подойдя к Жибек, запел песню, как обычно это делают джигиты, обращаясь к незнакомой девушке. Надо сказать, что до этого никто с песнями не обращался к Жибек, так как она все время была в трауре.

Ш е г е:

– Красоту, твоей подобную, найдет
Среди девушек своих не всякий род.
Вобрала в себя ты ангелов черты,
Мне, джигиту, о себе поведай ты.

Ж и б е к:

– Заросли вершины гор березняком,
И ущелья затянуло тальником.
О себе давным-давно я не пою,
Не ищу себе сочувствия ни в ком.

Ш е г е:

– Я с тобой, Жибек, увидеться мечтал,
Как на крыльях, конь меня к тебе примчал.
Мне сказали, в честь твою весь этот той.
Почему не рада счастью? Что с тобой?

Ж и б е к:

– Издалека будет путь ваш – вижу я,
Но судьба вас, вижу, тронула моя.
Птицей вольной я росла в родном краю,
Да попала я к Хорену в западню.
Где аул ваш, незнакомый человек?
Долгой жизни вам, продли Аллах вам век.
Если можно, расскажите о себе,
Познакомиться нам можно без помех.

Ш е г е:

– Красоту, твоей подобную, найдет
Среди девушек своих не всякий род.

Говоришь, тебе расставили силки?
Что тебя, моя красавица, гнетет?

Ж и б е к:

– Я Всевышнему перечить не могу,
Что назначено, того не избегу.
Мой жених погиб, и злой судьбою я
Отдана в невесты лютому врагу.

Ш е г е:

– Сожжено живое дерево дотла,
Но еще кружится по ветру зола.
Нареченный из какого рода был?
Кто родители его и где он жил?

Ж и б е к:

– У хороших у людей слова что мед.
Кто судьбе покорен, тот меня поймет.
Не пришлось в ауле дальнем мне бывать
И поэтому боюсь его назвать.

Ш е г е:

– Все дурное недостойно доброты,
Я спросил, но отвечать не хочешь ты.
Ты не бойся, имена мне назови
Тех, с кем жить хотела в счастье и любви.

Ж и б е к:

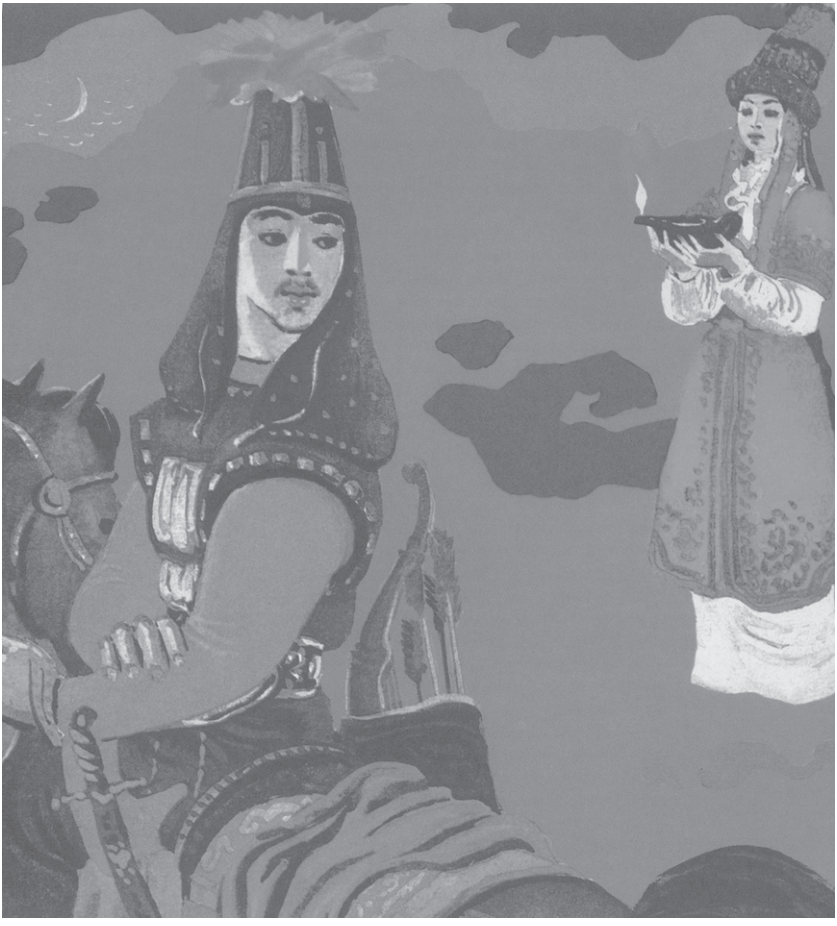
– Скажу я только то,
что знаю,
Другого вам не обещаю.

Жагалбайлы, старинный род,
Вдали от наших мест живет.
Там Тулеген, сын Базарбая,
Рос, никаких забот не зная,
Пока ко мне его судьба
Не привела, как вышло, злая.
Погиб джигит из-за меня,
Его убили, заманя
В засаду, недруги лихие,
Лишили жизни и коня.
Закат сменяется восходом,
И породниться с древним родом
Большому роду моему
Все тяжелее с каждым годом.
Никто за мной не приезжал,
Быть может, обо мне не знал
Брат Тулегена Сансызбай?
Меня к себе он не забрал.
И воли хватит ли ему
Ко мне приехать – не пойму.
Мать Тулегена звать Камка,
Лицо ее издалека
Вижу я, когда в степи
Грущу под пенье ветерка.
Ой, веко дернулось мое,
Спугнуло счастье воронье...
Быть может, счастье будет вновь,
Не зря же дергается бровь.
Рабу, Всевышний, не смущай,
Быть может, едет Сансызбай?
Там есть в роду акын Шеге,
Известный всем батыр Шеге,
Говаривал мне Тулеген –
Шутник и весельчак Шеге,
Что он возглавит караван,
Что будет сватать Жибекжан...

О властелин людской души,
Как жить мне дальше, подскажи?!

– За перевалом перевал,
На перевале ветра шквал, –
Былую присказку акын
С улыбкой хитрой прошептал. –
Непрост бывает человек,
Ты осмотрись кругом, Жибек,
И, может, на твои вопросы
Отвечу я один за всех.
Да, Сансызбая караван
Возглавлять – наказ был дан
Шеге-акыну, то есть мне,
Вернейшему из мусульман.
Но, веру потеряв во всех,
Ему не верит Кыз-Жибек.
И говорит Шеге-акын,
Надеясь все же на успех:
– Не знаю, как мне убедить,
В моих ладонях правды нить,
Что тянется издалека,
Зря в друге видишь ты врага.
Знай, что от горя я умру,
Развеюсь пеплом на ветру,
Когда ты не поверишь мне,
Как тень исчезну я к утру.

Но испытав коварство всех,
Вслух размышляет Кыз-Жибек:
– То ли правду молвишь ты,
То ли лгут лица черты...
Сансызбая ты привел?
Где же он среди толпы?
Ко мне его ты приведи,
Рассей туман в моей груди.



Как верить я могу тебе,
Давно покорная судьбе?
И, опасаясь, что враги,
Ведь были счетом велики,
Услышат имя Сансызбай,
Шеге воскликнул: – Эй, седлай,
Ер-коневод, моих коней
И живо к юрте подавай!
Сансызбай услышав зов
(Он таился меж кустов,
И был на расстоянье крика
На берегу он Ак-Жаика),
Сел на коня, вскричав: “Алла!”
И слился с лукой он седла.
И жеребца умерив бег,
Вот подъезжает к Кыз-Жибек.
И Кыз-Жибек свечу берет
И подается вся вперед,
Разглядывает Сансызбая
И волю радости дает:
– Из злата выкован узор!
Дай, Сансызбай, насытить взор.
Всей жизни лучшая награда,
О как же ты похож на брата!
Всевышний снизошел и свет
Зажег во мне на много лет.

Пережитое позабыв,
От недругов веселье скрыв,
Красавица в душе хотела
Обнять джигита – не посмела.
И не без пользы, может быть, –
Толпа не все могла простить.

Алкисса, уже приветствуют друг друга
Представители сиятельного круга.

И в честь самых дорогих из всех гостей
Яства носит беспокойная прислуга.

– Дорогие сердцу гости, угощайтесь
И назад дорогой прежней возвращайтесь.
Хан Хорен желает в жены взять меня,
У него два знаменитых есть коня.
На тропинке через узкий Карагаш
Меня ждите, да постройте там шалаш.
Бог поможет, завладею я конем
И к полудню я прибуду к вам верхом.
Тем, что тронутся аулы в ночь с кочевья,
Мы воспользуемся вмиг, без промедленья.
И закатится звезда врага-калмыка,
И исчезнет войско с берега Жаика.
Так спешите ж на заветную стоянку,
С места тронутся аулы спозаранку.

Утром рано посылает Кыз-Жибек
Женеше, надеясь втайне на успех:
– Хан Хорен пусть выделяет мне коня,
Если в жены он желает взять меня.
В играх, в скачках при кочевье от души
Веселиться я хочу – ему скажи.

Алкисса, женеше-невестка Жибек пришла к грозному хану Хорену и говорит:

– О грозный хан Хорен! Бикеш просит дать ей одного из ваших тулпаров. Она желает возглавить кош и принять участие в играх и скачках при кочевье.

– Бикеш не хочет за меня выходить, потому не дам я ей коня, – насупясь, промолвил хан Хорен.

Тут женеше-невестка решила перехитрить хана и игриво начала свою речь:

– О мой будущий зятек,
Знаменит твой Сандалкок,
Его просит Жибекжан,
Просит ласково, мой хан.
И нынче вечером она,
Подружками окружена,
Полна задора и веселья,
Что наполняют дни кочевья,
Сандалкока оседлав,
Уздечку в руки свои взяв,
В степную даль стрелой взлетит
И верность хану сохранит.
Ты в юрту белую войдешь,
Постель-подушечку найдешь,
И там познаешь угощенье
Из рук Жибек без промедленья.
Отвечает хан Хорен,
Захвативший многих в плен:
– Нет, не выйдет, женеше,
Сандалкок мне по душе.
Сяду я – не упаду,
На аулы нападу.
Предназначен Сандалкок
Для мужчин, чей путь далек.
Своею волей Кыз-Жибек
Возьму я в жены без помех.
Отдам коня хоть на день бабе –
Поднимут все меня на смех.

Алкисса, получив отказ, женеше-невестка огорчилась и в слезах вернулась к Жибек. Красавица Жибек выслушала ее и решила сама пойти к хану Хорену. В сопровождении пятнадцати девушек она направилась к ненавистному хану. “Если Всеышний поможет, то моя воля будет выполнена”, – подумала она и посоветовала девушкам:

– Вы, пожалуйста, позаигрывайте со своим будущим жезде-зятем.

Хан Хорен увидел Жибек и потерял голову, ибо он опьянел от ее несравненной красоты.

– Я же просила у тебя коня, почему отказал? – сердито промолвила Жибек.

– Дорогая моя, разве мне жаль коня?! Вот уже два с половиной месяца, как я здесь. А ты за это время ни разу не показалась мне на глаза. Был я в большой обиде. Потому и отказал. Какого скакуна хотела бы иметь, несравненная Жибек?

– Сандалкока!

У каждого из двух знаменитых тулпаров-скакунов Хорена имелись специально изготовленные для них седла. Поэтому на Сандалкока накинули его собственное седло. Пока хан Хорен сам седлал коня, Жибек украдкой взяла спрятанный у постели хана пятнадцативершковый меч и под шелковым плащем прикрепила его к поясу. Когда Сандалкок был оседлан, она быстро вскочила на него, крепко натянула поводья и, в радостном возбуждении осмелев, обратилась к хану:

– О проклятый хан Хорен,
Захватил ты многих в плен,
Жаден ты, где твое ханство?
Знаю я твое коварство.
Иноходца Сандалкока
Ты не сразу, не с наскоку
Уступил сегодня мне –
На твоем сижу коне!
Дал бы мне Всевышний силы,
У свежевырытой могилы
Растоптала б я тебя,
Вместе с войском истребя.
Меч твой в ножнах золотых
Не тяжел для рук моих.

Если Бог поможет мне,
На твоем взлечу коне.
Вникни, хан, в мои слова:
Сгинешь в нашей стороне.
Враг Хорен бесчестный, зря
Корчишь из себя царя,
Глаз твоих не пожалеют
В поле тучи воронья.
Я хочу, чтоб Коксандал
Труп твой грязный растоптал.
Подожди, еще завоешь
Под копытом, как шакал.
Быть твоей я обещала,
А сама о том мечтала,
Как сгублю, как уничтожу
Ненавистного шакала.
Пусть не сразу, не с наскоку,
Но взяла я Сандалкока,
Но вот скачу с твоим мечом,
И все в пути мне нипочем.

Алкисса, слава Всевышнему, хан Хорен не расслышал ее слов, а Жибек вдруг опомнилась и подумала: “Не лишнее ли я сгоряча наговорила?” – и, взяв себя в руки, добавила несколько слов:

– О Всемогущий мой, в пути
За гневные слова прости.
Я преклоняюсь пред тобой,
Смятение в моей груди.
Ты знаешь, что в твоей я власти,
Не умножай мои напасти.

Алкисса, сказав эти слова, Жибек вновь поблагодарила Всевышнего за милость и повернула коня. Чтобы

разгорячить Сандалкока, она начала огромными кругами скакать у ставки хана.

Увидев это, хан Хорен не на шутку испугался, как бы разгоряченный тулпар не сбросил красавицу Жибек. Он немедленно оседлал знаменитого коня Казмойына и, сев на него, выехал к Жибек.

– О Всемогущий, япырмай!
Эй, скакуна не подгоняй,
Зря вскачь пускаешь Сандалкока,
Так и до горя недалеко!
Кыз-Жибек – моя жена,
Гляньте, люди, – как стройна!
Но с лихого Сандалкока,
Люди, свалится она.
Я – хан Хорен, к тебе спешу,
Я умоляю, я прошу:
Осторожней погоняй
Сандалкока, япырмай!

Алкисса, Жибек увидела приближающегося к ней хана Хорена и подумала: “Если он надумал что-то предпринять против меня, то я должна заставить его забыть об этом”. Жибек повернула коня ему навстречу и сказала:

– Эй, повелитель, из скольких поколений состоит ваше ханство? Вы приняли ханство по наследству или же стали ханом самовольно?

– Семь поколений насчитывает мое ханство. Я – хан седьмого колена!

– Тогда вы не хан, а, извините, гниль земная. Ханы не бывают такими. Если вы хан благородных кровей, то почему подобно слуге или рабу вы приближаетесь ко мне во время кочевья? Езжайте вперед, разбейте шатер и ждите меня. А я прибуду во главе своего коша.

– Следовать за тобой я не собираюсь, – ответил глупый

хан Хорен, – но предостерегаю тебя, что тулпар Сандалкок может разгорячиться и сбросить тебя. О несравненная Жибек, а меч мой все-таки верни.

– Вот в чем твоя глупость, хан Хорен. Я все это делаю, чтобы припугнуть окружающих. Хочу, чтобы они быстрее пропустили нас.

Хан Хорен поверил Жибек и сказал на прощанье:

– Хорошо, я еду вперед, только ты не позднее сумерек верни моего коня Сандалкока и мой пятнадцативершковый меч.

Жибек повернула коня и спокойно поехала в свою сторону. Там она увидела, что младшая невестка-женеше везет ее саукеле. Вспомнив пословицу: “Взгляд девичий примечает все красивое на свете”, она обратилась к ней:

– За перевалом перевал,
На перевале ветра шквал.
О айналайын женеше,
Ведь ты одна мне по душе,
Подойди ко мне поближе,
Я и словом не обижу,
Да не разнесет молва
Сказанные мной слова.
Мое доверье оправдай,
Саукеле примерить дай:
Сегодня ль, завтра ль – все равно
Его надеть мне суждено.
Пусть прежде всех на мне твой взгляд
Оценит свадебный наряд.

Саукеле она берет
И его на клочья рвет.
И камни дорогие сняв,
Их в карман себе кладет:
– О айналайын женеше,
Ведь ты одна мне по душе.

Передо мною долгий путь,
Рыдания теснят мне грудь.
Дай силы мне, о Всемогущий,
С пути-дороги не свернуть.
Боюсь, настигнет хан Хорен,
Чтоб взять меня рабыней в плен.
Должна с тобой проститься я –
Задерживаться мне нельзя.
Прощай, родная женеше,
Ведь ты одна мне по душе.

– Красавица моя Жибек,
Я не предам тебя вовек,
Да будет резв твой конь лихой.
Желаю счастья, светик мой!
Я Всемогущего молю,
Чтоб ты была в чужом краю
И счастлива и весела,
С единоверцами жила
И чтобы у врага в плену
Ни разу в жизни не была.
Ты в сердце тайну не держи,
В аул чей едешь, расскажи.
– Оседлала я коня,
Меч Хорена у меня.
Младший брат Ер-Тулегена
Сансызбай ждет у ручья.
Рабой Хорена мне ли быть!
И мне ль постель ему стелить!
Его смердящее дыханье
Должна ль спокойно я сносить!
Нет, пусть наш враг Хорен умрет,
Смерть в стороне моей найдет.
Поведай матери моей,
Что я во всем покорна ей,
Но ненависть моя к Хорену

Дочерней робости сильней.
Пускай отец меня простит,
За своевольность не корит –
Могу ль я поступить иначе?..
А женеше ей говорит:
– Я плачу, свет очей, Жибек,
Мы расстаемся не на век,
Ер-Сансызбаю передай
Благословение от всех.

Взял Сандалкок-тулпар разбег,
И в миг исчезла Кыз-Жибек.

Сансызбай с Шеге все ждут
И мыслью одной живут,
Что Жибек вдали вот-вот
На коне лихом мелькнет.
Ствол раздвоенный оседлав,
Коней к развилке привязав,
Ждут, глядя вдаль из-под руки
На берегу Жаик-реки.
И видят – мчится к ним она,
Камчой стегая скакуна.
И конь летит, глаза горят,
Узда с надгрудником звенят,
За поворотом поворот,
Течет обильно жаркий пот,
Гудит протяжно и гремит
Земля под тяжестью копыт.
И вот подъехала она
И, скачкою возбуждена,
Спешилась и поклонилась –
Знать, слову своему верна.

Благословили все Аллаха,
Пророков, предков, аруаха,

Что их сердца соединились
Не к этому ль они стремились?
Вновь на коней они садятся,
Друг друга обогнать стремятся,
Но Сандалкок все ж впереди –
Ни обогнать, ни обойти.
И это Кыз-Жибек смущает,
Она джигита понимает
И Сандалкока Сансызбаю
Великодушно предлагает.
Но отказался Сансызбай:
– Поводья мне не отдавай,
Всевышний, верю, мне поможет,
Чтоб твоего коня стреножить.

Алкисса, тем временем наступили сумерки. Напрасно ждал хан Хорен у своей стоянки Кыз-Жибек и Сандалкока. Потеряв терпение, хан Хорен послал гонца узнать, где Жибек. Гонец прибыл и сообщил:

– Жибек уехала на Сандалкоке.

Хан вновь послал гонцов. Они прибыли с таким же ответом.

“Мы видели, как сам хан Хорен отправил Жибек на Сандалкоке в свои владения, – думали гонцы. – Зачем же он скрывает это от нас и чем мы можем помочь?”

Хан Хорен пришел в ярость, собрал все войско и сам прибыл в аул хана Сырлыбая.

И на ноги поднял весь стан,
Разбушевался Хорен-хан:
– Найти немедленно коня,
Дождетесь кары от меня!
В аул Шекты приехал он,
Детей, старух собрал на склон,
Крича, он стал им угрожать:
– Я всех вас захвачу в полон!

И плачут люди там и тут,
И милость божью люди ждут.

Алкисса, пусть хан Хорен был разгневан и силен, хан Сырлыбай не счел нужным самому унижаться перед неверным и послал визиря Каршыгу:

– Объясни хану, что он не прав.

И тут выходит Каршыга,
Ведь его должность высока.
Без колебания, без страха
Призвал на помощь аруаха
И говорит Хорену он,
На поминальный выйдя склон:
– Отвечаю я за всех,
Отправили вы Кыз-Жибек
На Сандалкоке-скакуне,
Так почему – не ясно мне, –
Попусту крича на нас
В столь неподходящий час,
Вы, хан, по следу Сандалкока
Не мчитесь в сторону востока?
Мы ли спрятали Жибек?
Отвечу я один за всех,
Что Кыз-Жибек в ауле нет,
Найдите Сандалкока след.
Умерьте пыл свой, господин,
За всех в ответе я один,
Вы силу знаете свою,
Хан, это я вам говорю,
Вначале убедитесь вы,
Чтоб не было людской молвы.
Нет слов, вы хан и ваше ханство
Не знает вражьего коварства.
Вы тулпара Сандалкока
По просьбе, может быть, с наскока

Отдали – нашей нет вины,
И отвечать мы не должны.
О всемогущий Хорен-хан,
Не трогай мирных аулчан,
Следы оставил Сандалкок,
По ним спешите на восток.
Вот что я вам говорю –
Ведь вы мой будущий зятек.

Алкисса, хан Хорен был обескуражен этим ответом и промолвил:

– Куда бы она ни поехала, я узнаю след моего Сандалкока, каждое копыто которого оставляет за собой вмятину величиной с потухший очаг. По этому следу я найду Кыз-Жибек в любое время.

Хан Хорен вернулся в свой шатер и утром вместе со всем войском начал поиски следа Сандалкока. Чтобы аул хана Сырлыбая никуда не откочевал, он взял в качестве заложников двадцать молодых джигитов во главе с Каршыгой. А войско хана Хорена насчитывало три тысячи всадников. Хан Хорен разделил свое войско на две части, ибо он увидел у перевала Мойынасу след Сандалкока, а рядом были следы других коней. И они уходили в разные стороны. Шесть дней они гнались за беглецами, но не настигли всадников, а видели только след Сандалкока. Тут хан Хорен решил продолжить погоню один:

– Я догоню их, кто бы они ни были. Верну Сандалкока и возьму Жибек в жены. Если же мне одному не удастся это сделать, буду ждать вас, и мы вместе нападем на них.

Хан Хорен оставил часть своего войска и джигитов во главе с Каршыгой, а сам, сев на Казмойына, воскликнул “чу-у” и пустил коня вскачь.

Скачет, скачет Хорен-хан,
Враг окрестных аулчан,
И проклятья изрыгает,

Как разгневанный кабан.
За перевалом перевал
Конь-иноходец миновал.
И брызжет пена изо рта
При скачке с горного хребта.
За поворотом поворот,
Течет обильно жаркий пот.
И на одиннадцатый день
След Сандалкока предстает.

Вот сердцем чувствует Жибек,
Что вновь сопутствует успех
Ненавистному ей хану:
“Неужель рабыней стану?!”
И молит Бога, чтобы он
Вновь хану не отдал в полон.
Ер-Сансызбай остановил
Коня, решив набраться сил,
Врага он начал поджидать,
Готов он смертный бой принять.

А Кыз-Жибек, Шеге-акын
Вот миновали склон один.
И вот, поводья Коксандала
К груди прижав, Жибек сказала:
– О всемогущий мой Алла,
Ведь никогда я не была
Женой-рабынею Хорена,
Избавь от вражьего нас плена.
И в сторону Кублы лицом
Встав, повернулась и потом
Вновь молитву продолжала,
Сидя на коне верхом:
– Неужели смерть близка,
Неужель жизнь коротка?
Из жизни неужель уйду

По воле мерзкого врага?
Всевышний, милость ниспошли
Мне посреди родной земли!
Поддержи меня,
надежду
В моем ты сердце посели.
Всевышний, будь же добр ко мне,
Будь на моей ты стороне
И Сансызбаю помоги,
Чтоб он остался на коне.
И посылает милость им
Всевышний – всадникам троим.
Потерпите, и поймете,
Что каждый Богом был храним.

Вот настигает Хорен-хан,
Гроза окрестных аулчан.
И, проклятья изрыгая,
Говорит он Сансызбаю:
– Вижу, молод ты и юн,
И пройдет немало лун,
Прежде чем ты победишь,
И зря ты пламенем горишь.
На что надеешься? Я хан,
Гроза окрестных аулчан,
И мне сопутствует успех,
Знай, что моя жена – Жибек.
Куда отправил ты ее?
Готовь ты стрелы и копье
Для схватки, юноша, со мной –
Я поражу тебя стрелой!
– Ты – хан Хорен – передо мной,
Я – юноша – перед тобой.
И я по роду знаменит,
И слава обо мне гремит.
И в поисках невесты я
Мчал на коне, ее найдя,

Всевышнего молил, чтоб он
Привел в родимые края.
Тебя увидев, хочу знать –
Куда намерен ты скакать?
И, если правоверный ты,
Хотел бы другом твоим стать.
Ну а если враг ты мне –
Не удержаться на коне:
Я к праотцам тебя пошлю,
Чтоб не видать в родном краю.

И отвечает Хорен-хан,
Гроза окрестных аулчан:
– За перевалом перевал,
На перевале ветра шквал.
Послушай, юноша-джигит,
Хоть ты по роду знаменит,
Мне право первого дано
Стрелять из лука, – говорит.
Ер-Сансызбай вооружен,
Но первым не стреляет он
И просит, чтоб ему пророк,
Под защиту взяв, помог.
И, сидя на коне, стал ждать,
Ведь он не баба, чтоб бежать.

Вот запускает Хорен-хан
Всю пятерню в большой колчан,
Стрелу острейшую берет
Гроза окрестных аулчан.
Шайтан поможет и врагу,
Вот согнут лук тугой в дугу.
Миг! – и вот стрела взлетела,
Полетела-засвистела,
И о том, что смерть близка,
На пути своем пропела.

В девятислойную кольчугу,
Что обвила джигита туго,
Стрела вонзилась и пробила
За слоем слой – такая сила!
Джигита спас девятый слой,
Преградой встав перед стрелой.
И был кольчуги крепок ворот,
Да этою стрелой распорот.
Всевышнего благодарит
Ер-Сансызбай, что не убит.
Стрела ведь с силою такой
Пронзить могла б девятый слой,
Но духи крепче многих стен:
Гаук, Гаяз, кырык шелтен
Преградой встали, помогли,
Смерть от джигита отвели.

– Не посрами меня, Всевышний,
Святые духи, вы услышьте,
Впервые я врага встречаю,
Я из колчана вынимаю
Острейшую из всех стрелу,
В неверного я запускаю.
Всевышний мой, храни меня,
Исчезну ль на исходе дня?
Хорена-хана истребив,
Вновь буду полон счастья я.
В твоих руках моя судьба,
Ты своего прости раба,
Будь благосклонен ты ко мне:
Убью врага наедине!

И вот из колчана берет
Стрелу он острием вперед,
Натягивает тетиву,
Чтобы стрелу пустить в полет.

Миг! – и вот стрела взлетела,
Полетела-засвистела,
И о том, что смерть близка,
На пути своем пропела.
Пронзает хану грудь стрела,
И вся насквозь его прошла,
Вдали бугор разворотив,
И корни дуба обнажив,
И встречных птиц к земле прибив,
И вражьей кровью окропив,
По оперение вошла
Во глубину земли стрела.

С седла свалился Хорен-хан,
Гроза окрестных аулчан.
– Далай-лама-лама-лох! –
Испустил последний вздох.
Хан Хорен в траве лежит,
Рядом Казмойын стоит.
Шеге-акын и Кыз-Жибек
Судьбы приветствуют успех
И поздравляют Сансызбая –
Да продлится его век!
Вот так сражен был Хорен-хан –
Гроза окрестных аулчан.
Прошло еще немного дней,
И, к цели доскакав своей,
Три всадника остановили
Своих измученных коней.
В честь Жибек и Сансызбая
Сорок дней не утихая
Длился той. Отец и мать
Не желали пир кончать.
От счастья плакали они,
И – птицами летели дни.

Благосклонен был Создатель к молодым,
Подарил немало дней счастливых им.
Но увидела Жибек однажды сон.
Сансызбаю говорит: – Что значит он?
Стаю воронов я видела во сне,
Но явился грозный сокол в вышине.
Истребил воронью стаю сокол мой,
Стих вороний грай в родимой стороне.

Алкисса, Сансызбай отгадывает сон:

– Войско вражье прибывает к нам сюда...
Успокойся – не такая уж беда.
Быстрый сокол, истребивший всех ворон, –
Это я, созвав людей со всех сторон.
Молвив это, Сансызбай джигитов взял,
Войско крепкое из них образовал
И оставшиеся силы Хорен-хана
В битве равной истребил и разогнал.
Друг на друга трупы вражьи он сложил,
В плен оставшихся пришельцев захватил.
Там джигитов правоверных было двадцать,
Он почетом их и лаской окружил.
Каршыга ведь возглавлял джигитов тех,
От Хорена увести хотел он всех
И, о смерти хана глупого узнав,
Сансызбая он приветствовал успех.
Молвил он: – Врагов там много позади,
В сырлыбаевский аул, что по пути,
Их увел я, чтобы хан без войска пал,
Войско скрылось, даже следа не найти.

Алкисса, Сансызбай в течение нескольких дней угощал Каршыгу как самого дорогого гостя. Затем он взял с собой двухтысячное войско и вместе с Каршыгой прибыл к оставшемуся войску хана Хорена, которое окружило аул

хана Сырлыбая. Напали внезапно глубокой ночью и, всех перебив, освободили аул хана Сырлыбая.

Сансызбай догнал, и в схватке честной он
Сокрушительный нанес врагу урон.
Тысяч пять нукеров вражьих истребил
И въезжает победителем на склон.
От врага он спас окрестных аулчан,
Всем таким батыром быть – завет был дан.
Победив врага, в Шекты въезжает он,
Сырлыбай, что ханской свитой окружен,
Сам навстречу Сансызбаю поспешил
И отвесил избавителю поклон.
Белокошменную юрту воздвигают,
Сансызбая в эту юрту приглашают.
В пышных пиршествах два месяца прошло,
Да соскучилось по всаднику седло.
На восьмидесяти нарах по бокам –
Груз приданого плывет, как по волнам.
Золотая юрта, девять вороных,
Колесница вся в узорах расписных.
Представители родов Шекты идут,
Будто заново дочь замуж отдают.
Только пиршества три месяца прошло,
Всех на той сорокадневный вновь зовут.

СЛОВАРЬ

Айбалта – секира.
Айналайын – ласкательное обращение.
Айтыс – песенное состязание.
Акын – певец-импровизатор. В настоящее время это слово употребляется для обозначения понятия “поэт”.
Алкисса – присказка.
Али – имя одного из пророков.
Аруах – дух.
Ассаламалейкум – приветствие.
Асыки – детская игра в овечьи бабки.
Аткаминер – воин, всадник.
Баба тукты, Шашты Азиз – святой старец, традиционный персонаж казахского фольклора, один из восьмидесяти пророков; в эпосе покровительствует бездетным.
Багауддин – имя одного из пророков.
Байбише – старшая жена; пожилая почтенная женщина.
Батыр – богатырь.
Бикеш – красавица.
“Далай-лама-лама-лох” – от монгольского “далай” (“море мудрости”) и “лама” – тибетского “высший”. Титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете. В данном случае – “О Всевышний мой!”
Дастархан – набор национальных блюд для угощения.
Гарыш, Галам, Гаук, Гаяз – имена пророков.
Гаиып иран, кырык шелтен – пророки и святые духи.
Ер – храбрец, отважный.
Жал – подгривный конский жир.

Жая – конский огузок.
Женге, женеше – жена старшего брата или родственника.
Жырши – исполнитель народных песен и эпических сказаний, певец и сказитель.
Жусуп (Юсуф) – мусульманский вариант имени библейского Иосифа Прекрасного.
Жануар – животное.
Зем-зем – святая вода.
Зулейха – героиня широко распространенной в мусульманском мире легенды о Юсуфе.
Зулжалел – имя одного из пророков.
Исфагань – город в Иране.
Калым – выкуп за невесту.
Камбар – древнее божество, связанное с культом воды, существовавшим в Туркестане, покровитель скота.
Кереге – нижняя решетчатая часть остова юрты.
Кенже – младший ребенок в семье.
Коржун – сыромятная сума.
Кош – кочевье, стоянка при откочевке.
Кун – выкуп.
Курсын – имя одного из пророков.
Кызыр Ильяс – Илья-громовержец.
Кублы (Кубыла) – направление в сторону Мекки.
Кокжорга – серый иноходец.
Корпе – одеяло.
Лейли – героиня восточного фольклора и многих литературных произведений; возлюбленная Меджнуна.
"Ля Иллахи ил Алла" – изречение из Корана, соответствующее: "Нет Бога кроме Аллаха".
Меджнун – буквально: одержимый, безумный, герой легенды и многочисленных литературных произведений о Лейли и Меджнуне, символ страстного, несчастного влюбленного.
Мырза – господин.
Лаук – имя одного из пророков.
Нар – одногорбый верблюд.

Наурыз – у многих народов Востока праздник обновления природы (22 марта).
Нияз – имя одного из пророков.
Нукер – всадник.
Отау – домашний очаг.
Падишах – царь.
Пери – мифические существа в образе прекрасных крылатых женщин, охраняющие людей от злых духов.
Саукеле – женский свадебный головной убор.
Суюнши – подарок за добрую весть.
Сумбуле – Сириус.
"Таукель Алла!" – изречение, букв.: "С Богом!"
Той – пир, пиршество, праздничное угощенье.
Тулпар – крылатый конь, лучший из скакунов.
Тундик – полог со специальным веревочным приспособлением, покрывающий шанырак юрты.
Фатима, Биби-Фатима – единственная дочь основателя Ислама Мухаммеда, жена четвертого "праведного" пророка Али.
Хазрет – господин, лицо имеющее сан священнослужителя.
Шайтан – черт, дьявол, сатана.
Шанрак (шанырак) – деревянный обруч, служащий одновременно сводом, дымоходом, окном юрты. Символ семейного счастья.
Юрта – переносное куполообразное войлочное жилище.
Япырмай – букв. "О Господи!"

ПОЭМА “КЫЗ ЖИБЕК”
В ПЕРЕВОДЕ Б. КАНАПЬЯНОВА

1. Кыз Жибек (фрагменты) // Простор (Алма-Ата). 1985. № 11.

2. Кыз Жибек (полный перевод) / Илл. А. Дузельханова // Алма-Ата: Жалын, 1988.

3. Ежегодный выпуск “Кыз Жибек” (фрагменты) // Казахская литература. Сост. Х. Адибаев и др. Алматы: Мектеп, 1988–2000.

4. Ежегодный выпуск “Кыз Жибек” (фрагменты) // Казахская литература: 5-й класс. Учебник-хрестоматия. Сост. К. Н. Сариева и др. Алматы: Жеті жарғы, 2000–2006.

5. Канапьянов Б. Над уровнем жизни: Избранное. Москва: Худ. лит., 1999. [Полный перевод поэмы “Кыз Жибек”].

6. Джилкибаев Б. Вопреки сумасшедшему времени. Алматы: Жибек жолы, 2002. [Фрагменты поэмы “Кыз Жибек”].

7. Кыз Жибек (полный перевод) / Илл. А. Дузельханова. Алматы: Мектеп, 2003.

8. Кыз Жиебек (полное переложение на польском языке через русский перевод Б. Канапьянова). Пер. польский поэт Марек Вивжкевич. Варшава, 2008.

СВЕТ КОЧЕВОЙ ЗВЕЗДЫ

В произведениях Бахытжана Канапьянова горы, река, деревья или ветка яблони всегда антропоморфны. Часто их человеческое начало дополнительно подчеркивается человеческим же поведением («Плач смуглой луны») или контактами с миром людей («Горные вершины дышат в окно...»).

Сам по себе такой прием, понятно, не нов в литературе. Интересным он становится в сочетании с тем же человеческим началом, которое закладывается в его основу.

И здесь я бы отметил еще одну немаловажную особенность творчества Бахытжана Канапьянова: существенную роль у него играет еще и фантастическое начало. Оно не бывает самоцелью, подспорьем развлекательности и тому подобным. Фантастическое преодолевает и продлевает реальность так, чтобы обострить, раскрыть, вытащить ее боль и нерв.

Фантастический ряд позволяет ощутить скрытую, темную или светлую, суть бытия. Вот, например, стихотворение «Валун»:

Принес его с вершины дальней сель,
И он внизу примял собою ель.

И после зноя в полуночный час,
Росою свою пылкость охлаждая,
Не на виду лежит,
Не напоказ,

А в полутьме угрюмо ожидает
Нашествия
С вершин небесных глыб
(Сейчас они обрушатся на город…)

Не жди, валун.
Ведь ты для них погиб.
Вперед нельзя, и не вернуться в горы!

Здесь игра фантазии, заключенная в строгие рамки сознания, многопланова. Контрастные краски летнего пейзажа вызывают соответствующее времени года настроение. И невольно возникают ассоциации, ведущие от природы к человеческой жизни, судьбе.

Они могут быть разными. Это может быть аллегорический образ человека, отвергнутого обществом, или образ вражеского лазутчика, спустившегося с отвесных круч, но попавшего в долине в западню и теперь ждущего нашествия своих полчищ варваров времен каменного века.

А может быть, валун представлен здесь автором в образе инопланетянина… Главная и интригующая воображение деталь заключена в конце стихотворения:

Не жди, валун.
Ведь ты для них погиб.
Вперед нельзя и не вернуться в горы.

Подчас фантастическое у Бахытжана Канапьянова загадочно. Стихи его вообще не стремятся к единичности возможных толкований. Этот принцип их создания прежде всего восходит к свободе – свободе читательского восприятия, суждения, взгляда.

Образ мира, созданный поэтом, всегда заключает в себе некую тайну, давая простор фантазии, космосу души.

И это неспроста. Бахытжан Канапьянов – не только гражданин независимого государства Казахстан, он – пол-

ноправный гражданин Вселенной. Почти в каждом его произведении мы находим откровение, формулировку одного из законов ноосферы, нового мирового мышления. Делается им это совершенно по-особенному: иронично и в то же время предельно серьезно; смешно, даже вроде как легкомысленно, но за этим стоит поражающая философская многосложность. Подобное сочетание рождает ощущение чего-то терпкого, экзотического, и в то же время чувствуешь, что это нечто предельно родное, близкое, простое – как вкус молока матери для младенца.

«Когда солнце начнет скрываться за гору,
когда лягут от елей на длину копья тени
и, как черные перья, падут на тропу,
тогда приходи к дереву,
там
ствол выщерблен молнией.
Я ждать тебя буду,
моя белая горлинка».

Может, так назначали встречу влюбленные
в племени саков в былом.
(«Когда солнце начнет скрываться…»)

Бахытжан Канапьянов умеет находить, умеет видеть романтическое в природе и в жизни, в истории, в человеческих делах и чувствах. И умеет будить романтическое в читателе, ибо, надо полагать, он уверен, что «почти всякий человек – романтик» (Виссарион Белинский). У Бахытжана Канапьянова есть изумительные строки, овеянные очарованием красоты природы, любимого города, зеленых ночей, девушки:

Угрюмы вершины своей сединой,
И горы вдоль города встали стеной.

И месяц, над городом вскинув рога,
Купает в запруде всю ночь двойника.

Прохлада ночная, цвета фонарей,
И мост над арыком, и ряд тополей.

Фонтан ли смеется? – Алмаатинка.
В глазах ее тает горная льдинка.
(«Угрюмы вершины своей сединой…»)

А вот стихотворение «Тюльпаны»:

Упруги,
Быть может,
от влаги,
Но лепестками
лакмусовой
бумаги

Краснеют
В растворе
Воздуха
От ласки
Озябших
Рук.

Мертвый сезон
В доме отдыха.

Горы.
Тюльпаны.
Юг.

Стихотворение, написанное в стиле модерн, очаровывает, как ни странно, реалистичностью сугубо современно-технологических деталей («лепестками лакмусовой бумаги краснеют в растворе воздуха») и романтичностью свеже-

го импрессионистического взгляда («краснеют… от ласки озябших рук»). Вот такая удивительная связь.

Но прежде чем, как сказал великий русский писатель Федор Достоевский, «красота спасет мир», необходимо все-таки спасти саму красоту. И снова – раздумья о красоте, смыкаясь с темой преодолеваемого одиночества, приводят человека к тому центральному месту в мироздании, которое так характерно для творчества Бахытжана Канапьянова:

Мне неведомо, кто разжег одинокий костер вдалеке,
Мне также неведомо, где усталое солнце садится,
Мне бы понять, что ветер-пастух
к притихшей выходит реке
И что черные крылья расправляет
над берегом птица.
Что тень этих крыльев небесных ложится
вдали меж холмов,
Вновь настигая отару, плывущую вдоль по ущелью,
Что дышит ночная прохлада в раскрытые окна домов,
Спящую тронув листву,
замирает над детской постелью.
(«После заката»)

Об этом же говорит поэт в лирической исповеди «К истокам», вспоминая слова писателя Чингиза Айтматова, который так рассуждал о своем романе: «…я не просто представитель определенной национальной литературы, я обязан сказать нечто большее.

В этом смысле «нечто большее» я попытался сказать в новом произведении, в романе «И дольше века длится день». Сейчас, когда книга уже написана, я испытываю потребность поразмышлять над тем, что, собственно, явилось для меня путеводной звездой.

Писатель не может четко сформулировать, о чем его сочинение. Ему всегда кажется, что недостаточно слов, чтобы выразить всю полноту замысла. И все же попытаюсь.

Сокровенная мысль моего романа не нова, но и неизбывна: *главная суть и ценность мироздания – человек*».

Здесь мысль киргизского прозаика и мысль казахского поэта пересекаются. Только Бахытжан Канапьянов находит в философском осмыслении человека и природы свой поворот. Человек у него нередко показан в состоянии критическом, далеком от светлой успокоенности, – природа сама тянется к человеку, пытается найти с ним общий язык. Вот и звезда, данная лирическому герою в утешение, – не просто красивая деталь пейзажа. Это по сути родственная ему в мироздании душа, стремящаяся понять и его, и всех живущих на Земле.

Вздохнув, смахну слезу, невидимую миру,
И сквозь людской поток я побреду туда,
Где ветерок любви озвучивает лиру
И в сети леса в ночь моя плывет звезда.
Мне в сказочном лесу никак не заблудиться,
Я улыбнусь тому, чему названья нет.
И листья шелестят,
И шелестят страницы,
Из книги бытия глубинный льется свет.
(«Вздохнув, смахну слезу...»)

Нет, не чуждые, холодные миры окружают нас – верит поэт, человеческий опыт не безразличен Вселенной.

Бахытжана Канапьянова волнует тайна бытия, о которой Гарсиа Лорка писал: «Только тайной мы живы, только тайной...» Его интересует мир прежде всего во всей пантеистической целостности, он ощущает себя равноправной частицей всего сущего. Когда он говорит:

Веселая мысль витала
В пространстве земном – неземном, –
(«Веселая мысль витала...»)

это не метафора, а реальное действие.

И мы не можем не согласиться с Бахытжаном Канапьяновым, что мир, окружающий нас, полон загадок и нераскрытых пока тайн. Вот меня, например, не покидает ощущение, что на Земле уже была высокоразвитая цивилизация, однако она погибла. О ней рассказывается в легендах и сказках многих народов мира. Но, кроме сказок и легенд, существуют и исторические реалии, подтверждающие это. Достаточно обратить внимание на следующий факт. В четвертом веке (в 387 году) до нашей эры Платон, ученик Сократа, обосновал в Афинах Академию платоновскую, и вот в одном из сочинений он рассказывал о людях, прикованных цепями в пещерах, которые смотрели представление мелькающих теней. Это удивительно похоже на современное телевидение. Ведь сейчас люди так же, словно прикованные цепями, не отрываясь, часами смотрят на телевизионную белиберду, постепенно превращаясь в зомби, запрограммированных, дистанционно управляемых существ.

Не правда ли, загадочное совпадение? И здесь, как нельзя кстати, надо отметить, что искусство не меньше науки участвует (по крайней мере, должно участвовать) в разгадке тайн мироздания. Еще Валерий Брюсов утверждал, что «искусство, в частности поэзия, есть акт познания... конечная цель искусства та же, как науки, – познание».

Там, где поэзия не дает ответа, она вызывает жажду познания. В этом смысле вопрос в искусстве самоценен.

Зачем же я, песчинка во Вселенной,
Памятью многовековой живу?
Зачем же я, былинка жизни тленной,
Всесильным существом себя зову?
Зачем же я зову дорогой верной
Весь этот путь? – Во сне иль наяву,
Пройдя нелицемерную канву,
Он сутью обнажится лицемерной.
Мучительные вечные вопросы...

(«Поэт и обыватель»)

И они становятся еще мучительнее от сознания, что на них нет ответа. Однако они побуждают не только к пристальному вниманию, но и к вчувствованию в жизнь.

У вечных вопросов есть, видимо, такая особенность: с годами они не только не притупляются, а жгут душу еще сильнее, особенно души тех, кто жаждет гармонии вопреки всему, что пытается ее разрушить. Вот и у Бахытжана Канапьянова рождаются такие строки: «Идите в степь... предстаньте перед звездами... свою звезду найдите там сквозь слезы».

«Свою звезду найдите» – опять призыв к поиску родственной души во Вселенной. Поэт стремится во что бы то ни стало раскрыть тайну жизни, тайну мироздания, тайну судьбы...

Есть некая тайна в природе,
Что светит за далью ночной, –
(«Мне мудрое солнце под вечер...»)

убеждает он.

Поэт чувствует в себе не только жажду познания, но и силу ее:

Я чую подземные воды,
Дыхание жизни сквозь мрак...
(«Я чую подземные воды...»)

Он живет ожиданием встречи с разумным существом, подобным себе по облику и мироощущению, с другой планеты:

Тебя не зная наяву,
Твое я чувствовал дыханье.
Дышала почва сквозь траву,
Небесный облегая камень.

И, к месту встречи подойдя,
На листьях пробудившейся березы
Вижу я не капельки дождя –
Пришельца человеческие слезы.
(«Встреча с инопланетянином»)

Поэт Земли, степной кочевник, Бахытжан Канапьянов мечтает о дружбе с внеземным братом:

Слово молвит по разуму брат:
– Планетарий мой – пролетарий.
Во Вселенной кочевье мое,
Под ногами космический гравий…
Дай мне руку,
отбросив копье.
(«Обратная перспектива»)

Основная, едва ли не главная направленность мысли от Земли к небу и от неба к Земле – важнейший признак поэзии Бахытжана Канапьянова.

И надо отметить, что в своем отчаянно смелом поиске начала человеческой жизни в космосе поэт не одинок. Достаточно вспомнить крупнейшего современного академика Владимира Ивановича Вернадского, который был сторонником идеи вечной жизни, объединяя космос и жизнь в единое и неразрывное целое. Он считал живое на Земле *порождением* только живого же, самим живым созданным. Именно поэтому он столь высоко ценил так называемый «принцип Реди», сформулированный еще в 1668 году итальянским врачом и естествоиспытателем Ф. Реди: «Все живое происходит только из живого».

Этой же мысли придерживался и «отец космонавтики» Константин Эдуардович Циолковский, утверждавший, что человек – существо космического происхождения. Он написал удивительную статью «Животное космоса», где

есть такие строки: «Сияющая разумная сфера, как растение, питается светом и легко перемещается во Вселенной. В условиях Земли «сфера» нуждается в мощной защите ее мускулов, костей и жил. Она упрятана в черепную коробку, максимально спрессована – это мозг; она защищена скелетной решеткой и предельно сжата в груди – это сердце».

Согласитесь, что высказывания такого порядка интересны. И они не единичны. Послушаем еще одно рассуждение: «Несомненно, что главным возбудителем деятельности Земли являются излучения солнца… Великолепие полярных сияний, цветение розы, творческая работа, мысль – все это проявление лучистой энергии солнца». Эти слова сказаны поэтом и ученым Александром Чижевским в начале XX века.

Человек, по мысли А. Чижевского, – это сгусток солнца:

В живом, где грузный пласт
Космической руды,
Из черной древности
Звучишь победно ты, –

где «космическая руда» – кровь в наших жилах.

Кровь в наших жилах, действительно, как выяснилось сегодня, космического происхождения: железо, дающее крови алую окраску, образуется в космосе.

И что самое, пожалуй, любопытное, это то, что в творческой деятельности интеллекта А. Чижевский видел проявление космической деятельности, и в этом он вплотную смыкается с академиком В. Вернадским, которому принадлежат слова о том, что литература есть *«космос, преломленный в сознании живого существа»*.

Для А. Чижевского, К. Циолковского, В. Вернадского *духовная деятельность человека* – это *явление космического порядка, одна из высших реальностей космоса.*

Бахытжан Канапьянов тоже рассуждает на эту тему, но только по-своему:

> *Предназначение человека написано на небесах. Оно должно сопрягаться с биением твоего сердца, с твоими мыслями.* Не разделяя на границы государства и нации, надо принимать человечество как образ всемирного кочевничества, космополитизма. Он будет главенствующим в мире, потому что телекоммуникации, Интернет позволяют, не выходя из дома, говорить со всем миром. А чем хуже или лучше люди, живущие в Австралии, людей, живущих в Казахстане, России, на Кавказе или в Америке? У каждого разные возможности, разное воспитание, но идея должна быть одна: мир и равенство. И в этом где-то есть и суть поэзии. Чтобы Вселенная, которая у каждого ребенка начинается с родного очага, там же не завершалась.
>
> («Комсомольская правда». 3 декабря 1999 г.)

Да, Бахытжан Канапьянов воспринимает человечество как образ всемирного кочевничества, мироздание как дом не только для людей, но и для всех живых существ, его населяющих.

Мне бы чайку Джонатан в подруги,
За пределы сферы перейдя,
Невесомость впитывать в испуге
И снимать всю тяжесть бытия.

Мне Земля мала для этих странствий,
Я в полете воплощусь в стихи…
(«Я кочевник с авиабилетом…»)

Воплотиться в стихи – это прекрасно. Ведь сам поэт утверждает:

Стихи сработаны из звездного вещества (как не вспомнить В. Вернадского: литература – космос, преломленный в сознании человека). Стихи призывают к познанию самого себя, к тому, чтобы строить человечество нового мира. Они возвышают над обыденностью (то есть над уровнем бытия, жизни. – *Примеч. выше и здесь В. М.*), чтобы одноцветная контурная карта будней засветилась ярчайшими подлинными красками действительности.

Жизнь будет полна прелести, если состоится гармония великой триады: Земля – Космос – Человек. Душа лирического героя в поэзии Бахытжана Канапьянова стремится в космос, на свидание с внеземным братом. Но что несет ему, брату по разуму, человек?

Мы знаем, к примеру, что магнитные бури на Солнце влияют на душевное и физическое состояние человека. А как влияет человеческая мысль на жизнь космоса? Ведь не секрет, что прогресс в получении и использовании энергии привел к осуществлению на Земле преобразований, достигающих галактических масштабов. По сути, человечество сейчас обладает возможностью вмешиваться в естественно-природные планетарные процессы, имитируя приложение энергетических потоков космического и теллургического (земного) происхождения.

Человек испокон веков, сам того не понимая, боролся с дружеским ему Космосом в лице природы. Разрушая природу из столетия в столетие, причиняя непоправимый вред Вселенной, он считал себя победителем над силами стихии. Однако сам «победитель» оказался жертвой своей же силы: научно-технический прогресс, которым столь гордилось общество, оказал ему плохую услугу. Сбылись слова французского естествоиспытателя Жана Батиста Ламарка, который еще в 1820 году, как бы предвидя экологическую катастрофу, писал: «Человек, ослепленный эгоизмом, становится недостаточно предусмотрительным даже

в том, что касается его собственных интересов: вследствие... беззаботного отношения к будущему и равнодушия к себе подобным он как бы способствует уничтожению средств к самосохранению и тем самым – истреблению своего вида». Горькие мысли Ж.-Б. Ламарк заканчивал с печалью: «Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания».

Но голос великого француза не был услышан, зато в полной мере воспринят другой – «не ждать милостей от природы».

А потом были Чернобыльская катастрофа, экологические бедствия на Арале, в Кыштыме, Усть-Каменогорске, на полигонах Семипалатинска и Новой Земли, исчезновение многих видов растений, птиц, животных.

Но главное – сам человек оказался беззащитной мишенью: на него обрушился поток канцерогенных веществ, отравляющих и сжигающих его повсеместно.

Бахытжан Канапьянов едва ли не первым из поэтов на Земле озвучил в пронизанных болью стихах необходимость обуздания человеком взбунтовавшегося «мирного» атома. Растительный и животный мир в его поэзии не просто окружающий мир, это мир органический, целостный, крест-накрест связанный с Человеком крепкими суровыми нитями. Трагедия Чернобыля – трагедия не Человека, а трагедия Земли, Природы, всего живого.

Лось вышел из зоны, прошел лось
сквозь смешанный лес,
Причины не зная, терял день за днем он свой вес.
И в болоте вода – как вода, и трава – как трава.
И кусты – как кусты, и такая же вроде листва,
И воздух такой же, травою насыщен,
как перед грозой...

Лось вышел к дороге, лось вышел к черте роковой.
В глазах его талых бил крыльями аист и – взмыл,
Над лосем, над лесом, над станцией аист кружил.

(«Лось»)

Несомненно, мы имеем дело с той самой защитной реакцией человека, которая предохраняет его психику от деформации. Об этом помнил еще молодой Лев Толстой, когда писал «Севастопольские рассказы». Уже написав всю правду о военных действиях, Лев Николаевич в рассказе «Севастополь в мае» признается: «Вот я и сказал, что хотел сказать, на этот раз. Но тяжелое раздумье одолевает меня. Может, не надо было говорить этого. Может быть, то, что я сказал, принадлежит к одной из тех истин, которые, бессознательно таясь в душе каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сделаться вредными, как осадок вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его».

Однако писатель переступил через свои сомнения и закончил этот свой рассказ теми выстраданными и программными словами, которые теперь уже стали хрестоматийными: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого стараюсь воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда».

Чувство равновесия, сообразности всех частей пространства, составляющих природу, мир, жизнь, растет и усиливается у Бахытжана Канапьянова с каждым новым произведением. Это уравновешенность художника и человека.

Возможно, эта уравновешенность является в какой-то мере результатом пространственной перспективы поэта, его устремленности в космос, больших надежд на осуществление братских взаимосвязей с ним.

И сквозь иней на поверхность стелы
Выйдет образ прожитого дня.

Вижу мир иной – его пределы
Расширяют сферу бытия.
И все то, что нам несло тревогу,
Канет сквозь небесное стекло...

(«Число»)

У нашего современника К. Липскерова я как-то прочитал такие строчки: «Круженьем звезд я вынесен на землю», – и очень удивился. Более точного определения по отношению к Бахытжану Канапьянову просто не может быть. В моем представлении именно *он* и именно *круженьем* звезд вынесен на нашу грешную землю. Вся его поэзия насквозь пронизана светом звезд, смуглой азиатской луны и лучами степного казахстанского солнца.

И, возвращаясь к проблеме «пространственной перспективы» в творчестве Бахытжана Канапьянова, можно сказать, что чувство ее, верное ощущение своего места в мире, неразрывно связанное, кстати, с чувством внутренней свободы, возникает у него не от противопоставления себя миру, а от остро переживаемых множественных связей своей личности и космоса, своей личности и природы. Вспомним Гавриила Державина: «И цепь существ связал всех мной».

А вот у Бахытжана Канапьянова:

Благодарю
за белый ваш шум,
Птица, ручей, дожди и деревья!

(«Белый шум»)

Или:

Быть может, волнами природы
Соприкасаются в наш век
Мгновенья смерти, жизни годы,
Живая тварь и человек.

(«Быть может, волнами природы...»)

Примеры подобной созвучности можно было бы перечислять и перечислять.

Что это за развернутая в пространстве «цепь существ»? Кто, кроме лирического «я», и на равных правах с ним существует в поэтическом космосе Бахытжана Канапьянова?

Конечно же, прежде всего это животный и растительный мир нашей планеты. Флора и фауна на правах живых существ активно и часто присутствуют в его лирике.

По мысли Бахытжана Канапьянова, и человек, и яблоня под окном – существа живые, способные жить эмоциями и желаниями. Только судьбы у них разные. И человеку, и яблоне хочется путешествовать, кочевать, но только человеку дано такое счастье – передвигаться в пространстве, а яблоню не отпускают корни – ее источник жизни, благодаря которому она и существует в этом же пространстве.

Нет нужды доказывать, что еще в ранних стихах Бахытжана Канапьянова мысль о живой жизни вокруг человека всегда присутствовала. Достаточно вспомнить стихотворение «А может быть, плач поднебесья...», где «ель... живет у окна». Или:

По руслу река струится,
Катит небес дары –
Нисходит волною чистой
Синий воздух горы.

Луч солнца мелькнет
в ущелье,
Плачет сквозь слой коры
Смола,
Что спешит к апрелю,
И стынет над *спящей елью*
Синий воздух горы.

(«В ущелье»)

Но теперь мысль поэта, работающего в этом направлении, точно так же набирает дыхание, чувство простора и чувство пространственной перспективы, как и все его мировоззрение в целом. О чем бы он ни писал: о конях, о ласточке, об облаках, о «маленькой» человеческой судьбе или о небесных светилах, – постоянно перед его мысленным взором мир в его цельности, вся иерархия живого, та «цепь существ», о которой говорил Г. Державин. Поэтому так убедительны в его устах слова «жизнь», «природа», так конкретны и ясны: он обладает способностью видеть их воочию как цельный, неотвлеченный образ.

Взгляд поэта, охватывая природу, обегая разом всю ее лестницу, все чаще обращается к светилам, как будто ширящееся чувство пространства внутренней свободы именно к ним направляет его.

Упоминания о светилах, да и вообще о свете и блеске столь часты, что это наталкивает на следующую мысль. Если взаимосвязи всего живого так важны для Бахытжана Канапьянова и идея единства мира ему так близка, то, видимо, «энергетическое обеспечение» этого единства, его основу он усматривает именно во всепроницающем, выявляющем любую форму, заполняющем любые пространства свете.

Свет для Бахытжана Канапьянова – это синтез всех цветов, отпущенных природе, и шире того – всех возможностей жизни, всех внутренних сил человека, соразмеренных с могуществом природы:

И пролегли вдоль берега следы,
Их волны неустанно омывают,
И с каждою волною они тают,
И в каждом – дышит горсть живой воды.
И если ночью волны затихают,
Забьется чешуею свет звезды,
Быть может, звезды, только звезды знают,
В какую даль ушла по жизни ты.
(«И пролегли вдоль берега следы...»)

Иногда поэт задается целью создать одухотворенно-идиллическую картину земной и небесной гармонии, и тогда он пишет:

Дорогу намечают огоньки
До скрытого за тьмою горизонта,
И, как бы ты ни вглядывался зорко,
Не разгадать – близки иль далеки.

Быть может, скоро убедишься в том,
Что истину познать в ночи не поздно:
Не то она горит земным огнем,
Не то она – мерцающие звезды.
(«Огни в степи»)

В минуту душевной смуты ожидание *просветления* проходит у него в борении: «Вздохнем, глубинный видя свет, свет, что в глубинах».

Сберечь «золотые запасы души» удается не всем, но лирический герой Бахытжана Канапьянова стремится понять себя через постижение непримиримости добра и зла, через мысль о глубоком родстве человека и природы.

Родство с природой, восхищение ее красотой перерастает у поэта в чувство оптимизма, в желание-просьбу: «Я хочу увидеть свет, света в жизни мне добавьте».

И хотя он порой вроде как жалуется:

А я ничего не умею,
А я ничего не хочу… –
(«На горной дороге в тумане…»)

или:

На свои только силы надеюсь,
В эту ночь никого не зову.
Словно волк я от стаи отсеюсь, –

он знает цену настоящей жизни:

Где-то там у костра отогреюсь
И – живую увижу траву.
(«На свои только силы надеюсь…»)

Сколько в стихах Бахытжана Канапьянова лучей, огня, сияния: «где тянется к звездному рою блаженная пыль ворожбы», «то скрипка, то флейта, то улочки свет», «владею тайной я… невидимый в ней свет», «над горами звезд отара», «шорох звезд сквозь разговор», «свет горний встает над тропою под скрип одинокой арбы», «даль распахнута в трепете юном, с ней сроднится в сиянии лунном только вкус молодого вина», «мне мудрое солнце под вечер свой образ лучом подает. Он в каждом предмете отсвечен…»…

Ощущение льющегося света буквально во всем: «кошмы луною облиты» – и прежде всего в обновлении земли, жизни – судьбы человеческой:

Еще не брезжит предрассветный час,
Еще окутан мир ночным покоем.
Вселенная все кружит звездным роем,
Во времени перемещая нас.

Смятенье чувств невысказанных фраз,
Прощались предки так перед конвоем.
Мы лица наши над судьбой откроем,
Срывая маски с воспаленных глаз…

Забудем ночь. За все ее простим.
Мы пробужденье к жизни сохраним.
Об этом шелестит неторопливо,
Вобрав в себя лучей небесных ток,
Когда светилом заалел восток,
Склонившаяся над рекою ива.
(«Еще не брезжит предрассветный час…»)

Вот строки о духовно-нравственной природе человеческой красоты:

Что сердцу оставишь? Только ли свет,
что плывет по Вселенной
Иль в горном ручье, как в ладонях моих,
лепестками дрожит?..
(«Кочевая звезда»)

Свет для Бахытжана Канапьянова – синоним жизни:

Бродит нашей встречи свет,
И его в кругу планет
Черные не скроют дыры.
(«Нашей повести сюжет...»)

Или:

Во дворе соседи говорят,
«Три окошка в доме не горят!»

Ночью на балкон я выхожу,
Окна незажженные ищу.

Грусть-тоска берет меня опять.
Почему? – не знаю. Не понять.

Ведь и дом – не дом, покуда в нем
Чья-то жизнь не светится огнем.

Я и жизни собственной не рад,
Если в доме окна не горят.

Вспыхнул как-то ночью по весне
Свет в одном окне, в другом окне.

Вот и в третьем загорелся он…
Женщина выходит на балкон!
(«Свет в окнах»)

Поэтому оттенки света, холод или теплота сияния могут выражать всю гамму, диапазон жизненных явлений и человеческих чувств: «Материя мертва, что без пространств сознанья, // разумна и трава, встает на свет желанья».

Или:

Глаза закрою – вижу
Потусторонний свет.
К нему на шаг я ближе,
И мне возврата нет.
(«Глаза закрою…»)

И не случайно, когда Бахытжан Канапьянов хочет показать разрыв мировых связей, одиночество человека на всем свете, неизбывность людской беды, он пишет:

Небесная тень непогоды
Не тает в печальных глазах.
Нет дома в пейзажах природы,
Где холоден звездный очаг.
(«Дети беженцев»)

От стихотворения к стихотворению образ света трансформируется у Бахытжана Канапьянова в образ красоты, жизни, природы, мироздания. Жить на свету, дорожить светом, передать свет родства в поколениях, найти свет в своем творчестве:

Постигаю
Звездное пространство,
Соизмерив

Время, что во мне.
Свет поиска,
Не умирай в окне.
Дай вычислить
Константу
Вечных странствий.
(«Постигаю…»)

Поэт видит свет небесный во всем земном – даже в ночном костре, вспыхнувшем в степи:

Вещий рокот струн
Обжигает слух.
Подступил к сердцам
Гулкий топот.
Все поймешь к утру.
Быть в степи костру.
Для костра в степи
Рухнул тополь.
И умчатся в ночь,
Опалив бока,
Опалив бока,
Аргамаки.

Поэтому одухотворенной предстает у Бахытжана Канапьянова и сама природа.

И по их следам
Забурлит река,
И по всей степи
Вспыхнут маки.
(«Кюй»)

И вдалеке от родных мест владеет человеком это непреходящее ощущение света, даже тогда, когда человек блуждает в таежном «райцентре глухом»:

И дальше, и дальше, и дальше,
Все ближе, все ближе – ко мне;
Так радость в ночи обозначит
Свет родины в каждом окне.
(«На Волге иль где-то в Сибири…»)

Пшеничное зерно под взглядом поэта излучает золотой, тревожный свет землепашеской радости:

Ладонь человека похожа на пашню,
Изрыта она морщинами лет.
Зерно на ладони
тревожно
сквозь пальцы
Излучает, как солнце,
Немеркнущий свет.
(«Хлебное зерно»)

Образ света – как состояние души лирического героя, хранящего в своем сердце с малых лет животворный свет степного кочевья:

Дорога столетий, легенду выносит ночами прилив,
И – слушают, слушают дети берега вечный мотив.
Дорогу столетий из детства ведет кочевая звезда.
Луна ли небесной монетой мои разменяет года?
(«Дорога столетий»)

А вот еще:

В орнаменте ковра есть что-то от арабской
книжной вязи,
И в памяти встают потомками разорванные связи,
И на Великом Шелковом пути не стерты города,
И дервиш у костра, *купается в глазах его звезда.*
(«Метаморфозы»)

Но ведь здесь не что иное, как вновь возникающая картина всеобщей, мировой связи. И эта связь выразилась, изобразилась во всепроникающем свете, излучаемом небом и отражаемом землей. Двойная, взаимно устремленная подсветка, в фокусе которой находится человек.

Это же самое подчеркивают и такие строки:

Над головой ребенка бездна
И бесконечный свет звезды.
Он осознает бесполезность
Царящей в мире суеты.
(«Над головой ребенка бездна...»)

Свет как обозначение сердечного излучения, задушевного тепла обычен для поэзии Бахытжана Канапьянова:

То день, то ночь
Моей клавиатуры.
Но – ты вошла
В мой небольшой сюжет.
Твои зрачки
Мне светятся в лазури –
В сонате
Под названьем
Белый свет.
(«То день, то ночь...»)

Или:

Быть может, бродят ветры жизни бренной –
И мысли о любимых в наши сны
Дорогою выносят сокровенной
При свете звезд во мраке тишины.
Разрозненные судьбы по Вселенной
Собой соединять – обречены.
(«Ветер воспоминаний»)

Кстати, о Вселенной… О ее влиянии на жизнь земную, в частности на человеческую судьбу, тоже немало сказано в произведениях поэта. К примеру:

И на звездные Весы
Долюшка легла земная.

А кому доверен ключ,
Может быть, известно Богу.
Там звезду сменяет луч,
Чтобы осветить дорогу.
(«Часы «Мозер»)

Мысль и сам образ луча от сгоревшей звезды, который остается в Космосе, чтобы освещать Человечеству путь к вершинам знаний, свежи и неординарны.

Но самое удивительное, пожалуй, в творчестве Бахытжана Канапьянова заключается в том, что почти каждая строка – самая скромная, самая бесхитростная – отмечена светом.

Когда вошла твоей походкой тень,
Преобразились озеро и скалы.
Лучами солнца лето нас ласкало,
И прожитый с любовью каждый день.
И лодкой, опрокинутой вверх дном,
И зеленью озерною, и пляжем
Был этот мир, что тишиной заряжен,
Мы по нему ступали босиком.
Тянулось время золотым песком.

Мир для этих двоих, лирических героев стихотворения «Иссык-Куль», полон радости и света, как и раннее летнее утро на прозрачном озере. Для них гармоничность внешнего мира – отражение гармонии их мира внутреннего.

Именно в такие минуты люди, живущие в разные времена на земном шаре, говорящие на разных языках, настолько сливаются с окружающим миром, что чувствуют одно и то же: свою нерасторжимую связь с ним. Это и есть абсолютная гармония, это и есть счастье.

И все-таки что же мы видим в этом канапьяновском свете, отражающем и небо, и землю, и самого поэта? Прежде всего судьбу.

Да, он взахлеб пишет о звездах, но иначе и не могло быть, поскольку он является воплощением Кочевой Звезды, излучающей свет добра, верности и суровой нежности ко всему живому во Вселенной – на Земле и в Космосе.

Так свет рождает свет. Будучи сам источником света, талант обладает свойством светопритяжения без какого-либо искусственного отражения чужого света.

У Бахытжана Канапьянова мы имеем дело не просто с неким земным человеком при всей конкретности его судьбы, характера, но и с человеком в высшем значении этого слова, с нравственным абсолютом, который говорит о вечном, а не о сиюминутном в человеке, т. е. о том, что больше, чем человек…

Мы стремимся, исходя из произведений Бахытжана Канапьянова, не столько добиться чего-либо в этом мире, сколько улучшить самих себя. Здесь преследуется не прагматическая, а гуманистическая цель: сделать человека человеком, сделать его лучше, чем он есть.

Из книги В. П. Максимова
«Свет кочевой звезды».
М.: РИЦ «Пилигрим», 2000. С. 128–178.

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Бадиков. РАЗЛОМ ЭПОХИ И СУДЬБЫ 3

ПРОСТРАНСТВО ЦИФЕРБЛАТА
(1985–1986)

Среди листьев 16
“Меня увлекает ночами...” 17
“Грядущее – гряда...” 18
Год Чокана 19
“Божественную перфокарту...” 20
Спираль движения 21
“Не только же тридцать седьмой...” 24
Дискуссия 26
Обратная перспектива 27
“Для семьи ждут годами жилища...” 28
Плывут облака 29
Посещение дома детства 30
Телемост 31
Сирень 33
Долина 35
Ладонь 36
Послесловие 38
В день окончания перевода “Кыз Жибек” 50
Звездный час 51
Пространство циферблата 54
Координаты 58
Космостанция 68
“Я шороху Вселенной внемлю...” 71
Перекресток 72
Заклинание 74
Кочевница 80
Метро 84
Крымская прогулка 88
Сегодня в мире 100
Мастеру 105
На мотив детских книг 106
“Цена человеческой жизни...” 107
Метаморфозы 108
Лось 109

Чернобыльский дневник (1986–1988)

Казахстанцы в Чернобыле 111
Аист 113
Вкус черного хлеба 114
Сосед и птицы 115
Плоды 116
Больница 117
Сын пожарного 118
Память 119
Вздох земли 120
Утро 121
Облако тишины 122
Ночная земля 123
Срез яблока 124
Сон о возвращении 125
Лес 126
Эхо 127
У реки 128
Дорога 129
Баллада о стрелочнике бывшей железнодорожной линии 131
Зона 133
На тему милосердия 134
AD ASTRA 136
“И вновь мне снится звездопад...” 138
“В недоброй памяти застоя...” 140

ПЛАЧ СМУГЛОЙ ЛУНЫ
(1987–1990)

Детективный жанр 142
“Каменная сказка Карадага...” 143
“Забыты дальние дороги...” 144
Возвращенные имена 145
“Вздохнув, смахну слезу невидимую миру...” 147
“Перестройки крикливый мутант...” 148
“Недетские мои глаза...” 149
“Себя я чувствую частицей Амстердама...” 150
Часы “Мозер” 151
“За Садовым кольцом горизонт расширяется мой...” 153

К Абаю 154
Плач смуглой луны 156
“Густая тишина в лесу...” 157
“На свои только силы надеюсь...” 159
“Спит небоскреб – словно Сфинкс...” 160
“Нашей повести сюжет...” 161
“Судьба поэта...” 163
Дорога столетий 164

АЛМА-АТИНСКИЙ БЛЮЗ
(1991–1999)

“Пришли неизвестно откуда...” 166
“А может быть, плач поднебесья...” 167
“В этом мире пустом и безумном...” 168
“Горная окраина...” 169
“Лишает разума и речи...” 170
Дети беженцев 171
Вечерний свет 173
“Дыхание моей любимой...” 175
“Идет через твой дом моя дорога к храму...” 176
“Вот ветерок твоим плащем...” 177
“Я кочевник с авиабилетом...” 178
“На горной дороге в тумане...” 180
Песенка ваганта 182
“Яблоком дышит Нью-Йорк...” 184
“Мне мудрое молчанье старика...” 185
“И на белую страницу...” 186
“Живем как будто впереди нас вечность...” 187
“Стихи не подвластны преградам...” 189
“Затаилась в кронах осень...” 190
“Стучат колеса, вырывая...” 191
“Глаза закрою – вижу...” 192
“Моя последняя любовь...” 193
“То скрипка, то флейта...” 194
“Днем не слышно горной речки...” 195
“И вновь вспоминаю далекий твой дом...” 196
Осень 199
“Ночная электричка...” 200

“И сквозь ветровое стекло...” 201
“Мне мудрое солнце под вечер...” 202
“Спой мне песню из времен застоя...” 203
“Венский ветер выносит к Дунаю...” 204
“Дорога горная в тумане...” 206
Музей. Светильник 208
Число 209
Очевидец 212
Шахматы 213
Кюй “Урус-султан” 215
Шварцвальд 216
“Песня манит к старине...” 217
“Пропитаны годом ушедшим...” 219
“Выдаст компьютер мне тест...” 220
“При своем остаюсь интересе...” 221
Алма-атинский блюз 223

МЫШЬ КОМПЬЮТОДОРА
(2000–2006)

“Я отправился в путешествие...” 228
“Щедрый станет скупым...” 229
“Золотая тишина...” 230
“Городская карусель...” 231
“Осеннее утро...” 232
Взгляд 233
Облако 234
Лес воспоминаний 235
Сувенир 237
Листва и ветер 238
Тяга к вечности 239
Компьютодор 240
Июль 241
Страна юности и детства 242
“Как сиротливость...” 243
“Душа, что наполнена светом...” 244
“Ночь над Иссык-Кулем...” 245
“Вспоминаю былого кумира...” 246
“Споет мне милая подруга...” 247

Поэт 248
“Меняя все внешние маски...” 249
“Проходит все...” 251
“Свежая могила без надгробья...” 252
“Это пепел святых...” 253
“Вновь слышу я издалека...” 254
“Объединил вас Махамбетом...” 255
“В одном поселке Подмосковья...” 256
“И крики чаек, шум прибрежных волн...” 257
“На пенсию ушел чабан...” 258
Пеон 259
“Маленький маэстро Шернияз...” 261
“Природы незатейливый экслибрис...” 262
“Проступает роса на камне...” 263
“Граждане ночных кварталов...” 264
Фонарщик 265
“Манускрипты бытия...” 266
Дело в шляпе 267
“Хранитель духа – Шыракши...” 268
“С обратной стороны луны...” 270
“Предощущение стиха...” 271
Тамга 272
Юг Иссык-Куля 273
Две ивы 275
Манасчи 276
Чон Жаргылчак 277
Ак Терек 279
Барскоон 280
Джуугу 282
Вдоль горной речки на коне 283
Знаки 284
Боз Тери 286
Чолпон-Ата 287
Алайский рынок 288
Осень на Иссык-Куле 289
Тамга Иссык-Куля 290
Высокогорный мотив 292
“Из единого тюркского корня...” 294

ПЕРЕВОДЫ

Жамбыл Жабаев
Кер-оглы.....296
Кенен Азербаев
Тукетай и Маникер 344

КЫЗ ЖИБЕК

Кыз Жибек. *Поэма* 375
Словарь.....500
Виктор Максимов. Свет кочевой звезды.....504

Бахытжан Мусаханович Канапьянов

ИЗБРАННОЕ

ТОМ ВТОРОЙ

Редактор А. Шаихова
Художники Б. Ильин, Е. Оспанов, А. Дузельханов
Дизайн и верстка И. А. Селивановой

ISBN 978-601-294-055-8

9 786012 940558

Сдано в набор 28.04.11.
Подписано в печать 01.06.11.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 31,1.
Гарнитура "Times".
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 2000+100 экз.

Издательский дом "Жибек жолы".
050000, г. Алматы, ул. Казыбек би, 50, ком. 55
тел. 8 (727) 261-11-09, факс 8 (727) 272-65-01.

E-mail: bkanapyanov@yandex.ru